

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Тарасова Юлия Евгеньевна

**Формы множественности преступлений и конструкции
множественного совершения деяний в российском уголовном праве**

12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук,
доцент А.В. Пашковская

Москва – 2019

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Историко-правовой анализ и юридическая природа множественности преступлений в российском уголовном праве.....	22
§1 Историко-правовой анализ института множественности преступлений в отечественном уголовном праве	22
§1.1 Множественность преступлений в уголовном законодательстве древнего периода	22
§1.2 Множественность преступлений в уголовном законодательстве дореволюционного периода	26
§1.3 Множественность преступлений в уголовном законодательстве советского периода	32
§2 Понятие множественности преступлений в российском уголовном праве ...	37
Глава 2. Уголовно-правовая характеристика форм множественности преступлений и конструкций множественного совершения деяний в российском уголовном праве	66
§1 Соотношение форм и видов множественности преступлений в российском уголовном праве	66
§2 Уголовно-правовая характеристика совокупности преступлений	74

§3 Уголовно-правовая характеристика рецидива преступлений.....	108
§4 Уголовно-правовая характеристика специальной повторности неосторожных преступлений.....	140
§5 Уголовно-правовая характеристика совокупности приговоров	149
§6 Уголовно-правовой анализ конструкций множественного совершения деяний в российском уголовном праве	162
Заключение	204
Библиографический список	208
Приложение.....	236

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования.

Ежегодно в России регистрируется свыше 2 миллионов преступлений¹. При этом общее число лиц, осужденных за совершение преступлений, в среднем ежегодно составляет около 700 тысяч человек².

Разброс между количеством совершенных преступлений и числом лиц, осужденных за их совершение, обусловлен различными факторами: в ходе расследования тех или иных преступлений могут быть выявлены основания освобождения лица от уголовной ответственности, виновное лицо может в принципе оказаться не подлежащим уголовной ответственности (к примеру, в силу возраста или наличия психического расстройства, исключающего вменяемость), да и, к тому же, расследование далеко не каждого преступления завершается выявлением виновного лица (так, по опубликованным данным МВД России, из 2 058 476 зарегистрированных в 2017 году преступлений раскрыты были лишь 1 117 801 преступлений, что составляет около 54% преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде³).

Помимо перечисленных факторов различие показателей следует связывать с таким явлением уголовно-правовой действительности как множественность преступлений.

Случаи совершения одним лицом нескольких (двух или более) преступлений в настоящее время не являются чем-то экстраординарным для российской правоприменительной практики. Более того, результаты историко-правовых

---

¹ Состояние преступности в Российской Федерации в 2013-2017 гг. по данным МВД России / Официальный сайт МВД России <<https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987>> (последнее посещение – 04 августа 2018 г.).

² Статистические сведения из отчетов о составе осужденных за 2015 – 2017 гг. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации <<http://www.cdep.ru/index.php?id=79>> (последнее посещение – 04 августа 2018 г.).

³ Состояние преступности в Российской Федерации с января по декабрь 2017 г. / Официальный сайт МВД России <<https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987>> (последнее посещение – 04 августа 2018 г.).

исследований свидетельствуют о появлении зачатков современного института множественности преступлений в древнейших памятниках российской правовой мысли времен XIII-XIV веков (Двинская уставная грамота, Псковская судная грамота).

Несмотря на богатую историю и высокий объем распространенности на современном этапе развития уголовного права, институт множественности преступлений в работах исследователей так и не получил должной комплексной оценки, позволившей бы в полной мере изучить сущность данного явления, сформировать единообразный непротиворечивый подход к понятию множественности преступлений, ее соотношению с единичными сложными преступлениями, представления о системе форм и видов множественности преступлений, выявить имеющиеся практические проблемы института и предложить пути их решения, способствующие совершенствованию правоприменительной практики.

Необходимо признать, что законодатель в новейшей истории российского государства не раз обращал свое внимание на вопросы множественности преступлений: так, крупнейшим событием в этой сфере, пожалуй, является реформа 2003 года, исключившая из числа форм множественности преступлений неоднократность, тогда же подверглись изменениям нормы о совокупности и рецидиве преступлений. Попытки преобразований в этой связи характерны и законодательным новеллам самого ближайшего прошлого, в частности, к таковым можно отнести включение в Особенную часть УК РФ целого ряда конструкций множественного совершения деяний (систематичность, административная преюдиция и др.).

Действующие нормы УК РФ, УИК РФ, КоАП РФ регулярно становятся предметом пристального рассмотрения представителей научного сообщества, учеными предлагаются модельные проекты указанных кодексов, основывающиеся на предполагаемых с точки зрения авторов «идеалах»

структуры и содержания правовых норм перечисленных законов¹. Эти обстоятельства являются дополнительным свидетельством несовершенства существующего состояния упомянутых норм, а также повышают актуальность научных исследований, посвященных выявлению проблем нормативного регулирования данной сферы и поиску путей его совершенствования.

Работа по совершенствованию правоприменительной практики применительно к вопросам, связанным с множественностью преступлений, ведется и со стороны Верховного Суда РФ: целый ряд постановлений Пленума высшей судебной инстанции, посвященных наиболее значимым и распространенным категориям преступлений – убийства, изнасилования, различные виды хищений, содержит разъяснения вопросов квалификации деяний по совокупности преступлений; отдельные постановления по вопросам назначения наказания и видов исправительных учреждений касаются проблемных вопросов рецидива преступлений; отдельные постановления Пленума рассматривают вопросы квалификации конструкций множественного совершения деяний из Особенной части УК РФ (к примеру, постановление, посвященное вопросам квалификации преступных деяний в области авторских и смежных прав).

Обсуждению вопросов множественности преступлений и смежных с институтом вопросов посвящена тематика многочисленных научных конференций (так, одним из популярных направлений обсуждения в последнее время стали уголовно-правовые аспекты административной преюдиции в связи с неуклонным расширением ее присутствия в нормах уголовного закона).

---

¹ См., например, Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Хутов К.М., Долотов Р.О. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть. Проект // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 6. С. 18-59; Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Хутов К.М., Долотов Р.О. Теоретическая модель Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные положения структуры и содержания // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 1. С. 109-118; Селиверстов В.И. О разработке научно-теоретической модели Общей части УИК РФ // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1. С. 90-98. Шестакова М. Концепция нового Кодекса об административных правонарушениях: что планирует изменить правительство для граждан и компаний // ЭЖ-Юрист. 2019. № 24.

Вместе с тем, результаты научных исследований, разъяснительная работа Верховного Суда РФ в их совокупности с действующими нормами уголовного закона не позволяют разрешить имеющиеся на практике коллизии, возникающие при квалификации преступлений, осложненных элементами множественности; теорией и практикой не выработаны критерии разграничения единичных сложных преступлений и множественности преступлений, не сформировано единое понимание форм и видов множественности преступлений, их содержательный состав.

Всё перечисленное отнюдь не способствует приведению судебной практики к единому знаменателю, влечет достаточное число квалификационных ошибок, формирует у судей противоречивое понимание сущности института множественности преступлений.

Актуальность темы исследования вызвана вышеуказанными несовершенствами правового регулирования института множественности преступлений, а также недостаточностью выработанного к настоящему времени научного материала, который, невзирая на свой массив, не позволяет комплексно осмыслить институт множественности преступлений в российском уголовном праве, системно проследить его основные элементы, выявить и непротиворечиво разрешить имеющиеся коллизии.

Степень разработанности темы. Изучению тех или иных аспектов множественности преступлений посвятило свои исследования достаточное число специалистов, среди которых В.П. Малков, Ю.А. Красиков, Г.Г. Криволапов, В.Н. Кудрявцев, Н.С. Таганцев, Н.Ф. Кузнецова, Б.В. Волженкин, А.М. Яковлев, Ю.И. Бытко, И.Б. Агаев, А.Г. Кибальник, А.Ю. Морозов, И.Г. Соломоненко, Э.Г. Шкредова, А.П. Козлов, А.П. Севастьянов, Т.В. Кленова, П.С. Яни, А.В. Корнеева и другие авторы.

Анализ множественности преступлений и смежные с институтом вопросы подробно представили в диссертационных исследованиях следующие авторы:

А.В. Армашова, М.М. Асланян, О.Ю. Боева, Е.А. Борисенко, Е.Г. Васильева, И.Г. Возжанникова, М.В. Гончарова, Г.С. Досаева, А.К. Дюсенбаева, Н.В. Елисеева, Г.Н. Зарва, В.В. Зозуля, Т.А. Калинина, А.В. Козлов, Н.Н. Коротких, Д.Ю. Краев, А.Н. Кулагин, Н.Н. Куличенко, Л.Ю. Ларина, С.А. Пичугин, Н.Н. Рогова, А.И. Рясков, Н.Н. Салева, А.И. Сорокин, Л.С. Тосакова, Т.Р. Чогошвили и другие ученые.

Между тем, указанные труды осветили не все теоретические и практические вопросы о множественности преступлений, подлежащие раскрытию. В частности, ряд имеющихся в данной сфере проблем остается неисследованным, а косвенные упоминания о них в имеющихся работах не имеют системного характера и не позволяют выработать непротиворечивые пути разрешения проблемных вопросов.

Бесспорно, следует отметить внесенный вышеизложенными авторами значительный вклад в исследование вопросов множественности преступлений. Вместе с тем, массивом имеющихся научных разработок не выработаны основные критерии разграничения единичных сложных преступлений и форм множественности преступлений, не сформированы представления о соотношении форм и видов множественности преступлений, не проанализирована система форм и видов множественности преступлений, не разработан понятийный аппарат по некоторым формам множественности, не затронуты конструкции множественного совершения деяний, внесенные законодателем в Особенную часть уголовного закона. При этом попытки решения имеющихся в отношении основных форм множественности преступлений проблем правоприменительного характера, как правило, носят в имеющихся научных трудах противоречивый характер, выражающийся в предложении варианта решения проблемы, неизбежно влекущего возникновение новой.

Изложенное выше обусловило необходимость проведения комплексного и всестороннего исследования вопросов, посвященных формам множественности преступлений в российском уголовном праве.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие на основе уголовно-правовых норм, регулирующих формы множественности преступлений, и уголовно-правовых норм, регулирующих конструкции множественного совершения деяний.

Предметом исследования являются:

- ранее и ныне действующие нормы уголовного закона, посвященные регулированию форм множественности преступлений и конструкций множественного совершения деяний;

- научная литература, посвященная тематике настоящего исследования и общим вопросам уголовного права;

- акты толкования уголовного закона и материалы правоприменительной практики по делам о преступлениях, при квалификации которых подлежат применению нормы, регулирующие формы множественности преступлений и конструкции множественного совершения деяний (из Особенной части УК РФ);

- ранее и ныне действующие нормы уголовного законодательства некоторых зарубежных стран, касающиеся регулирования форм множественности преступлений и конструкций множественного совершения деяний.

Цель диссертационного исследования заключается в том, чтобы на основе комплексного анализа института множественности преступлений разработать системную модель форм и видов множественности преступлений и конструкций множественного совершения деяний в российском уголовном праве, а также предложить меры по совершенствованию уголовно-правовых норм и правоприменительной практики в рассматриваемой сфере.

В связи с вышеуказанной целью были поставлены следующие **задачи**:

- изучение историко-правовых аспектов развития института множественности преступлений и ее форм в отечественном уголовном законодательстве древнего, дореволюционного и советского периодов;

- анализ эволюции взглядов ученых на понятие и сущность множественности преступлений, разработка на указанной основе авторского представления о понятии и сущности множественности преступлений в современном уголовном праве;

- выявление характера соотношения уголовно-правовых категорий «форма множественности преступлений» и «вид множественности преступлений», разработка оптимальной системы форм и видов множественности преступлений, а также конструкций множественного совершения деяний в российском уголовном праве;

- проведение комплексного уголовно-правового анализа совокупности преступлений как формы множественности преступлений, выработка рекомендаций по совершенствованию уголовно-правовых норм и правоприменительной практики, касающихся совокупности преступлений;

- проведение комплексного уголовно-правового анализа рецидива преступлений как формы множественности преступлений, выработка предложений по совершенствованию уголовно-правовых норм и правоприменительной практики, касающихся рецидива преступлений;

- характеристика сущности специальной повторности неосторожных преступлений и совокупности приговоров как форм множественности преступлений, выработка рекомендаций по совершенствованию уголовно-правовых норм и правоприменительной практики, касающихся специальной повторности неосторожных преступлений и совокупности приговоров;

- формирование представлений о сущности и содержательном составе конструкций множественного совершения деяний, имеющих в Особенной части

УК РФ, выработка рекомендаций по совершенствованию уголовно-правовых норм и правоприменительной практики, касающихся конструкций множественного совершения деяний.

Методологию диссертационного исследования формируют общенаучные и частнонаучные методы познания, среди которых (включая, но не ограничиваясь):

- диалектический метод, посредством которого диссертант осуществил всестороннее и объективное рассмотрение явлений, формирующих объект исследования, выявил присущие им связи и противоречия (коллизии), произвел их правовую оценку, выступает в качестве методологической основы диссертации;

- метод обобщения (установление общих признаков и свойств предметов, в частности, характерно для тех частей исследования, где на основе изучения отдельных элементов соответствующего института вырабатывается понятийный аппарат, позволяющий обобщить выявленные признаки и свойства в единое целое);

- дедуктивный метод, т.е. метод получения знаний от общего к частному, получения новых знаний на основе уже имеющихся общих знаний, присущ формированию авторских представлений о сущности конструкций множественного совершения деяний: применив общие знания об основных характеристиках форм множественности преступлений автором были сделаны выводы о существовании в уголовном законе уголовно-правовых явлений, формами множественности преступлений не являющихся, в связи с чем подлежащих отдельному изучению и особому правовому регулированию;

- исторический метод характерен для историко-правовых частей исследования, без которых невозможно было бы проследить эволюцию множественности преступлений, ее хронологические особенности и взаимосвязи, а также без которых исследование современного состояния института множественности преступлений не было бы полным и всесторонним;

- метод синтеза применительно к настоящей работе проявился при выявлении и объединении уголовно-правовых норм, которые сформированы с применением конструкций множественного совершения деяний, в самостоятельную группу с присущими ей признаками;

- метод системного анализа выразился в действиях диссертанта по установлению структурных связей между элементами института множественности преступлений, а также структурных связей между конструкциями множественного совершения деяний. В настоящей диссертации впервые применен системный (классификационный) подход к сущности форм и видов множественности преступлений, их соотношению;

- сравнительно-правовой метод нашел отражение при изучении автором вопросов правового регулирования форм множественности преступлений и конструкций множественного совершения деяний в уголовном законодательстве зарубежных стран. Изучение зарубежного опыта в соотношении с нормами российского уголовного закона позволило выявить наиболее оптимальные пути решения имеющихся в рассматриваемой сфере коллизий, а также совершенствования правоприменительной практики.

Нормативную основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, федеральные законы Российской Федерации (Федеральный закон от 30.12.2008 N 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму», Федеральный закон от 29.03.2010 N 33-ФЗ «О внесении изменений в статьи 73 и 74 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 189 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»), иные нормативные акты.

Кроме того, настоящим исследованием затронуты и проанализированы:

- 1) памятники отечественного права (Двинская уставная и Псковская судная грамоты XIII-XIV веков, Судебник Ивана III 1497 года, Соборное уложение 1649 года, Артикул воинский 1715 года, Свод законов Российской империи 1832 года, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, Уголовное уложение 1903 года, Уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926, 1960 годов и другие акты);
- 2) акты толкования закона в виде постановлений Конституционного Суда РФ (Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2010 N 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудаева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда», Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 N 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина», Постановление Конституционного Суда РФ от 14.06.2018 N 23-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» в связи с жалобами граждан А.И. Заляутдинова, Н.Я. Исмагилова и О.В. Чередняк»), Пленума Верховного Суда РФ (Постановление Пленума Верховного Суда

РФ от 27.01.1999 N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 N 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» и др.), Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ (Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 N 11 «О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»);

3) уголовное законодательство некоторых зарубежных стран (США, Латвии, Молдовы, Казахстана, Беларуси, Грузии, Японии и др.).

Общетеоретическая база диссертации сложилась из трудов российских и зарубежных исследователей вопросов уголовного права, уголовно-исполнительного права, уголовно-процессуального права, криминологии, философии, истории государства и права, психологии и др., в которых раскрывается научная доктрина о формах множественности преступлений и конструкциях множественного совершения деяний.

Эмпирическую базу исследования формируют материалы судебной практики по 110 уголовным делам, рассмотренным судами Волгоградской области, Брянской области, Тюменской области, Воронежской области, Свердловской области, Московской области, Амурской области, Челябинской области, Республики Крым, Кемеровской области, Иркутской области, Республики Башкортостан, Самарской области, Калужской области, Краснодарского края, Республики Бурятия, Хабаровского края, Ивановской

области, Кировской области, Белгородской области, Вологодской области, Республики Карелия, Республики Татарстан, города Москвы и других регионов Российской Федерации. Кроме того, эмпирическая база диссертации сформирована посредством изучения статистических данных МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде РФ, а также проведенного автором анкетирования по наиболее значимым вопросам исследования среди теоретиков и практиков в области уголовного права (опрошены более 30 человек).

Научная новизна исследования заключается в том, что данный труд является первым в своем роде исследованием, в котором комплексно проанализирована правовая природа конструкций множественного совершения деяний, содержащихся в Особенной части уголовного закона, сформирована их система, выделены их основные черты, указанным явлениям дана правовая оценка.

Кроме того, в настоящем исследовании осуществлена разработка исчерпывающего перечня критериев соотношения единичных сложных преступлений и множественности преступлений, позволяющего разграничить данные уголовно-правовые явления и усовершенствовать правоприменительную практику по спорным вопросам их квалификации.

Помимо изложенного автором выработан комплекс законодательных предложений по совершенствованию уголовно-правовых норм, регулирующих формы множественности преступлений и конструкции множественного совершения деяний, в отношении которых в настоящее время наблюдаются коллизии, и приведению судебной практики в этой сфере к единообразию. В частности, это предложения о пересмотре текущего понимания совокупности преступлений в уголовном законе; о целесообразности исключения из уголовного закона составов преступлений, сконструированных через применение сопряженности либо через применение конструкции «умышленные деяния, повлекшие умышленные последствия»; о необходимости расширения присутствия в уголовном законе специальной повторности неосторожных

преступлений; о необходимости дополнения уголовного закона понятием совокупности приговоров; о совершенствовании законодательной техники конструирования норм, содержащих конструкции множественного совершения деяний.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Множественность преступлений – это последовательное (разновременное) либо одним действием (бездействием) совершение лицом нескольких (двух или более) преступлений (*количественная характеристика*), хотя бы по двум из числа которых сохранены юридические последствия и отсутствуют препятствия для привлечения к уголовной ответственности (*качественная характеристика*).
2. Общими критериями разграничения единичных сложных преступлений и множественности преступлений следует признать критерии количества составов преступлений, единства умысла и единства формы вины. В качестве дополнительных критериев для некоторых видов единичных сложных преступлений возможно рассматривать критерии временного промежутка совершения преступлений; единства объекта преступления; объективной связи действий, образующих преступление. Преступления с двумя формами вины стоят «особняком» в ряду единичных сложных преступлений, поскольку являются фикцией уголовного закона и не поддаются разграничению с множественностью преступлений по вышеназванным критериям. Соотнесение конструкции «умышленные деяния, повлекшие умышленные последствия» с множественностью преступлений нецелесообразно вследствие ее «искусственной природы», что приводит к прямым противоречиям между наличием указанной конструкции и общими правилами о совокупности преступлений.
3. Форма и вид множественности преступлений не являются тождественными понятиями, вместе с тем, форма и вид множественности преступлений соотносятся как общее и частное (то есть как целое и его часть). На основе

такого понимания автором сформирована система форм и видов множественности преступлений, включающая в себя формы множественности преступлений (совокупность преступлений, рецидив преступлений, специальная повторность неосторожных преступлений, совокупность приговоров) и их соответствующие виды. Кроме того, автором выявлена система конструкций множественного совершения деяний в российском уголовном праве, включающая в себя неоднократность; неоднократность, комбинированную с административной преюдицией; административную преюдицию; систематичность.

4. Предложено изложить формулировку частей 1, 2 статьи 17 УК РФ в следующей редакции: «1. Совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицу не был провозглашен обвинительный приговор суда. При совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи настоящего Кодекса. 2. Совокупностью преступлений признается и одно действие (бездействие), содержащее признаки составов различных преступлений, предусмотренных двумя или более статьями либо различными частями одной и той же статьи настоящего Кодекса».
5. Требуется полное исключение из УК РФ:
  - а) всех составов преступлений, сконструированных через применение сопряженности;
  - б) всех составов преступлений, где использована конструкция «умышленные деяния, повлекшие умышленные последствия» (статьи 205, 206, 281 УК РФ).Такие деяния необходимо квалифицировать по совокупности преступлений.
6. Специальная повторность неосторожных преступлений – это совершение неосторожного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное тождественное неосторожное преступление.

Специальная повторность неосторожных преступлений является автономной формой множественности преступлений, характерной исключительно для Особенной части уголовного закона и обладающей своими специфическими чертами, в том числе, высокой практической значимостью и достаточной распространенностью.

7. Распространение специальной повторности неосторожных преступлений необходимо лишь в отношении тех неосторожных преступлений, последствиями которых являются тяжкий вред здоровью либо смерть, причиненные человеку либо двум или более лицам.
8. Совокупность приговоров как форма множественности преступлений требует введения в уголовный закон новой статьи 18¹ УК РФ в следующей редакции: «Совокупностью приговоров признается совершение лицом нового преступления во время либо после провозглашения ему обвинительного приговора за ранее совершенное преступление (преступления) до полного отбытия им наказания, назначенного по этому приговору».
9. Конструкция множественного совершения деяний – это уголовно-правовое явление, внешне сходное с элементами института множественности преступлений, обладающее признаком множественного совершения, но при этом за счет определенного приема либо комбинации приемов законодательной техники формирующее состав лишь одного преступления.
10. Неоднократность из Особенной части УК РФ в существующем виде не следует отождествлять с неоднократностью преступлений как формой множественности преступлений, существовавшей ранее в статье 16 УК РФ, это различные по природе уголовно-правовые явления, причем неоднократность ныне выступает в уголовном законе лишь в качестве конструкции множественного совершения деяний.
11. Существование конструкции административной преюдиции в уголовно-правовых нормах в целом несет позитивный эффект, позволяет делать уголовный закон более гибким по отношению к некоторым составам

преступлений, а также экономит репрессивные механизмы, однако практическая реализация рассматриваемого явления не является безупречной: это касается как содержательного круга составов преступлений, где применена конструкция, так и законодательной техники ее выражения в уголовно-правовых нормах.

12. Основной практической проблемой конструкции неоднократности, комбинированной с административной преюдицией, следует признать отсутствие единообразия законодательной техники формирования составов преступлений, где применена конструкция. Обоснованным путем к такому единообразию станет унификация формулировок, обозначающих преюдициальный элемент в указанных составах преступлений. Наиболее оптимальным в этом отношении является применение подхода, реализованного в отношении статей 151.1 УК РФ, 157 УК РФ, 171.4 УК РФ, 215.4 УК РФ, - выражение преюдициальности через период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.
13. Систематичность как конструкция множественного совершения деяний отличается тем, что действия, формирующие соответствующее уголовно наказуемое деяние, носят систематический характер, и выражена в двух аспектах – количественном (совершение трех или более соответствующих действий, формирующих деяние) и качественном (действия, формирующие деяние, объединены единым умыслом виновного). Продолжаемое преступление и конструкцию систематичности отождествлять некорректно: сами по себе действия, формирующие состав продолжаемого преступления, могут иметь систематический характер, однако это не означает присутствия в содеянном конструкции систематичности.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что сформулированные автором теоретические выводы могут быть использованы и развиты в дальнейших научных исследованиях, посвященных вопросам множественности преступлений и вопросам о конструкциях множественного

совершения деяний, в том числе, при подготовке и разработке научно-теоретической модели УК РФ, а также в том, что совокупность указанных выводов возможно рассматривать в качестве вклада в развитие соответствующего раздела науки уголовного права.

Практическая значимость исследования выражена в том, что рекомендательные положения о квалификации деяний при наличии отдельных форм множественности преступлений; о методике разграничения при квалификации преступлений форм множественности преступлений и единичных сложных преступлений; о квалификации деяний, по отношению к которым уголовно-правовые нормы сконструированы через применение конструкций множественного совершения деяний, разработанные автором, могут стать основой для дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики в сфере квалификации деяний, осложненных элементами множественности преступлений либо элементами конструкций множественного совершения деяний, в том числе, могут быть применены при разработке новой редакции УК РФ.

Кроме того, научные выводы и практикоориентированные предложения автора исследования могут быть использованы в преподавательской деятельности в рамках изучения студентами курса уголовного права.

Степень достоверности выносимых автором на защиту положений обусловлена эмпирической базой исследования, сформированной актами, принятыми Верховным Судом Российской Федерации, Верховными судами республик, краевыми, областными судами, судом города федерального значения, городскими и районными судами различных регионов Российской Федерации, статистическими данными, а также результатами проведенного автором анкетирования по наиболее значимым вопросам диссертации.

Кроме того, достоверность полученных выводов обусловлена авторским исследованием историко-правовых аспектов уголовной ответственности при

наличии в содеянном признаков множественности преступлений; изучением и анализом диссертантом зарубежных источников уголовного права применительно к правовому регулированию форм множественности преступлений и конструкций множественного совершения деяний; значительным объемом исследованных автором научных трудов по рассматриваемой тематике, в том числе, трудов дореволюционных юристов.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные результаты научного исследования изложены автором в четырех научных статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных изданиях из перечня, рекомендованного Министерством образования и науки Российской Федерации, список которых утвержден решением Ученого совета МГУ имени М.В. Ломоносова, а также в сборниках двух научно-практических конференций.

Помимо изложенного, апробация результатов научной работы производилась посредством участия автора в научных конференциях: II Международный научно-практический Конвент студентов и аспирантов «Революция в праве: прорывные идеи в современном российском праве (к 100-летию Октябрьской революции)», Казанский федеральный университет, 23-25 ноября 2017), XV Международная научно-практическая конференция «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (МГЮУ им. О.Е. Кутафина, 25-26 января 2018).

Глава 1. Историко-правовой анализ и юридическая природа множественности преступлений в российском уголовном праве

§1. Историко-правовой анализ института множественности преступлений в отечественном уголовном праве

§1.1. Множественность преступлений в уголовном законодательстве древнего периода

Институт множественности преступлений в российском уголовном праве имеет достаточно долгую и насыщенную историю. Свой рассказ об эволюции научных взглядов на данную уголовно-правовую категорию мы начнем с рассмотрения уголовного законодательства древнего периода.

Первые упоминания об усиленной ответственности за повторное совершение преступлений можно найти уже в известных правовых памятниках XIII-XIV веков – Двинской уставной грамоте и Псковской судной грамоте. Правда, для объективности необходимо отметить, что в этих документах речь шла лишь о такой форме множественности преступлений, как рецидив преступлений, поскольку там имелось в виду повторное совершение преступления после осуждения за предыдущее преступление. При этом к числу рецидивных (повторных) преступлений данные документы относили лишь татьбу (старинное название воровства), подразумевающую под собой в то время целую группу имущественных преступлений.

Так, статья 5 Двинской уставной грамоты гласила: «А кто у кого что познает татебное, и он с себя сведет до десяти изводов, нолны до чеклово татя, а от того наместником и дворяном не взяти ничего; а татя впервые продати противу поличного; а вдругие уличат, продадут его не жалуя; а уличат втретьие, ино повесити; а татя всякого пятнити»¹. Аналогичным образом третий случай совершения татьбы влек ответственность в виде смерти виновного и по статье 9

---

¹ Российское законодательство X - XX веков. В 9 томах. Том 2, Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Отв. ред. А.Д. Горский, М., 1985. С. 181 – 182.

Псковской судной грамоты: «Чтобы и на посаде покрадется, ино двожды е пожаловати, а изличив казнити по его вине; и в третий ряд изличив, живота ему не дати, кромьскому татю»¹.

Дальнейшее упоминание о каких-либо формах множественности преступлений мы встречаем в таком памятнике истории права как Судебник Ивана III 1497 года. Здесь следует сконцентрироваться на статьях 10-11, в которых, на наш взгляд, речь идет о рецидиве и повторности. В подтверждение сказанного рассмотрим эти статьи в переводе на современный язык: «О ворах. Если вор впервые совершит кражу, кроме кражи церковной или сопровождавшейся убийством, и никаких доказательств о совершении им ранее краж не будет, он карается торговой казнью, подвергается «продаже» по усмотрению судьи, и с него взыскиваются убытки, понесенные истцом. При отсутствии у виновного имущества для возмещения убытков, понесенных истцом, он подвергается битию кнутом и выдается истцу в холопство до уплаты или отработки нанесенных им убытков, а взыскания судьи не производятся» (статья 10); «Вор, совершивший кражу вторично, карается смертной казнью, а из его имущества возмещаются убытки, понесенные истцом. Оставшаяся часть имущества поступает судье. При отсутствии у такого вора имущества, с которого можно взыскать убытки, понесенные истцом, он не выдается истцу до отработки или выплаты долга, а карается смертной казнью»² (статья 11).

Исходя из этих источников, мы видим, что теперь усиление ответственности, а, следовательно, и признание множественностью, происходит, начиная со второго преступления, а не с третьего, как это было ранее. При этом опираясь на буквальное толкование процитированных статей, следует заметить, что в этих документах для признания множественностью необходимо лишь наличие совершения двух или более тождественных преступлений, то есть институт множественности уже не ставится в зависимость от наличия судимости за

---

¹ Василёв И.И., Кирпичников Н.В. «Псковская судная грамота (1397—1467). Подлинная и в переводе на современный язык с примечаниями по установлению переводного текста» // Типография Губернского правления, Псков, 1896. С. 3.

² Судебники XV-XVI вв. Под общей редакцией акад. Б.Д. Грекова. М.-Л., 1952. С. 20.

предыдущие деяния, поэтому можно утверждать, что помимо рецидива в данном случае мы имеем отношения и с такой формой множественности как повторность.

Документами последующих лет особых изменений во взгляды на множественность преступлений не вносилось. К таковым можно отнести Судебник Ивана IV 1550 года, Судебник царя Федора Иоанновича 1589 года, Сводный Судебник 1606-1607 годов, Уставную книгу разбойного приказа дьяка Корсакова и подьячего Постникова 1617 года. Эти документы, по сути, повторили в своих текстах подход к множественности преступлений, высказанный в Судебнике 1497 года.

Соборное уложение царя Алексея Михайловича также предусматривало лишь повторность и рецидив как формы множественности преступлений, однако к его коренным отличиям по отношению к законодательству предшествующих лет следует отнести более подробную характеристику особенностей рецидива, к которым в этот период относили не только повторное совершение тождественных преступлений, но и факт наличия наказания за предыдущее деяние. Таким образом, Соборное уложение закрепляет две указанные формы множественности, причем эти формы распространяются не только на татьбу (как было ранее), но и на другие преступления, например, на разбой (см. к примеру, статья 9 главы III; статьи 10, 12 главы XXI¹). Такой же подход развит в Новоуказных статьях о татевных, разбойных и убийственных делах от 22 января 1669 года (например, в статьях 10, 11, 15²).

В Артикуле воинском Петра I (1715) также встречаются упоминания о неоднократности, повторности и рецидиве преступлений, которые влекут усиление ответственности (в частности, такую позицию можно увидеть в артикуле 6)³.

---

¹ Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 77, 267.

² Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах от 22 января 1669 г. // Извлечение из книги Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича (составитель, автор предисловия и вступительных статей Томсинов В.А.), Зерцало, 2011. СПС «Гарант» <<http://base.garant.ru/55097777/>> (последнее посещение – 29 июля 2017 г.).

³ Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма // Отв. ред. А.Г. Маньков. М., Юридическая литература, 1986. С. 329.

Резюмируя вышесказанное, заметим, что уголовное законодательство древнейшего периода, несомненно, развивалось в аспекте института множественности преступлений, однако в данный период еще не появились какие-либо серьезные научные работы, которые позволили бы строить законодательство больше не интуитивным образом, а опираясь на обоснованную научную доктрину. Это вполне закономерно, поскольку наука уголовного права в России зародилась значительно позже.

§1.2. Множественность преступлений в уголовном законодательстве дореволюционного периода

Переходя к рассмотрению более позднего периода в истории российского уголовного права, связанного с уголовным законодательством дореволюционного периода, прежде всего, обратим внимание на Свод законов Российской империи 1832 года (том XV Свод законов уголовных), который имел огромное значение для развития науки уголовного права. Именно данный документ закрепил подробное понимание совокупности преступлений как формы множественности, причем Свод даже разграничил совокупность идеальную и реальную (последняя имела две подкатегории). Однако документ еще не называл этот термин «совокупностью», а обозначил его как «стечение преступлений».

Так, подотделение IV отделения V главы IV Общей части Свода «Стечение преступлений» указывало, что стечением преступлений признаются три ситуации: а) совершение одного действия, содержащего в себе составы нескольких преступлений (идеальное стечение); б) неоднократное совершение одного и того же преступления, ни за одно из которых лицо еще не было наказано (реальное однородное стечение); в) совершение в разное время различных деяний, за которые лицо также еще не было наказано (реальное разнородное стечение)¹.

Также в рассматриваемом документе имеется указание на иные формы множественности преступлений – рецидив и неоднократность преступлений, которые в Своде не различаются и именуется общим термином «повторение» преступлений. В частности, в статье 124 Свода сказано: «повторение одного и того же преступления умножает вину преступника. Повторением преступления считается то, когда преступник, будучи наказан за преступление, учинил то же самое в другой или третий раз²». То есть, налицо один из недостатков данного закона, который выражается в отсутствии разграничения между

---

¹ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. Т. 15. Законы уголовные. СПб., 1842. С. 26-27.

² Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. Т. 15. Законы уголовные. СПб., 1842. С. 27.

неоднократностью (совершение тождественных преступлений) и рецидивом (наличие наказания за предыдущее деяние).

Как верно отмечается Н.С. Таганцевым, есть еще один существенный недостаток изучаемой нормы, связанный с ограничительным толкованием повторения преступления¹ (ведь, по сути, под норму о повторении не подпадало совершение лицом, уже отбывшим наказание за предыдущее деяние, иного преступления, не являющегося тождественным с тем, за которое было ранее назначено наказание).

Как бы то ни было, Свод законов уголовных в аспекте теории множественности преступлений имеет больше достоинств, чем недостатков, ведь именно в этом документе было воплощен в жизнь системный подход к формам множественности, впервые было дано глубокое понимание совокупности преступлений.

Особое внимание стоит также обратить на Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Этот закон выделял в своих положениях уже только два вида совокупности (реальную и идеальную), при этом в его тексте впервые использовалось непосредственно слово «совокупность». Так, статья 114, по сути, характеризовала положение об идеальной совокупности: «Если по обстоятельствам, сопровождавшим его деяние, подсудимый мог и должен был предвидеть, что последствием оного должны быть не одно, а несколько преступлений разной важности, то, хотя бы он и не имел положительного намерения совершить именно важнейшее из сих преступлений, мера его наказания определяется всегда по сему важнейшему из преступлений, долженствовавших быть последствием его деяний»². В свою очередь, статья 156 Уложения подразумевает характеристику реальной совокупности, а также положения о назначении наказания при наличии этого вида совокупности: «В случае совокупности преступлений, то есть когда подсудимый признан виновным в учинении нескольких в одно или разное время, дотоле еще не наказанных и

---

¹ Таганцев Н.С. О повторении преступлений. СПб., 1867. С. 267.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, СПб., 1845. С. 36.

давность или же общим или особенным прощением не покрытых противозаконных деяний, суд, упомянув в своем определении о всех наказаниях, следующих за каждое из тех преступлений, приговаривает его к тягчайшему из сих наказаний и в самой высшей оною мере»¹. Следовательно, Уложение предусматривало для целей назначения наказания по совокупности преступлений такой принцип назначения наказания, который известен уголовному праву и сегодня, - принцип поглощения менее строгого наказания более строгим.

Как и предшествующее законодательство, Уложение не оставило без внимания повторность и рецидив как формы множественности. В частности, статья 137 Уложения объединила оба этих понятия: «К числу обстоятельств, увеличивающих вину и наказание принадлежат и повторение того же преступления или учинение другого после суда и наказания за первое, и впадение в новое преступление, когда прежнее, не менее важное, было прощено виновному вследствие общего милостивого манифеста, или по особому Монаршему снисхождению»². Таким образом, помимо нормы о повторности и рецидиве, мы можем видеть здесь и зачатки таких институтов уголовного права как амнистия и помилование (причем в Уложении предполагается усиление ответственности в случае совершения лицом нового преступления после указанных «актов прощения» за предыдущие деяния). При этом статья 138 Уложения поясняет, что при наличии обстоятельств из статьи 137 и в случае отсутствия указания на отдельное наказание за такие обстоятельства в законе, суд обязан назначить самую высшую меру наказания, возможную за соответствующее преступление.

Таким образом, в Уложении 1845 года институт множественности преступлений предстает перед нами в еще более разработанном и совершенном виде, нежели это было в более раннем законодательстве.

Как отмечают исследователи, чуть более поздний документ с таким же названием – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года

---

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 52.

² Там же. С. 44.

особо новых положений в отношении множественности преступлений не внес¹, однако необходимо обратить внимание, что там предполагалась более сложная система правил назначения наказаний в случаях, связанных с наличием форм множественности (так, например, статья 152 Уложения предусматривала при назначении наказания по совокупности преступлений упомянутый ранее принцип поглощения менее строгого наказания более строгим, причем данный принцип был применим как для наказания в виде «заключения в тюрьме», так и для иных видов наказаний, в том числе, для денежных взысканий. Кроме того, примечания к данной статье регулировали вопросы о правилах назначения наказания при наличии совокупности некоторых конкретных видов преступлений – к примеру, Уложением отмечалось, что при совокупности каких-либо преступлений с преступлениями против уставов казенного управления, или с повреждением частных лесов, денежное взыскание за нарушение устава казенного управления или за повреждение частного леса не покрывалось наказаниями за другие преступления². Такое положение, по сути, представляло из себя исключение из общего правила применения принципа поглощения при назначении наказания по совокупности преступлений).

Наиболее прогрессивным и разработанным документом этого периода, в том числе, в аспекте института множественности преступлений, несомненно, является Уголовное уложение 1903 года.

Как было отмечено, в рассмотренном нами ранее законодательстве уже выделялись как реальная, так и идеальная совокупности. Теоретики уголовного права того времени, однако, не рассматривали идеальную совокупность как основание для назначения особого порядка назначения наказания, признавая ее единичным преступлением. Так, к примеру, в понимании Н.С. Таганцева

---

¹ Кукоба Ю.В. Совокупность преступлений: история развития и проблемы соотношения реальной и идеальной совокупности // Материалы VII Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум» <<http://www.scienceforum.ru/2015/1256/15276>> (дата обращения - 03.03.2016)

² Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1916 года / Россия. Законы и постановления. - Пг., 1916. Т. 15. [Ч]. 1: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов; [Ч]. 2: Уголовное уложение: (статьи, введенные в действие). Издание 1909 года, со включением статей по Продолжениям 1912 и 1913 годов. Петроградъ, 1916. С. 38-39.

идеальная совокупность – это единство деятельности, а, следовательно, единое преступление¹. Аналогичного мнения придерживался Франц Лист, основывая свою позицию на том, что совокупность имеет место только в том случае, если отсутствует единство объективной стороны (совершено несколько деяний), либо единство субъективной стороны (нет единого умысла)². Указанным исследователям возражали лишь Г.Е. Колоколов и С.В. Познышев, которые признавали идеальной совокупностью случаи совершения нескольких преступлений посредством единичного действия, требующие соответственно более тяжкого наказания³. Таким образом, именно позиция, предложенная первой группой ученых, и нашла свое отражение в рассматриваемом Уголовном уложении 1903 года.

В статье 60 отделения седьмого Уложения реализована концепция реальной совокупности, а также применен принцип назначения наказания в виде поглощения менее строгого наказания более строгим: «учинивший до провозглашения приговора, резолюции или решения о виновности, два или более преступных деяний подлежит тягчайшему из наказаний, назначенные судом за сии деяния»⁴.

В статье 66 Уложения речь, на наш взгляд, впервые идет о совокупности приговоров: «учинивший преступное деяние после провозглашения приговора, резолюции или решения о виновности или во время отбывания наказания подлежит ответственности на общем основании»⁵, но с соблюдением ряда условий о присоединении неотбытой части наказания. В свою очередь, статья 67 Уложения посвящена такой форме множественности, как рецидив.

Помимо указанных форм множественности интересно отметить наличие в статье 64 Уложения, по сути, еще одной формы множественности – совершение до провозглашения приговора, резолюции или решения о виновности двух или

---

¹ Цит. по: Кукоба Ю.В. Указ. соч. <<http://www.scienceforum.ru/2015/1256/15276>> (дата обращения - 03.03.2016)

² Франц фон Лист Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1903. С. 258 – 259.

³ Цит. по: Хисматулина Ю.Р. Совокупность преступлений: история развития и проблемы соотношения реальной и идеальной совокупности // Сибирский юридический вестник. 2003. № 2.

⁴ Новое Уголовное уложение высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. // Издание Каменноостровского юридического книжного магазина В.П. Анисимова, СПб., 1903. С. 29-30.

⁵ Там же. С. 31-32.

более тождественных или однородных преступных деяний «по привычке к преступной деятельности или вследствие обращения такой деятельности в промысел»¹. Причем если закон не предусматривает особого наказания за такие деяния, то ответственность за них налагается по правилам о совокупности, о которых было упомянуто ранее. Н.С. Таганцев даже называл такую форму «квалифицированной совокупностью» по отношению к простой (закрепленной в статье 60 Уложения)².

По итогам рассмотрения Уложения 1903 года мы можем отметить, что данный акт предполагал реальную совокупность, рецидив, а также совершение преступных деяний «по привычке» либо «в виде промысла» как формы множественности преступлений, исключая из этого перечня идеальную совокупность вследствие наличия споров в уголовно-правовой доктрине. Кроме того, в Уложении была предусмотрена широкая система правил о назначении наказания в случае наличия в деяниях лица какой-либо из форм множественности (в частности, в Уложении при назначении наказания помимо принципа поглощения менее строгого наказания более строгим применялся принцип сложения наказаний).

---

¹ Там же. С. 30-31.

² Цит. по: Шкредова Э. Г. Множественность преступлений по уголовному законодательству и доктрине начала XX века // Современное право. 2007. № 2. С. 91-93.

§1.3. Множественность преступлений в уголовном законодательстве советского периода

Несмотря на отрицание значения «старого» законодательства, законы советского периода продолжали принимать за теоретическую базу именно ранее действовавшие нормы, что, несомненно, отразилось на дальнейшем развитии уголовного законодательства.

Обзор законодательства данного периода целесообразно начать с рассмотрения Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года. Подпункт «г» пункта 12 указанных начал предлагал учитывать при назначении наказания факт того, «совершено ли деяние профессиональным преступником (рецидивистом), или первичным»¹. То есть, данный акт, по сути, полностью приравнивал рецидивиста и профессионального преступника, что, несомненно, нельзя признать точным отождествлением. Иных форм множественности Руководящие начала не упоминали.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 года, в свою очередь, уже имеет место упоминание как о совокупности, так и о рецидиве, причем в данном акте была сделана попытка разграничить термины «профессиональный преступник» и «рецидивист». Так, в частности, пункт «е» статьи 25 УК 1922 года ставил меру наказания в зависимость от того, «совершено ли преступление профессиональным преступником *или* рецидивистом, или оно совершено в первый раз»² (курсив мой – Ю.Т.). Статья 29 Кодекса, по мнению ряда исследователей, описывала признаки идеальной совокупности, однако, некоторые другие ученые полагали, что в ней речь идет о конкуренции норм. Формулировка указанной статьи звучала следующим образом: «когда в совершенном обвиняемом деянии содержатся признаки преступлений, предусмотренных разными статьями Кодекса, суд определяет наказание по статье, устанавливающей наибольшую наказуемость». В этой связи стоит упомянуть и формулировку статьи 30 Кодекса: «в случае

---

¹ Постановление Народного Комиссариата юстиции РСФСР от 12.12.1919 «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // СУ РСФСР, 1919, № 66, ст. 590

² Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // СУ РСФСР, 1922, N 15, ст. 153

совершения подсудимым до вынесения приговора двух или более преступных деяний, суд, определив наказание за каждое преступление отдельно, приговаривает виновного к тягчайшему из всех назначенных ему наказаний, причем последнее может быть повышено до высшего предела наказания, установленного статьей, по коей наказание было определено». Итак, научные взгляды на процитированные нормы распределялись следующим образом: А.С. Горелик наряду с В.П. Малковым полагал, что речь в статье 29 идет об идеальной совокупности¹; в противовес этому мнению А.А. Пионтковский считал, что статья определяет ответственность при конкуренции норм². На наш взгляд, более обосновано мнение А.А. Пионтковского, который подчеркивал, что именно в статье 30 определялась ответственность за совокупность преступлений, причем и идеальной, и реальной, тем самым, подразумевая, что УК 1922 года рассматривает порядок назначения наказания за идеальную и реальную совокупность одинаковым образом.

Вместе с тем, как отмечает Ю.И. Бытко, для УК 1922 года была характерна некая «терминологическая непоследовательность», которая выражалась в употреблении Кодексом большого числа различных терминов, связанных с обозначением форм множественности преступлений, необходимость употребления которых не является обоснованной³. Так, в Кодексе можно найти следующие термины: «рецидивист», «профессиональный преступник», «промысел» (преступление, совершенное профессиональным преступником, приравнивалось к преступлению, совершенному в виде промысла; общим признаком для них было то, что преступная деятельность приносит доходы, на которые и существует преступник), «систематически», «хищение в первый, второй, третий раз», «повторно», неоднократно».

Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 года не внесли особо кардинальных изменений в законодательное

---

¹ Горелик А.С. Назначение наказания по совокупности. Красноярск, 1975. С. 30. Малков В.П. Совокупность преступлений. Казань, 1974. С. 238.

² Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 620.

³ Бытко Ю.И. Учение о рецидиве преступлений в российском уголовном праве: История и современность: Монография. Саратов, 2002. С. 58-59.

понимание форм множественности. Вместе с тем, следует отметить, что данный акт отказался от употребления термина «профессиональный преступник».

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года, как и кодекс 1922 года, отличался использованием большого числа терминов для обозначения форм множественности преступлений: в его тексте можно было встретить такие формы, как совершение преступления «в виде промысла», «неоднократно», «во второй раз», «систематически», «повторно» и т.п.

Как и предшествующие законы, кодекс 1926 года не внес ясности в понимание природы идеальной совокупности. Указанный вопрос по-прежнему оставался объектом повышенного внимания представителей науки уголовного права. Норма, характеризовавшая совокупность, в формулировке Основных начал 1924 года (статья 33)¹, была повторена в том же виде и в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года (статья 49) и звучала следующим образом: когда в совершенном обвиняемым действии содержатся признаки нескольких преступлений, а равно в случае совершения обвиняемым нескольких преступлений, по которым не было вынесено приговора, суд, определив соответствующую меру социальной защиты за каждое преступление отдельно, окончательно определяет последнюю по статье, предусматривающей наиболее тяжкое из совершенных преступлений и наиболее тяжелую меру социальной защиты². Как видно из этой формулировки, однозначного вывода о принадлежности идеальной совокупности к формам множественности сделать нельзя, поскольку в ее отношении употребляется сочетание «действие, в котором содержатся признаки нескольких преступлений» в то время как в отношении реальной совокупности используется четкое сочетание «совершение нескольких преступлений».

Кроме того, из процитированной формулировки также нельзя сделать вывод о невозможности вменения нормы о совокупности при совершении лицом

---

¹ Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик (утв. Постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924) // СЗ СССР, 1924, N 24, ст. 205

² Постановление ВЦИК от 22.11.1926 "О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года" (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР) // СУ РСФСР, 1926, N 80, ст. 600

тождественных преступлений. Таким образом, неоднократность преступлений, по сути, не исключала применение к ним признака совокупности.

УК РСФСР 1926 года отказался от понятия рецидива, которое было заменено повторностью, причина тому – устоявшееся в дальнейший период мнение, что в социалистическом обществе не может существовать профессиональная преступность как явление, а, следовательно, не существует и рецидивистов, которые неотрывно связывались с этим понятием. Повторность, в свою очередь, выступала в Кодексе либо как квалифицирующий признак определенных составов преступлений, либо как отягчающее обстоятельство (статья 47 УК).

Как уже говорилось, в науке этого времени так же существовали разногласия во взглядах на сущность идеальной совокупности. Как и ранее, некоторые исследователи признавали идеальную совокупность единым преступлением (в частности, Н.Ф. Яшинова, М.М. Исаев¹), другие же – наоборот, причисляли идеальную совокупность к множественности преступлений (среди них, к примеру, В.П. Малков, Ю.А. Красиков²).

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года не восстановили понятия «рецидив», однако ввели в законодательство фигуру «особо опасный рецидивист» (статья 44 Основ³), правда, без описания признаков этой фигуры.

Впервые понятие «особо опасный рецидивист» было охарактеризовано в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года (статья 24.1 кодекса⁴). Для признания лица таковым было необходимо наличие формальных признаков (осуждение за предыдущее преступление, наличие судимости и т.п.) и иных признаков (к

---

¹ Яшинова Н. Ф. Вопросы назначения наказания при совокупности преступлений по советскому уголовному праву. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1951. С. 4-5. Уголовное право. Общая часть: Учебник / Герцензон А.А., Исаев М.М., Пионтковский А.А., Утевский Б.С.; Науч. ред.: Меньшагин В.Д. - 4-е изд., перераб. М., 1948. С. 537.

² Малков В. П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982. С. 102. Красиков Ю. А. Множественность преступлений. Понятие, виды, наказуемость: Учебное пособие / Отв. ред.: Здравомыслов Б.В. - М.: РИО ВЮЗИ, 1988. С. 8.

³ Закон СССР от 25.12.1958 "Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик" // Ведомости ВС СССР, 1958, N 1, ст. 6

⁴ Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, N 40, ст. 591

примеру, учитывались личность лица, характер и степень общественной опасности совершенных преступлений).

Кроме того, множественности преступлений касаются и иные нормы УК 1960 года. В частности, статья 40 была посвящена правилам назначения наказания при совершении нескольких преступлений. В свою очередь, в Особенной части кодекса встречались и систематичность, и совершение преступлений в виде промысла, и неоднократность, и специальный рецидив. Причем неоднократность по-прежнему не исключала применение признака совокупности.

Таким образом, законодательство и наука уголовного права советского периода, по большому счету, основывались на достижениях дореволюционного периода, хотя и всячески отрицая их влияние. При этом советское законодательство зачастую допускало необоснованную загруженность большим количеством терминов, иногда дублирующих друг друга и создающих правовую неопределенность по ряду вопросов, что закономерно влекло за собой наличие в науке этого времени своего рода схоластических споров (например, о соотношении неоднократности и повторности преступлений, которые в законоположениях того времени фактически дублировались, в результате их разграничение какой-либо практической ценности не имело), не дававших ей двигаться вперед. Одним из центральных вопросов в сфере множественности по-прежнему оставался вопрос о сущности идеальной совокупности.

По итогам проведенного историко-правового анализа института множественности преступлений нам представляется справедливым вывод о том, что наиболее значимым для изучаемого института стал дореволюционный период, когда все основные понятия множественности были раскрыты в законодательстве, а наряду с законодательством создавались и фундаментальные научные труды в этой сфере. Впоследствии законодательство и наука советского периода лишь развивали более ранние положения, как правило, не внося в них кардинально новых воззрений.

§ 2 Понятие множественности преступлений в российском уголовном праве

Как известно, понятие множественности преступлений не раскрывалось ни в дореволюционном, ни в советском уголовном законодательстве. Не найдем мы такого термина и в современном российском уголовном законе. Вместе с тем, представителей уголовно-правовой доктрины вопрос о сущности термина «множественность преступлений» интересовал и интересует по сей день.

Каждый из исследователей, посвятивших свои работы вопросу сущности института множественности преступлений, пытался вложить свой смысл в данное понятие, вследствие чего на сегодняшний день имеется множество различных точек зрения, касающихся понятия множественности преступлений.

Первые научные труды, так или иначе затронувшие тематику института множественности преступлений, конкретных признаков данного термина не давали, ограничиваясь ссылкой на то, что данное понятие раскрывается через понятия конкретных форм множественности: повторности, рецидива, совокупности преступлений¹.

В дальнейшем взгляды на понятие множественности преступлений совершенствовались, исследователи делали попытки сформулировать определение данного термина через выявление его конкретных признаков. К примеру, Е.А. Фролов и Р.Р. Галиакбаров считали, что множественность преступлений представляет собой «стечение нескольких правонарушений, предусмотренных уголовным законом, в поведении одного и того же лица», при условии, что каждый из актов общественно опасного поведения данного лица является самостоятельным составом преступления². С такой позицией согласен и Ю.Н. Юшков³.

---

¹ См., например, Яковлев А.М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат. – 1960. – с.4.

² Галиакбаров Р.Р., Фролов Е.А. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права, Свердловск, 1967, с. 8.

³ Юшков Ю. Н. Множественность преступных деяний (Вопросы квалификации преступлений и назначения наказания): Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Специальность 12.00.08 - Уголовное право /М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Свердл. юридич. ин-т. - Свердловск, 1974. -27 с. – с. 7.

Вместе с тем, данная позиция нуждается в некоторых комментариях. Представляется, что рассматриваемое понятие множественности преступлений не совсем удачно отражает сущность института: термин «стечение», который, кстати, был применен в уголовном законодательстве XIX века в качестве термина, замещающего термин «совокупность преступлений» (см. подробнее стр. 26 диссертационного исследования), в конце XX века (в период подготовки научных трудов авторами сформулированного понятия) воспринимался и в настоящее время воспринимается в несколько другом контексте. Формулировка «стечение нескольких преступных деяний в поведении одного лица», скорей, будет подразумевать одновременное совершение либо совершение в разрезе короткого промежутка времени нескольких преступных деяний одним и тем же лицом, что, в конечном итоге, приведет к неоправданному сужению понятия множественности преступлений, исключая из данного термина случаи совершения новых преступных деяний через некоторое продолжительное (либо не очень) время, к примеру, после осуждения за ранее совершенное (совершенные) преступления.

В свою очередь, П.С. Дагель, наряду с Г.Т. Ткешелиадзе, полагают, что основополагающим признаком множественности следует обозначить совершение одним лицом двух либо нескольких преступлений¹. Эту позицию, по нашему мнению, также целесообразно несколько скорректировать: такой количественный признак множественности, несомненно, справедлив, однако его необходимо дополнить и качественным критерием, без которого понятие множественности не сможет обрести своей полноты, поскольку далеко не каждая ситуация совершения лицом двух или более преступных деяний может быть охвачена понятием множественности (достаточно вспомнить хотя бы случаи истечения сроков давности, случаи погашения либо снятия судимости в отношении ранее совершенного (совершенных) преступления (преступлений) и др.).

---

¹ Дагель П. С. Множественность преступлений: (Лекция по курсу советского уголовного права, часть Общая). Владивосток, 1969. С.1. Ткешелиадзе Г.Т. Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тбилиси, 1961. С. 10.

Другие ученые пытаются развить упомянутую мысль, причем развитие это представляется у различных авторов разнонаправленным. К примеру, А.Н. Фистиным отмечается, что рассматриваемое понятие характеризуется «как количественными показателями – числом совершенных общественно опасных деяний, так и их юридической природой – соответствием содеянного признакам конкретных составов преступлений»¹. В этой связи вызывает некоторые сомнения второй компонент данной формулировки: данный компонент (под авторским названием «юридическая природа»), который, кстати, по сути, является качественным компонентом развития понятия множественности в соотношении с количественным компонентом – числом совершенных общественно опасных деяний, не отражает сущности понятия, лишь констатируя достаточно очевидные аспекты (соответствие деяний лица признакам конкретных составов преступлений подразумевается, как правило, при рассмотрении большей части институтов и норм уголовного права).

Более правильные акценты в развитии мысли А.Н. Фистина, по нашему мнению, расставил И.Б. Агаев, который обратил внимание на то, что главенствующим аспектом в понятии множественности является не количество совершенных деяний, а количество составов преступлений в совершенных лицом деяниях². Это, действительно, один из основополагающих признаков множественности, который позволяет отграничить рассматриваемый нами институт от явления единичных преступлений, о которых речь пойдет позднее.

Кроме того, отдельно стоит отметить позицию В.Н. Кудрявцева, который сделал вывод о том, что еще одной характеристикой множественности является то, что всё совершенное лицом не охватывается одной нормой Особенной части Уголовного кодекса, предусматривающей единичное преступление³. Данный вывод обладает большой степенью важности, поскольку, как мы понимаем, одна статья Уголовного кодекса может содержать в себе несколько норм, а это значит,

---

¹ Фистин А.Н. Уголовно-правовая оценка множественности преступлений. М., 1979. С. 5.

² Агаев И.Б. Совокупность преступлений: понятие, виды, наказуемость. – М., 2003, с. 27. Рецидив в системе множественности преступлений. – М.: Юристъ, 2002, с. 9.

³ Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. – М.: Госюриздат, 1963. – с. 285.

что даже деяния, предусмотренные разными частями одной и той же статьи Особенной части, могут образовывать множественность преступлений, и, наоборот, совершение нескольких деяний может охватываться одной частью статьи Особенной части и, по мнению законодателя, не будет образовывать множественность преступлений как таковую, так как будет представлять из себя так называемую «учтенную совокупность» (к примеру, убийство двух или более лиц – пункт «а» части 2 статьи 105 УК РФ – в аспекте положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года¹).

Развивая упомянутый тезис, Ю.А. Красиков полагает, что к множественности преступлений следует относить случаи, когда виновное лицо одним или несколькими последовательно совершенными деяниями выполняет несколько составов преступлений². Следует отметить, что выдвинутое определение также не лишено изъянов: так, в частности, акцентируя внимание лишь на «последовательно совершенных деяниях» исследователь значительно сужает сферу применения института множественности, исключая из нее, к примеру, идеальную совокупность.

Г.Г. Криволапов пытается расширить термин, сформулированный Ю.А. Красиковым, вкладывая в него, помимо признаков последовательного (разновременного) совершения лицом двух или более преступлений, признак сохранения за каждым из совершенных деяний уголовно-правовых последствий, вытекающих из факта его совершения³. Признавая бесспорную значимость включения в формулировку понятия признака сохранения за совершенными деяниями уголовно-правовых последствий, нельзя снова не отметить, что ученый концентрируется лишь на «последовательном (разновременном)» совершении лицом преступлений, что, как мы уже отмечали, влечет к неоправданному сужению сферы применения института множественности.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)" // "Российская газета", N 24, 09.02.1999.

² Красиков Ю.А. Указ. соч. С. 6.

³ Криволапов Г.Г. Множественность преступлений по советскому уголовному праву и установление ее признаков органами внутренних дел. Учебное пособие / М.: Изд-во МССШМ МВД СССР, 1989. – с. 11-12.

В свою очередь, В.П. Малков предлагает еще более подробную характеристику множественности путем перечисления случаев, при которых образуется данное явление, конкретизируя и отделяя друг от друга случаи последовательного либо *одним действием (бездействием)* (курсив мой – Ю.Т.) совершения двух или более преступлений до осуждения лица и случаи совершения нового преступления после осуждения или освобождения от уголовной ответственности или наказания за предшествующее (предшествующие) преступления, при условии, в соответствии с которым, по двум из преступлений сохранены (не погашены, не аннулированы) уголовно-правовые последствия, а также отсутствуют процессуальные препятствия к возбуждению уголовного преследования¹. Как можно заметить из данной формулировки, исследователь охватывает термином множественности как последовательное совершение нескольких преступлений, так и совершение нескольких преступлений одним действием (бездействием), что является однозначным преимуществом сформулированного понятия. Вместе с тем, несмотря на всю детальность такой формулировки, попытка включить в состав понятия все случаи, при которых возможна множественность преступлений, путем их перечисления делает термин несколько громоздким, сложным для понимания и усвоения, что не позволяет сделать вывод об «абсолютном успехе» сформулированного термина.

Рассматривая многообразие подходов к понятию множественности преступлений, считаем необходимым проанализировать позиции современных исследователей на данную тему. Так, в своем недавнем научном труде И.Г. Возжанникова предложила понимать под множественностью «совершение виновным нескольких преступлений, хотя бы два из которых сохраняют свое уголовно-правовое значение»². Кроме того, «свежий» термин множественности был предложен и в работе Г.С. Досаевой, которая представила множественность преступлений как «совершение лицом нескольких преступлений, когда возникает

---

¹ Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение / Монография. Казань: Таглитат, 2006. – с. 25.

² Возжанникова И.Г. Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016, с. 19.

необходимость определить размер и порядок отбывания наказаний, назначенных за каждое из них»¹.

Первое из представленных понятий достаточно лаконично и, в целом, выражает сущность множественности преступлений, вместе с тем, формулировка «сохраняют свое уголовно-правовое значение» не в полной мере учитывает ситуации, когда множественность преступлений не образуется вследствие наличия процессуальных препятствий для возбуждения уголовного преследования в отношении лица (например, при отсутствии заявления потерпевшего по делам частного обвинения), хотя уголовно-правовое значение, то есть статус преступления как такового с позиций уголовного закона, для такого деяния сохраняется. Второе авторское определение множественности имеет несколько смещенные в сторону института назначения наказаний, а также уголовно-исполнительного права в целом акценты. Вероятно, это связано с проводимой автором диссертационного исследования концепцией конструирования института множественности преступлений как из аспектов, напрямую связанных с преступлением и наказанием, так и из аспектов, позволяющих учитывать специфические черты личности лица, совершившего несколько преступных деяний². Несмотря на достаточную обоснованность вышеупомянутой концепции, нашедшую свое выражение в данной работе, считаем не совсем оправданным выводить общее понятие множественности преступлений лишь сквозь призму необходимости определения размера и порядка отбывания наказания относительно каждого из совершенных лицом преступных деяний.

Итак, мы рассмотрели многообразие подходов к понятию множественности, нашедших отражение в работах известных советских и российских ученых-правоведов. Для составления более полной картины и разработки авторского определения понятия множественности, на наш взгляд, на данном этапе целесообразно обратиться к зарубежному законодательству и выявить основные

---

¹ Досаева Г.С. Уголовно-правовой институт множественности преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2017, с. 10.

² Там же, с. 11.

позиции по вопросу о понятии множественности преступлений с точки зрения наших зарубежных коллег.

Термин «множественность преступлений» на сегодняшний день можно встретить в небольшом числе уголовных законов зарубежных стран.

Применительно к законодательству США в этой связи показателен пример уголовного закона штата Техас, в котором в отличие от УК иных штатов прямо закреплена глава, посвященная множественности преступлений, а также, по сути, дана дефиниция рассматриваемому институту. В частности, статья 3.01, которая расположена в главе 3 «Множественность преследований» Уголовного кодекса штата Техас, признает такого рода множественными преступными эпизодами совершение двух или более посягательств независимо от того, направлен или причинен вред одному или более лицам или предмету имущества при следующих обстоятельствах: а) посягательства совершаются посредством одного и того же деяния или посредством двух или более деяний, которые связаны между собой или имеют общий замысел или план; или б) посягательства являются повторным совершением одного и того же или сходных посягательств¹. Таким образом, заметим, что рассмотренное определение охватывает понятием множественности лишь случаи идеальной и реальной совокупностей, а также случаи повторности преступлений. Кроме того, формулировка «деяния, которые связаны между собой или имеют общий замысел или план», скорее, наведет российского исследователя на аналогию с единичным продолжаемым преступлением, нежели на деяния, которые охватываются термином «множественность преступлений». Резюмируя вышесказанное, следует признать, что термин «множественность преследований» в соответствии с УК штата Техас нельзя признать аналогом термина «множественность преступлений» в соответствии с российским уголовным законом вследствие того, что термин из американского закона не является всеобъемлющим и включает в себя компоненты, не характерные для российской традиции понимания множественности.

---

¹ Texas Constitution and Statutes < <http://www.statutes.legis.state.tx.us/?link=PE> > (последнее посещение – 28 июля 2017 г.).

В Уголовном кодексе Республики Латвия термин «множественность преступлений» раскрыт как «совершение одним лицом двух или нескольких самостоятельных преступных деяний, соответствующих признакам составов нескольких преступных деяний или признакам состава лишь одного преступного деяния, если они не охвачены единым умыслом виновного лица, так и совершение лицом одного преступного деяния, соответствующего признакам составов, по меньшей мере, двух разных преступных деяний» (часть 1 статьи 24)¹. Следовательно, можно отметить, что формулировка латвийских коллег позволяет включить в сферу применения института множественности ситуацию, когда два или более преступных деяний соответствуют признакам состава лишь одного преступления, что, по сути, означает смешение институтов множественности преступлений и единичных сложных преступлений, что в корне разнится с российской уголовно-правовой доктриной, в особенности, если не акцентировать внимание на фразе «не охвачены единым умыслом виновного лица», хотя гипотетически возможно допустить и такую ситуацию, когда преступные деяния в единичном сложном преступлении не охвачены единым умыслом лица (например, преступления с двумя формами вины). Возможно, законодатель в данном случае имел в виду несколько иную ситуацию, которая, действительно, будет образовывать множественность преступлений: лицо совершает несколько преступных деяний и, по крайней мере, два из них соответствуют признакам состава одного и того же преступления, то есть, по сути, ситуацию повторности (такую ситуацию справедливо предусмотрел в своем авторском понятии В.П. Малков (см. подробнее стр. 41 диссертационного исследования)). Вместе с тем, данная формулировка, вероятно, вследствие несовершенства законодательной техники позволяет расценить такую ситуацию в отличном от вложенного законодателем смысла, а именно – как смешение множественности и единичных сложных преступлений. Справедливости ради следует отметить, что на сегодняшний день вышеописанная формулировка в уголовном законе Латвии была видоизменена, и смутившая нас ранее фраза о двух или более преступных

---

¹ Уголовный кодекс Латвийской Республики. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – с. 64-65.

деяниях, соответствующих признакам всего лишь одного преступления, из определения множественности преступлений была совершенно логично исключена¹.

Аналогичное понятие ранее содержалось и в уголовном законе Республики Молдова и звучало существенно по-иному, нежели в уголовном законе Латвии: «множественностью преступлений признается совершение нескольких преступлений одним лицом, при условии, что, по меньшей мере, по двум из них не имеется процессуальных препятствий для возбуждения уголовного дела, и что это лицо не было осуждено ни за одно из них²» (часть 1 статьи 32 ранее действовавшего УК Молдовы). Однако в 2003 году в результате соответствующей реформы данное положение было исключено из УК Молдовы³, что привело к еще большему сокращению того небольшого числа государств, в уголовных законах которых содержался термин «множественность преступлений». Несмотря на отсутствие данного термина в действующем уголовном законе, следует признать его формулировку в исполнении молдавских коллег достаточно приближенной к сущности института в понимании российской доктрины. Вместе с тем, конечно, данный термин также нельзя назвать «идеальным» в плане полноценного охвата сферы применения института множественности преступлений (в частности, отличительной чертой этой формулировки является смещение акцента на процессуальные препятствия возбуждения уголовного дела, тем самым законодатель упустил из виду, к примеру, случаи освобождения от уголовной ответственности при наличии необходимых к тому оснований уже после возбуждения уголовного дела, а также случаи, когда, по крайней мере, по двум из совершенных преступных деяний не утрачены уголовно-правовые последствия (например, уголовно-правовые последствия судимости)).

---

¹ Criminal Code of Latvia (edition dated 12.02.2015) / Интернет-ресурс: Официальный сайт Государственного языкового Центра Латвии <http://vvc.gov.lv/> (дата обращения – 16.06.2017).

² Цит. по: Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение / Монография. Казань: Таглимат, 2006. – с. 22.

³ Уголовный кодекс Республики Молдова (в ред. с изменениями от 30.03.2017 года) / Интернет-ресурс: Официальный сайт Государственный реестра юридических актов Республики Молдова <http://lex.justice.md/ru/331268/> (дата обращения – 15.06.2017).

Таким образом, в законодательстве зарубежных стран мы так же, как и в имеющихся научных исследованиях советских и российских ученых, не сможем встретить какого-либо «универсально удачного» понятия множественности преступлений.

Невозможна разработка такого понятия, на наш взгляд, и без рассмотрения вопроса о разграничении множественности преступлений и единичных сложных преступлений, которого мы косвенно касались ранее в диссертационном исследовании (стр. 39-40).

Для получения более объективных результатов диссертационного исследования и расширения эмпирической базы автором в ходе работы проводилось анкетирование теоретиков (ученых, преподавателей ВУЗов) и практиков (судей, прокурорских работников, следователей, адвокатов) в области уголовного права, а также аспирантов и студентов юридических ВУЗов/факультетов по наиболее значимым вопросам диссертации (форма анкеты представлена в Приложении к диссертационному исследованию). В указанном опросе приняли участие более 30 человек, значительная часть которых в своей практической деятельности регулярно сталкивается с коллизиями в сфере уголовно-правового регулирования форм множественности преступлений.

Так, как показало анкетирование, около 91% опрошенных когда-либо сталкивалось с проявлением коллизионных аспектов регулирования форм множественности преступлений: к примеру, со спорными вопросами разграничения единичных сложных преступлений и множественности преступлений; квалификации деяний лица по совокупности преступлений, при рецидиве преступлений, применения административной преюдиции и др.

Следовательно, вопрос о разграничении единичных сложных преступлений и множественности преступлений, действительно, является одним из основополагающих вопросов настоящего исследования.

Прежде всего, определимся с понятием единичного преступления. В науке уголовного права таковым признается преступление, которое содержит состав

одного преступления и квалифицируется по одной статье или ее части¹. И поскольку помимо простых единичных преступлений, где «одномерность» состава преступления и его последующая квалификация по одной статье или части статьи Уголовного кодекса не вызывают сомнений, существуют и «осложненные» единичные преступления, специфика элементов которых сближает такого рода преступления по некоторым признакам с преступлениями, образующими множественность преступлений, в настоящее время остро стоит вопрос разграничения сложных единичных преступлений и множественности преступлений. Отсутствие детально разработанных критериев разграничения данных явлений уголовно-правовой науки придает рассматриваемому вопросу еще большую актуальность.

В литературе справедливо отмечается, что состав преступления всегда является отражением более или менее типического явления, причем независимо от того, состоит ли данное явление из одного или нескольких действий и последствий, совершается ли оно в течение короткого или длительного промежутка времени². Законодатель же, в свою очередь, конструируя тот или иной состав преступления, стремится учесть социальные характеристики такого явления (как, например, распространенность явления, степень сочетаемости (типичности) действий и последствий в составе явления, обладание повышенной общественной опасностью). Вместе с тем, к сожалению, подобная работа не всегда является абсолютно удачной, вследствие чего нередко уголовное законодательство сталкивается с применением декриминализации тех или иных деяний. Подобные факты лишней раз свидетельствуют о том, что законодателем «не до конца» были изучены социальные свойства имеющих место в обществе явлений, в связи с чем было принято поспешное решение о криминализации таких явлений, однако в процессе правоприменительной деятельности стало понятно, что выбор конкретного набора действий и последствий в рамках явления не может быть оправдан, поскольку этот набор не обладает достаточной степенью

---

¹ Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов. Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой (авт. главы Леонтьев Б.М. и Тяжкова И.М.). М., 2002. С. 509.

² Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. – М.: Госюриздат, 1963. – с. 283.

«типичности» для трансформации в состав преступления и включения в уголовный закон.

Справедливости ради следует заметить, что далеко не каждый случай декриминализации деяний означает наличие «недоработок» в работе законодательных органов. Общество не стоит на месте, со временем некогда необходимые социальные институты утрачивают свою былую значимость, подобные процессы не могут не затрагивать и законодательство, в том числе, уголовное, которое по сей день, на наш взгляд, выступает одной из основных «лакмусовых бумажек», позволяющих спроектировать и распознать политический курс, взятый руководством государства, определить тенденции его развития.

Итак, состав преступления – это основной критерий, который позволяет разграничить единичное (пусть и сложное) преступление от множественности преступлений. Законодатель не стеснен в возможности конструирования состава таким образом, чтобы туда включались не только одномерные элементы (которые, как уже отмечалось, характерны для единичных простых преступлений), но и «усложненные» элементы, выраженные в наличии нескольких действий, нескольких последствий, двух форм вины по отношению к возникающим последствиям, разрывов во времени при выполнении состава преступления либо длительного времени, в течение которого выполняется состав и т.п. Если деяние соответствует одному составу преступления, предусмотренному УК РФ, следовательно, мы имеем дело с единичным преступлением, если же совершенное охватывается сразу несколькими составами преступлений, значит, речь идет о необходимости применения института множественности преступлений.

Более эффективным, на наш взгляд, для выявления критериев разграничения единичных сложных преступлений и множественности преступлений будет рассмотрение отдельных видов единичных сложных преступлений в их соотношении с тем или иным компонентом института множественности преступлений.

К основным видам единичных сложных преступлений исследователи традиционно относят составные, длящиеся и продолжаемые преступления¹. Наряду с этим выделяются и иные виды. Таковыми, в частности, специалистами признаются преступления с альтернативными действиями и (или) актами бездействия; преступления с альтернативными последствиями²; преступления с двумя формами вины³. Дополнительно отметим, что правовая природа последних, кстати, достаточно близка природе составных преступлений, так как преступления с двумя формами вины по своим характеристикам (в частности, по возможности условного «разделения» таких преступлений на два преступных компонента – к примеру, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и причинение смерти по неосторожности в преступлении, предусмотренном ч. 4 ст. 111 УК РФ) условно сопоставимы с составными преступлениями аналогично преступлениям, совершаемым посредством других преступлений-способов (например, с применением насилия или с использованием служебных полномочий), которые некоторые ученые также выделяют в отдельный вид единичных сложных преступлений⁴.

Помимо общего критерия разграничения множественности и единичных сложных преступлений, а именно критерия количества составов преступлений, единичные сложные преступления, по нашему мнению, возможно отграничить от множественности на основании критериев единства умысла, временного промежутка совершения преступления, единства объекта преступления, объективной связи действий, образующих преступление (как специфического критерия, характерного для продолжаемых преступлений), и единства формы вины. Вместе с тем, конкретно применимые для разграничения критерии из

---

¹ Куличенко Н. Н. Уголовно-правовая оценка единичного сложного преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 6. Калинина Т. А. Формы и виды единого преступления и отграничение их от множественности преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 9.

² Васильева Е.Г. Формы множественности преступлений по действующему уголовному законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2005, с. 6.

³ Куличенко Н.Н. Указ. соч. – с. 6.

⁴ Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». – М.: Издательский дом «Городец», 2007. – с. 279, 287.

данного списка определяются индивидуально в отношении каждого вида единичных сложных преступлений.

Соотношение составных преступлений и множественности преступлений выразим на примере.

Разбой (статья 162 УК РФ), как правило, рассматривается как классический пример составного преступления - преступления, объединяющего в себя такие деяния, которые могли бы выступать в качестве самостоятельных составов преступлений независимо друг от друга (в данном случае это сочетание убийства (ст. 105 УК РФ) (которое при разбое требует дополнительной квалификации) – применительно к насилию, опасному для жизни; либо умышленного причинения легкого или среднего вреда здоровью (ст. 112, 115 УК РФ) – применительно к насилию, опасному для здоровья; либо угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) – применительно к угрозе применения насилия (исключением в данном случае будет являться угроза причинения легкого или среднего вреда здоровью, поскольку уголовный закон не содержит отдельных составов преступлений, предусматривающих ответственность за такие деяния) и, в зависимости от обстоятельств содеянного, открытой либо тайной формы хищения чужого имущества (ст. 161 либо 158 УК РФ)). Данное преступление имеет своим объектом собственность, в качестве дополнительных объектов выступают жизнь и здоровье, таким образом, преступление является многообъектным. Кроме того, данному преступлению с точки зрения объективной стороны присуще совершение нескольких деяний, в частности, сначала – нападение с применением насилия, опасного для жизни и здоровья либо с угрозой такового, а затем – непосредственное хищение чужого имущества, однако поскольку момент окончания преступления в соответствии с формулировкой закона перенесен на более раннюю стадию («усеченный» состав), для квалификации деяния как разбоя достаточно лишь факта нападения (независимо от того, совершено ли фактически хищение чужого имущества либо нет). Разрыва во времени между указанными деяниями чаще всего не происходит, оба деяния совершаются друг за другом в течение короткого временного

промежутка. Для разбоя характерен прямой умысел, а также корыстная цель, которая прямо предусмотрена частью 1 статьи 162 УК РФ.

Исходя из рассматриваемого примера, отметим, что составные преступления возможно разграничить с совокупностью преступлений на основании критерия единства умысла: при разбое умысел лица возникает сразу и на нападение с применением насилия или с угрозой его применения, и на хищение имущества, указанные деяния рассматриваются в комплексе, а в случае совокупности деяний, которые в своем сочетании потенциально могут образовать состав разбоя, умысел «раздроблен», возникает автономно для каждого из деяний, зачастую уже после того, как реализован умысел по одному из совершаемых деяний¹ (причем полагаем, что здесь речь идет не только о «раздробленности» во времени возникновения умысла, что характерно для реальной совокупности этих деяний, но и об объектной «раздробленности» умысла в принципе, то есть когда умысел направлен на причинение вреда различным объектам уголовно-правовой охраны, - это ситуации идеальной совокупности указанных деяний, которые на практике встретить крайне сложно, вследствие того, что составы, предусмотренные статьями 158 и 161 УК РФ, в отличие от разбоя не охватывают насилие, опасное для жизни или здоровья, или угрозу такого насилия, в связи с чем, скорее, можно говорить об идеальной совокупности непосредственно разбоя и, к примеру, убийства, которую, напротив, на практике встретить возможно²); критерия временного промежутка совершения преступления (часто при реальной совокупности деяния разбросаны во времени, а в этом примере действия обычно совершаются друг за другом в течение короткого промежутка времени). Кроме того, исходя из рассмотренного примера, следует учесть, что составные преступления слабо поддаются разграничению с идеальной совокупностью преступлений. Остальные ранее перечисленные критерии для разграничения

---

¹ См., например, Приговор Кировского районного суда г. Волгограда по делу № 1-206\2010 от 17 июня 2010 года <<https://rospravosudie.com/>> (последнее посещение – 22 июля 2017 г.).

² См., к примеру, Приговор Брянского областного суда по делу в отношении Андреева С.Н. от 1 июня 2010 года <<https://rospravosudie.com/>> (последнее посещение – 26 октября 2017 г.); Приговор Северо-Кавказского окружного военного суда по делу № 1-14/2014 от 27 июня 2014 года <<https://rospravosudie.com/>> (последнее посещение – 26 октября 2017 г.).

разбоя и совокупности соответствующих преступлений применимы быть не могут вследствие их схожести и при разбое, и при совокупности.

Рассмотрим теперь пример преступления с двумя формами вины - часть 4 статьи 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. Данный состав условно складывается из преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 111 УК РФ и частью 1 статьи 109 УК РФ. Это преступление имеет в качестве основного объекта здоровье человека, однако специфика состава выражается в наличии еще одного обязательного объекта – жизни человека. С точки зрения объективной стороны преступление совершается путем одного деяния, которое влечет за собой как последствия, предусмотренные умыслом лица, так и последствия, которые в умысел лица не входили. Временной промежуток между наступлением «первых» и «вторых» последствий может быть самым разным: они могут наступить мгновенно друг за другом, а могут – и через некоторое время, иногда довольно продолжительное. В отличие от предыдущего примера наличие единства умысла в данном примере наблюдать не приходится: имеет место умысел лица на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, однако наступление смерти потерпевшего в умысел виновного не входит.

Из изложенного получается, что отграничить данный состав, к примеру, от идеальной совокупности преступлений, условно образующих это преступление, если исходить из изложенных выше критериев и получившейся характеристики состава, возможным не представляется. Если не брать во внимание самый общий критерий – количество составов преступлений, состав части 4 статьи 111 УК РФ по своим признакам условно идентичен идеальной совокупности преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 111 УК РФ и частью 1 статьи 109 УК РФ. Этому есть вполне разумное объяснение: конструкция преступлений с двумя формами вины – некая фикция, придуманная законодателем и представляющая из себя, по сути, учтенную идеальную совокупность соответствующих преступлений. Если обратить внимание на санкции рассматриваемых норм, станет понятно, что конструкция преступлений с двойственной формой вины введена не

случайно: при квалификации содеянного как совокупности даже при полном сложении максимально возможного наказания в виде лишения свободы подсудимый получил бы не более 10 лет лишения свободы, однако при применении к данному лицу части 4 статьи 111 УК РФ наказание могло бы достигнуть 15 лет лишения свободы. Это означает, по сути, что лицо, совершившее два независимых преступления, будет находиться в гораздо более выгодном положении по отношению к лицу, совершившему одно преступление, состав которого сконструирован уже как учтенная идеальная совокупность, что, на наш взгляд, не является правильным. Налицо причины существования такой часто называемой «смешанной» формы вины: по мнению законодателя, сочетание в результате деяния виновного как последствий, охватываемых его умыслом, так и иных последствий, в особенности, последствий в виде смерти потерпевшего, представляет повышенную общественную опасность и влечет более строгое наказание, нежели возникновение таких последствий в рамках совершения двух отдельных преступлений. Вместе с тем, в настоящее время вследствие фактического отсутствия специфических черт преступлений с двумя формами вины в их соотношении с идеальной совокупностью некоторыми авторами ставится вопрос о целесообразности существования в уголовном законе этой конструкции¹. Не отрицая в целом необходимость существования конструкции в отношении некоторого, хоть и достаточно узкого, круга деяний, отметим, что законодательная формулировка статьи 27 УК РФ относительно презумпции «умышленности» преступлений, входящих в данную группу, действительно, вызывает вопросы (прежде всего, связанные с категоризацией таких преступлений, с квалификацией неоконченных деяний, с определением возраста уголовной ответственности и т.п.), однако эти вопросы не являются предметом диссертационного исследования, в связи с чем подробно на них останавливаться не будем.

---

¹ Осокин Р.Б., Курсаев А.В. К вопросу об обоснованности выделения преступлений с двумя формами вины в Уголовном кодексе РФ и их соотношении с идеальной совокупностью преступлений // Вестник ТГУ, выпуск 6 (98), Тамбов, 2011. – с. 257-260. Никитина Н.А. Преступления с двумя формами вины: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2011. - с. 2, 8.

Для выявления критериев соотношения длящихся преступлений и множественности преступлений возьмем в качестве примера преступление, предусмотренное частью 1 статьи 338 УК РФ «Дезертирство». Объектом преступления выступает военная служба, а именно – установленный порядок ее прохождения, то есть преступление однообъектно. Объективная сторона преступления выражается, как правило, в нескольких действиях (бездействиях) (к примеру, самовольное оставление части, отъезд в другой город/страну, смена имени/внешности и т.п.). При этом указанные действия (бездействия) могут растянуться на достаточно длительный промежуток времени, хотя данное преступление, как и любое другое длящееся преступление, и будет считаться оконченным уже с момента первого действия (бездействия), а именно - самовольного оставления части в целях уклонения от прохождения военной службы, или с момента неявки на службу в тех же целях. Преступление совершается с прямым умыслом, обладающим единством, поскольку вся цепь действий (бездействий) направлена именно на осуществление этого умысла. Исходя из представленной характеристики, данное преступление возможно отграничить от совокупности преступлений помимо основного критерия на основании критериев единства умысла, единства объекта преступления, единства формы вины. Это связано с тем, что, как уже говорилось ранее, умысел при совокупности преступлений «раздроблен»; кроме того, зачастую при совокупности преступлений вред наносится нескольким, а не одному объекту уголовно-правовой охраны; при совокупности преступлений не всегда форма вины обладает единством - могут сочетаться как умышленные, так и неосторожные деяния.

Соотношение продолжаемых преступлений и множественности преступлений представим с использованием для примера преступления, предусмотренного частью 1 статьи 290 УК РФ «Получение взятки», в ситуации, когда сумма взятки передается не сразу, а по частям. Объектом преступления является установленный порядок функционирования органов государственной власти, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, то есть

преступление однообъектно. Объективная сторона этого частного случая взятки выражается в нескольких действиях (актах бездействия) (к примеру, действия по получению части денег, и (или) действия по непрепятствованию их передаче («сунули в карман» с ведома и согласия виновного – в противном случае (при отсутствии согласия получателя), действия получателя не подпадут под состав преступления, а действия дающего, при определенных условиях, могут быть квалифицированы как провокация взятки – по статье 304 УК РФ)). Действия (акты бездействия) в этом частном случае получения взятки разделены во времени, хотя промежутки между указанными действиями могут быть как короткими (например, действия совершаются в течение одного дня), так и длительными (действия растянуты на месяцы). Преступление начинается с момента выполнения первого действия из цепи и заканчивается моментом выполнения последнего тождественного действия (хотя в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и содержится иная позиция по вопросу момента окончания такого преступления, – оно считается оконченным уже с момента принятия лицом хотя бы части передаваемых ценностей¹, считаем такую позицию не совсем удачной с точки зрения уголовно-правовой оценки продолжаемого преступления²). Отдельно стоит упомянуть об объективной связи тождественных деяний, образующих преступление: для квалификации данных деяний как продолжаемого преступления важно, чтобы части суммы взятки в рамках каждого деяния из цепи передавались за одно и то же действие (бездействие), которое входит в служебные полномочия должностного лица, либо за то, что должностное лицо в силу своего положения может способствовать одному и тому же действию (бездействию) (не беря в данном случае во внимание общее покровительство и попустительство по службе, которое также включено в диспозицию нормы).

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях" // "Российская газета", № 154, 17.07.2013.

² Мнение о необходимости корректировки позиции Верховного Суда РФ в отношении момента окончания получения и дачи взятки в значительном, крупном или особо крупном размере ранее высказывалось А.Н. Кулагиным: Кулагин А.Н. Продолжаемые преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. - с. 12.

Преступление совершается умышленно и обладает при этом единством умысла, поскольку все действия (акты бездействия) в цепи направлены на осуществление единственного умысла в виде получения лицом полной суммы взятки. Полученная характеристика преступления позволяет разграничить его с совокупностью преступлений помимо основного по следующим критериям: единства умысла (умысел при совокупности «раздроблен») – данный критерий некоторые исследователи отмечают в качестве определяющего при отграничении продолжаемых преступлений¹, единства объекта преступления (чаще при совокупности преступлений вред наносится нескольким, а не одному объекту уголовно-правовой охраны), объективной связи действий, образующих преступление (сущность этого критерия для данного примера уже пояснялась, однако не лишним будет отметить, что продолжаемые преступления разнообразны и многогранны, и, как справедливо заметили Н.И. Пряхина и В.Ф. Щепельков, этот критерий может применительно к различным видам преступлений проявляться по-разному²: так, для продолжаемых краж критерий проявляется в том, что они совершаются из одного источника; для мошенничества в виде финансовых пирамид критерий проявляется в том, что причинение вреда – это результат однажды сформированного механизма для дальнейших преступных деяний и т.д.), и единства формы вины (при совокупности не всегда форма вины обладает единством).

Для дополнительной иллюстрации сказанного возьмем два примера из судебной практики: так, преподаватель Кошилева Н.М. была признана виновной в 30 преступлениях, предусмотренных частью 1 статьи 290 УК РФ, за получение взяток от 30 различных студентов за действия по проставлению им положительной оценки по защите курсовых работ без фактической защиты

---

¹ Коротких Н.Н. Отграничение множественности преступлений от единичных сложных преступлений // Материалы XI Международной научно-практической конференции "Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики". Актуальные проблемы юридической науки. Ч. II. / Отв. ред.: Якушин В.А., Пынчук В.А. Тольятти, 2014. С. 123-128.

² Пряхина Н.И., Щепельков В.Ф. Об отграничении продолжаемого преступления от совокупности преступлений // КриминалистЪ, 2011, № 1 (8). С. 9.

данных курсовых работ¹. Указанный приговор суда соответствовал позиции ранее упомянутого постановления Пленума Верховного суда РФ по вопросу квалификации получения взятки от нескольких лиц за различные действия в отношении каждого взяткодателя, высказанной несколько позднее, чем был вынесен рассматриваемый приговор. Пленум в 2013 году признал, что одновременное получение взятки от нескольких лиц, если в интересах каждого из них должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, совершается отдельное действие (акт бездействия), не может квалифицироваться как единое продолжаемое преступление и образует совокупность преступлений². Интересная черта, как справедливо отмечает П.С. Яни, выражалась в том, что Пленум до оглашения вышеназванной позиции не раз изменял свои взгляды на рассматриваемую проблему, а в 2000 году (именно это постановление³ действовало на момент вынесения приговора Кошилевой Н.М.) вообще о проблеме не упомянул⁴.

В свою очередь, приведем второй пример: врач-хирург Кацанов Р.Б. был признан виновным в совершении единого продолжаемого преступления, предусмотренного частью 2 статьи 290 УК РФ (в редакции 2011 года), состоящего из двух деяний – получение взятки за незаконную выдачу листка нетрудоспособности гражданке и последующее получение взятки за продление срока листка нетрудоспособности той же гражданки без необходимых к тому оснований⁵. Решающими для суда при переквалификации действий подсудимого с совокупности 2 эпизодов на единое продолжаемое преступление стали факт того, что умысел на получение взятки за продление листка возник у подсудимого одновременно с умыслом на получение взятки за незаконную выдачу листка

---

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 9 июля 2012 года по делу № 1-566/2012 <<https://rospravosudie.com/>> (последнее посещение – 24 июля 2017 г.).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях" // "Российская газета", N 154, 17.07.2013.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 N 6 "О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе" // "Российская газета", N 38, 23.02.2000.

⁴ Яни П.С. Новое Постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве // Законность. 2013. N 9. С. 35 - 40; N 10. С. 25 - 30; N 11. С. 21 - 26; N 12. С. 31 - 36.

⁵ Приговор Железнодорожного районного суда г. Воронежа от 28 апреля 2011 года по делу № 1-94/2011 <<https://rospravosudie.com/>> (последнее посещение – 24 июля 2017 г.).

(подсудимый предложил свои услуги по продлению листка в будущем сразу же при получении взятки за незаконную выдачу листка), а также факт того, что подсудимый получил обе суммы взятки за то, что в силу своего положения способствовал одному и тому же действию в отношении гражданки, а именно получению ею документов о временной нетрудоспособности без необходимых к тому оснований.

Таким образом, критерий единства умысла и критерий объективной связи действий (бездействий), образующих преступление, действительно, играют крайне значимую роль для разграничения продолжаемых преступлений и совокупности преступлений.

Соотношение преступлений с альтернативными действиями и (или) (актами бездействия) и совокупности преступлений выразим на примере преступления, предусмотренного частью 1 статьи 228 УК РФ. Объектом этого преступления выступает здоровье населения, то есть объект единичен. Объективная сторона выражается в одном либо нескольких действиях и (или) (актах бездействия) из числа перечисленных в диспозиции нормы (так, например, это может быть лишь незаконное приобретение без цели сбыта наркотических средств в значительном размере, или же как незаконное приобретение, так и незаконное хранение без цели сбыта наркотических средств в значительном размере (то есть оба действия из числа альтернативных). В случае, когда виновный совершает несколько действий из числа альтернативных, временные промежутки между указанными действиями, как правило, незначительные, поскольку зачастую одно действие как бы «перетекает» в другое (к примеру, приобретение трансформируется в хранение либо в перевозку и т.п.). Преступление совершается умышленно независимо от того, совершается ли виновным несколько действий из числа альтернативных, либо совершено лишь одно действие из указанного числа, причем умысел обладает единством, так как лицо, как правило, заранее предполагает, что приобретая наркотик, ему будет необходимо его хранить, перевозить и т.п. (если, конечно, лицо на месте не употребит приобретенный наркотик, однако в этот случае будет иметь место лишь одно действие из списка альтернативных –

незаконное приобретение наркотического средства). Следовательно, полученная характеристика позволяет сделать вывод о возможности разграничения преступлений с альтернативными действиями и (или) бездействиями и совокупности преступлений по критериям единства умысла (при совокупности зачастую умысел «раздроблен»), временного промежутка совершения преступления (часто при реальной совокупности деяния разбросаны во времени, а в рассматриваемом примере действия, как правило, «перетекают» из одного в другое), единства объекта преступления (зачастую при совокупности вред наносится нескольким, а не одному объекту уголовно-правовой охраны) и единства формы вины (при совокупности форма вины не всегда обладает единством).

Преступления с альтернативными последствиями сравним с множественностью преступлений на примере преступления, предусмотренного частью 1 статьи 248 УК РФ «Нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами», где речь идет помимо причинения вреда здоровью человека об иных альтернативных последствиях, возникновение каждого из которых (одного или нескольких) повлечет квалификацию содеянного по данной норме. Объект преступления - экологическая безопасность при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами, т.е. в данном случае преступление однообъектно. Объективная сторона складывается из одного действия (бездействия), повлекшего одно или несколько альтернативных последствий из числа указанных в норме. Преступление может совершаться как умышленно, так и неосторожно независимо от того, влечет ли деяние несколько последствий из числа альтернативных, либо деяние повлекло лишь одно последствие из указанного числа, причем в случае умышленного совершения преступления умысел обладает единством, так как единственно имеющийся умысел лица направлен на нарушение соответствующих правил безопасности, при этом виновный допускает, что посредством деяния могут наступить любые последствия из числа альтернативных (одно или несколько).

Таким образом, преступления с альтернативными последствиями возможно разграничить с совокупностью преступлений на основании критериев единства умысла (чаще при совокупности умысел «раздроблен»), единства объекта преступления (при совокупности зачастую вред наносится нескольким, а не одному объекту уголовно-правовой охраны) и единства формы вины (при совокупности не всегда форма вины обладает единством).

Ранее мы умышленно умолчали о наличии еще одной разновидности преступлений, которые, думается, следует причислить к единичным сложным преступлениям. Речь идет о специфической конструкции «умышленные деяния, повлекшие умышленные последствия». Указанная конструкция применена на сегодняшний день в отношении ряда преступлений: особо квалифицирующий признак террористического акта (пункт «б» части 3 статьи 205 УК РФ), особо квалифицирующий признак захвата заложника (часть 4 статьи 206 УК РФ), особо квалифицирующий признак диверсии (часть 3 статьи 281 УК РФ).

Появление конструкции в уголовном законе было связано, прежде всего, с вопросами процессуального характера: причиной тому стало стремление законодателя изъять дела о совершении некоторых преступлений террористической направленности из подсудности судов с участием присяжных заседателей¹, и, как отметил Конституционный суд РФ в соответствующем постановлении по делу о проверке конституционности внесенных в этой связи изменений в УПК РФ, такое стремление сформировалось «с учетом того, что террористическая деятельность направлена на создание реальной угрозы для жизни и здоровья как населения, так и участников уголовного судопроизводства и может оказывать серьезное негативное психологическое воздействие и отрицательно влиять в том числе на способность входящих в состав суда лиц к принятию адекватных решений²».

---

¹ Указанные изменения были внесены Федеральным законом от 30.12.2008 N 321-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму" // "Российская газета", N 267, 31.12.2008.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2010 N 8-П "По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудяева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда" // СЗ РФ, 03.05.2010. N 18. Ст. 2276.

В результате уголовный закон получил, мягко говоря, не совсем стандартную с точки зрения теории уголовного права конструкцию, а в дополнение к этому – вышло разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, который в пункте 9 постановления 2012 года указал: «В случае, если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (*либо двум и более лицам* – курсив мой. Ю.Т.), содеянное охватывается пунктом "б" части 3 статьи 205 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 105 УК РФ не требует¹». Хотя в отношении соответствующих норм о захвате заложника и диверсии Верховный Суд РФ не высказался, по смыслу рассмотренного разъяснения, думается, совокупность со статьей 105 УК РФ должна исключаться и в указанных случаях.

Каким образом мы можем соотнести указанную конструкцию, по своей сути также, на наш взгляд, являющуюся единичным сложным преступлением, осложненным в данном случае специально оговоренной «одномерностью форм вины» по отношению к деянию и последствиям, с множественностью преступлений? Ответ на этот вопрос далеко не однозначен.

Дело в том, что конструкция умышленного деяния, повлекшего умышленное последствие в виде смерти человека, неоднократно и небезосновательно критиковалась исследователями. Мы абсолютно солидарны с указанной критикой, в том числе, и потому, что данная конструкция частично идет вразрез с общими правилами о множественности преступлений, в частности, о совокупности преступлений.

Так, в частности, этот «искусственно навязанный» запрет квалификации указанных деяний по совокупности с соответствующими нормами статьи 105 УК РФ, вступает в противоречие со сложившейся судебной практикой, в соответствии с которой, по мнению ученых, дополнительная квалификация необходима при совершении преступлений, сопряженных с убийством²; кроме того, сопряженные с убийством преступления обладают меньшей общественной

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 N 1 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности" // "Российская газета", N 35, 17.02.2012.

² См., например, Яни П.С. Сопряженность не исключает совокупности // "Законность", N 2, 2005. С. 25-27. Молчанов Д.М. Множественность преступлений: актуальные проблемы и теоретический опыт исследований ученых кафедры уголовного права МГЮА // Актуальные проблемы российского права. 2016. N 5. С. 107 - 118.

опасностью, нежели непосредственно убийство, вследствие чего они не могут включить в себя и убийство, тем самым понижая роль жизни как непосредственного объекта преступления, равно как и роль основополагающего закрепленного в Конституции РФ права на жизнь¹; и, наконец, что особо значимо в аспекте нашего диссертационного исследования, в отношении всех деяний, где использована конструкция (нормы статей 205, 206, 281 УК РФ), отсутствует указание на убийство двух или более лиц, что с учетом отсутствия официальной юридической силы постановлений Пленума Верховного Суда РФ при буквальном толковании указанных норм ведет либо к криминализации в этих нормах лишь убийства одного человека при совершении этих деяний, а в отношении убийства двух или более лиц требует от правоприменителя дачи самостоятельной уголовно-правовой оценки²; либо, что, по нашему мнению, более обоснованно в аспекте наличия общего регулирования вопросов совокупности в части 1 статьи 17 УК РФ, ведет к необходимости квалификации этих деяний, сопряженных с убийством двух или более лиц, по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей нормой статей 205, 206 или 281 УК РФ и пунктом "а" части 2 статьи 105 УК РФ³.

Таким образом, следует признать, что соотнесение такого вида единичных сложных преступлений, как умышленные деяния, повлекшие умышленные последствия, с множественностью преступлений не представляется целесообразным вследствие «искусственной природы» данной конструкции, что, в конечном итоге, приводит к прямым противоречиям между наличием указанной конструкции и общими правилами о совокупности преступлений.

---

¹ См. Боровиков В.Б. Оценка применения насилия при захвате заложника // Уголовное право. 2016. N 2. С. 17 - 22. Габдрахманов Р.Л. Квалификация террористического акта по УК РФ // Российский следователь. 2015. N 4. С. 16 - 20.

² Габдрахманов Р.Л. Указ. соч. С. 16 - 20.

³ Такая позиция в отношении террористического акта нашла выражение в работе Л.В. Иногамовой-Хегай: Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М., 2015. С. 177.

Исходя из вышеизложенного, на данном этапе исследования возможно резюмировать основные критерии разграничения единичных сложных преступлений и множественности преступлений:

- 1) критерий количества составов преступлений – этот критерий является общим для всех видов единичных сложных преступлений;
- 2) критерий единства умысла – этот критерий также является общим для всех видов единичных сложных преступлений, за исключением преступлений с двумя формами вины;
- 3) критерий временного промежутка совершения преступления – этот критерий может быть характерен для составных преступлений и для преступлений с альтернативными действиями и (или) (бездействиями);
- 4) критерий единства объекта преступления – этот критерий может быть характерен для длящихся и продолжаемых преступлений, для преступлений с альтернативными действиями (бездействиями), для преступлений с альтернативными последствиями;
- 5) критерий объективной связи действий, образующих преступление – этот критерий является специфическим для продолжаемых преступлений, причем для каждого из видов продолжаемых преступлений эта связь выражается по-разному;
- 6) критерий единства формы вины – этот критерий характерен для всех видов единичных сложных преступлений, за исключением преступлений с двумя формами вины.

Таким образом, общими критериями разграничения единичных сложных преступлений и множественности преступлений следует признать критерии количества составов преступлений, единства умысла и единства формы вины. В качестве дополнительных критериев для некоторых видов единичных сложных преступлений возможно рассматривать критерии временного промежутка совершения преступлений; единства объекта преступления; объективной связи действий, образующих преступление. Преступления с двумя формами вины стоят «особняком» в ряду единичных сложных преступлений, поскольку являются

фикцией уголовного закона и не поддаются разграничению с множественностью преступлений по вышеназванным критериям. Соотнесение конструкции «умышленные деяния, повлекшие умышленные последствия» с множественностью преступлений не представляется целесообразным вследствие ее «искусственной природы», что приводит к прямым противоречиям между наличием указанной конструкции и общими правилами о совокупности преступлений.

Выявив критерии разграничения единичных сложных преступлений и множественности преступлений, а также используя ранее полученные выводы, мы готовы сформулировать авторское понятие множественности преступлений, необходимое для целей настоящего диссертационного исследования.

По нашему мнению, множественность преступлений – это последовательное (разновременное) либо одним действием (бездействием) совершение лицом нескольких (двух или более) преступлений (*количественная характеристика*), хотя бы по двум из числа которых сохранены юридические последствия (к примеру, не снята/не погашена судимость, либо не имеется оснований для освобождения от уголовной ответственности и др.) и отсутствуют препятствия для привлечения к уголовной ответственности (к примеру, не истек срок давности, лицо достигло необходимого для привлечения к ответственности возраста и др.) (*качественная характеристика*). Изложенное понятие, возможно, не обременено некоторыми более подробными разъяснительными оборотами, однако, оно, на наш взгляд, точно и полно выражает сущность рассматриваемого института.

Итак, по итогам первой главы диссертационного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Наиболее значимым для института множественности преступлений стал дореволюционный период развития, когда все основные понятия множественности были раскрыты в законодательстве, а наряду с законодательством создавались и фундаментальные научные труды в этой сфере. В течение древнего периода развития еще не появились какие-либо серьезные

научные работы, которые позволили бы строить законодательство больше не интуитивным образом, а опираясь на обоснованную научную доктрину. В свою очередь, законодательство и наука советского периода лишь развивали более ранние положения, как правило, не внося в них кардинально новых воззрений, углубляясь в схоластические споры и необоснованно загружая уголовный закон большим количеством терминов. Центральным вопросом на протяжении исторического развития института множественности преступлений долгое время оставался вопрос о сущности идеальной совокупности преступлений.

2. Множественность преступлений – это последовательное (разновременное) либо одним действием (бездействием) совершение лицом нескольких (двух или более) преступлений (*количественная характеристика*), хотя бы по двум из числа которых сохранены юридические последствия и отсутствуют препятствия для привлечения к уголовной ответственности (*качественная характеристика*).

3. Общими критериями разграничения единичных сложных преступлений и множественности преступлений следует признать критерии количества составов преступлений, единства умысла и единства формы вины. В качестве дополнительных критериев для некоторых видов единичных сложных преступлений возможно рассматривать критерии временного промежутка совершения преступлений; единства объекта преступления; объективной связи действий, образующих преступление. Преступления с двумя формами вины стоят «особняком» в ряду единичных сложных преступлений, поскольку являются фикцией уголовного закона и не поддаются разграничению с множественностью преступлений по вышеназванным критериям. Соотнесение конструкции «умышленные деяния, повлекшие умышленные последствия» с множественностью преступлений не представляется целесообразным вследствие ее «искусственной природы», что приводит к прямым противоречиям между наличием указанной конструкции и общими правилами о совокупности преступлений.

Глава 2. Уголовно-правовая характеристика форм множественности преступлений в российском уголовном праве

§1. Соотношение форм и видов множественности преступлений в российском уголовном праве

В литературе в отношении разновидностей множественности преступлений зачастую употребляются термины «формы множественности», «виды множественности». В данной части диссертационного исследования мы выясним, есть ли принципиальная разница между указанными терминами, либо их возможно использовать в качестве синонимов. Внесение терминологической ясности в сущность категории форм множественности позволит, по нашему мнению, более детально подойти к изучению совокупности преступлений, рецидива преступлений, а также иных форм множественности, которым посвящено настоящее исследование.

Согласно формулировке Словаря русского языка С.И. Ожегова, «форма» - способ существования содержания (как единства всех основных элементов целого, его свойств и связей), неотделимый от него и служащий его выражением¹. В свою очередь, «вид», по представлению С.И. Ожегова, – разновидность, тип².

Как можно заметить, представленные понятия не обладают тождественностью. Форма видится нам более широким термином, который детально охватывает сущность объекта, выражением которого является, в то время как вид – всего лишь одна из сторон, с которой может быть рассмотрен объект, его конкретная разновидность. Форма обладает более высокой степенью охарактеризованности, нежели вид, поскольку рассматривая форму того или иного объекта возможно обозначить основные черты объекта, выявить систему этих черт и элементов объекта. Рассматривая вид же, на наш взгляд, порой бывает

---

¹ Словарь русского языка: 70000 слов / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой ; АН СССР, Ин-т рус. яз. - 21-е изд., перераб. и доп. - Москва: Рус. яз., 1989. С. 853, 741.

² Там же. С. 86.

достаточно его минимальных характеристик: собственно название, а также основной признак, по которому данный вид возможно отграничить от остальных видов (проявлений) объекта.

При этом, по нашему мнению, не стоит отказываться от понимания формы и вида какого-либо объекта как соотносимых в качестве целого и части (общего и частного). Проиллюстрировать такое понимание мы сможем на конкретных примерах форм и видов множественности преступлений, которые будут приведены позднее.

Итак, подавляющее большинство специалистов, посвятивших труды институту множественности преступлений, рассматривают формы и виды множественности преступлений как синонимы. Такое отождествление встречается как в диссертационных работах¹, так и в иной научной литературе².

В свою очередь, некоторые исследователи всё же отличают друг от друга формы и виды множественности преступлений: так, Ю.А. Красиков, схематично изображая элементы института множественности преступлений, включает в данную схему как формы множественности преступлений, так и юридические виды множественности преступлений, при этом, по замыслу ученого, формы и виды соотносятся как общее и частное (к примеру, такое понимание было выражено Ю.А. Красиковым в отношении ранее существовавшей формы множественности – повторности преступлений³). Подразделение множественности преступлений на формы и виды также характерно для работы Н.Н. Коротких, которая разработала достаточно детальную классификацию форм и видов множественности в зависимости от отсутствия или наличия факта осуждения лица на момент совершения им нового преступления⁴, и, что важно

---

¹ См., например, Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву: Дис. ... д-ра юрид. наук. Кемерово, 2001. С. 6, 10. Санинский Р.А. Теоретико-законодательные и правоприменительные аспекты множественности преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 13.

² Малков В. К вопросу о формах и видах множественности преступлений по уголовному праву России // Уголовное право. 2009. № 1. С. 30 - 38. Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов. Ответственные редакторы - д.ю.н., проф. И.Я. Козаченко и д.ю.н., проф., З.А. Незнамова. М., 1997. С. 296.

³ Красиков Ю.А. Указ. соч. С. 8.

⁴ Коротких Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о множественности преступлений: уголовно-правовое и уголовно-исполнительное исследование: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 7, 10.

отметить, также исходила из того, что форма и вид множественности соотносятся как целое и часть.

Соотношение форм и видов множественности мы можем проследить и на примерах соответствующих норм зарубежного уголовного законодательства.

Например, Уголовный кодекс Республики Казахстан предусматривает похожую на российскую систему форм и видов множественности преступлений: так, к основным формам множественности «уголовных правонарушений» (по смыслу УК Республики Казахстан, уголовные правонарушения подразделяются на преступления и уголовные проступки) казахские коллеги относят неоднократность уголовных правонарушений, совокупность уголовных правонарушений (видами которой являются идеальная и реальная совокупности), рецидив преступлений (видами которого являются простой и опасный рецидивы), а также совокупность приговоров (статьи 10, 12-14, 58-60 УК Республики Казахстан¹). Анализируя вышеописанную систему, отметим, что конструкция рецидива в Казахстане применяется исключительно к преступлениям и не применима к уголовным проступкам. Кроме того, уголовный закон Казахстана в отличие от российского не содержит такого вида рецидива, как особо опасный рецидив.

Модель системы форм и видов множественности преступлений в Уголовном кодексе Республики Молдова также довольно близка к российской: к основным формам множественности молдавский законодатель отнес совокупность преступлений, видами которой являются реальная и идеальная совокупности (статья 33 УК Молдовы²), а также рецидив преступлений, видами которого являются простой, опасный и особо опасный рецидивы (статья 34 УК Молдовы³). Вместе с тем, на этом перечень не заканчивается, в Особенной части УК Молдовы

---

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.07.2017 г.). Информационные системы «Параграф» <https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252#sub_id=120000> (последнее посещение – 05 октября 2017 г.).

² Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV (ред. от 20.07.2017 г.). База данных «Законодательство стран СНГ» <http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835> (дата обращения: 27 декабря 2017 г.).

³ Там же.

возможно встретить и конструкции множественного совершения деяний (например, в статьях 135.1, 150, 322 УК Молдовы встречается систематичность, а в статье 288 УК Молдовы имеется конструкция повторности¹).

Отдельное внимание стоит обратить на систему форм и видов множественности преступлений в уголовном законе Беларуси. Уголовный кодекс Республики Беларусь предусматривает такие формы и виды множественности преступлений: повторность преступлений как совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной и той же статьей Особенной части УК (статья 41 УК Беларуси²); совокупность преступлений, видами которой выступают реальная и идеальная совокупности (статья 42 УК Беларуси³), а также рецидив преступлений, виды которого – простой, опасный и особо опасный рецидивы (статья 43 УК Беларуси⁴). Особым отличием белорусской модели следует признать наличие общей формулы регулирования конструкции административной и, что также примечательно, дисциплинарной преюдиции уже в Общей части уголовного закона: статья 32 УК Беларуси предусматривает, что в случаях, предусмотренных Особенной частью УК, ответственность наступает за деяния, совершенные в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение⁵. Кроме того, в Особенной части УК Беларуси «скрыты» и конструкции множественного совершения деяний: к примеру, статьи 128, 145, 154 УК Беларуси включают в себя конструкцию систематичности, причем понятие систематичности как признака, указывающего на совершение лицом более двух тождественных или однородных правонарушений, дано в Общей части уголовного закона – в части 15 статьи 4 УК Беларуси⁶. Таким образом, белорусский законодатель наиболее основательным образом подошел к систематизации института множественности преступлений,

---

¹ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV (ред. от 20.07.2017 г.). База данных «Законодательство стран СНГ» <http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835> (дата обращения: 27.12.2017).

² Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-3 (ред. от 18.07.2017 г.). База данных «Законодательство стран СНГ» <https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1977> (дата обращения 27.12.2017).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

достаточно подробно закрепив основные положения по вопросу форм и видов множественности преступлений, а также конструкций множественного совершения деяний как в Общей, так и в Особенной части уголовного закона.

Интересной в сравнительно-правовом аспекте представляется система форм и видов множественности преступлений в уголовном законодательстве Грузии. Уголовному кодексу Грузии известны следующие основные формы множественности преступлений: неоднократное преступление, совокупность преступлений (видами которой признаются идеальная и реальная совокупности), рецидив преступлений, рэкет, а также совокупность приговоров (статьи 15-17.1, 59 УК Грузии¹). Как можно увидеть, основными особенностями системы форм и видов множественности в Грузии является отсутствие видового деления рецидива, а также наличие рэкета (в соответствии с положениями статьи 17.1 УК Грузии, рэкет – это неоднократная и организованная деятельность, осуществляемая в целях систематического извлечения дохода или иной имущественной выгоды, связанная с совершением умышленного преступления (если судимость не погашена или не снята), если она осуществлялась не менее чем дважды в течение пяти календарных лет, в которые не входят срок ареста и отбытия наказания рэкетиром) как специфической формы множественности преступлений.

Система форм и видов множественности в Уголовном кодексе Японии включает в себя следующие элементы: совокупность преступлений (видами которой выступают реальная и идеальная совокупности), а также «повторная судимость» (аналог рецидива преступлений) совместно с совокупностью приговоров (данную форму, в свою очередь, условно можно подразделить на такие виды, как рецидив и совокупность приговоров при втором преступлении, рецидив и совокупность приговоров при третьем и последующих преступлениях; либо на такие виды, как рецидив лица, приговоренного ранее к лишению свободы с выполнением работ на определенный срок, рецидив лица, приговоренного ранее

---

¹ Уголовный кодекс Грузии от 22.07.1999 года (по состоянию на 26.07.2017 г.). Законодательный вестник Грузии <<https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426>> (последнее посещение – 05 октября 2017 г.).

к смертной казни, которая вследствие наличия альтернативного наказания была заменена на лишение свободы с выполнением работ на определенный срок, а также рецидив лица, которому ранее наказание назначалось при применении норм о совокупности преступлений) (статьи 45, 54, 56, 59 УК Японии¹). Целесообразно пояснить, что особенностями японского уголовного закона являются отсутствие в законе неоднократности преступлений как формы множественности, а также смешение рецидива преступлений и совокупности приговоров (рецидив рассматривается исключительно с позиций назначения наказания за тот или иной его вид), на наш взгляд, прежде всего, вследствие того, что японский законодатель при рассмотрении вопроса о формах множественности в значительной мере сместил акценты с форм множественности, напрямую не касающихся вопросов судимости (в частности, совокупность преступлений), на формы множественности, прямо связанные с вопросами судимости лица («повторная судимость» (или в российском понимании – рецидив преступлений) и совокупность приговоров). Таким образом, подавляющее большинство норм УК Японии в сфере множественности преступлений регулирует именно вопросы назначения наказания.

Исходя из проведенного анализа по вопросу соотношения форм и видов множественности преступлений, считаем необходимым сделать вывод о том, что форма и вид множественности преступлений не являются тождественными понятиями, вместе с тем, форма и вид множественности преступлений соотносятся как общее и частное (то есть как целое и его часть).

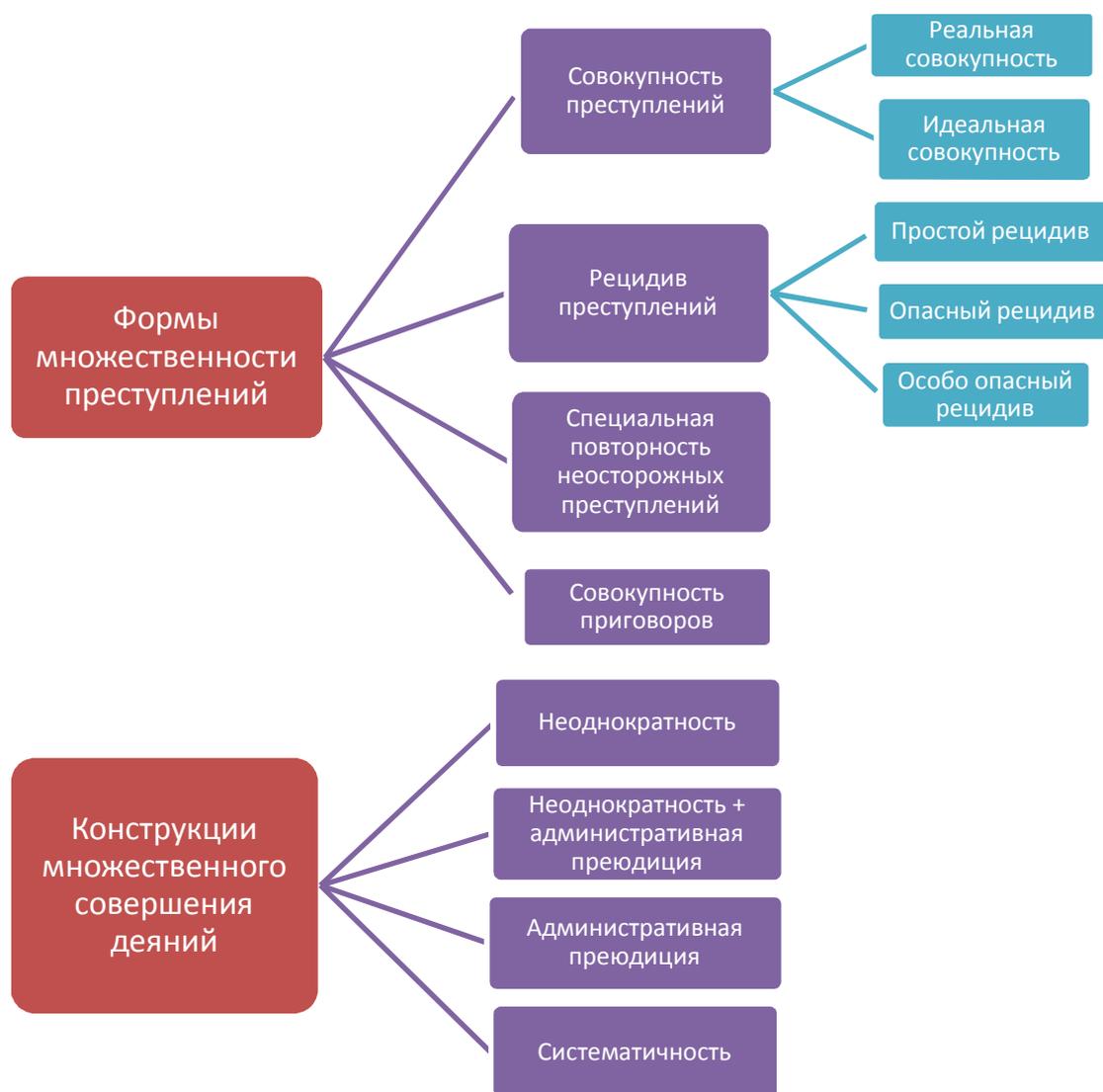
Таким образом, понятия формы и вида множественности преступлений целесообразно выразить следующим образом: форма множественности преступлений – способ выражения уголовно-правового явления множественности преступлений, раскрывающий ее сущность и обладающий комплексом характеристик, позволяющим признать автономность такого способа выражения и отграничить его от иных форм множественности преступлений; вид

---

¹ Penal Code of Japan (Act No.45 of 1907) with Amendment (Act No. 54 of 2007). Cabinet Secretariat (Japan) website <http://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/PC.pdf> (последнее посещение - 06 октября 2017 г.).

множественности преступлений – разновидность той или иной формы множественности преступлений, охватывающая лишь одно из возможных проявлений уголовно-правового явления множественности преступлений, характеристики которого только частично раскрывают сущность множественности преступлений.

Резюмируя вышесказанное, предлагаем схематично изобразить систему форм и видов множественности преступлений в российском уголовном праве:

Представленные схемы требуют некоторых пояснений.

Во-первых, обратим внимание на то, что получившихся схем – две, и это не случайно: на наш взгляд, как таковых форм множественности преступлений в том смысле, который мы вложили в понятие множественности преступлений в главе 1 диссертационного исследования, на сегодняшний день в российском уголовном

законе всего четыре (совокупность преступлений, рецидив преступлений, специальная повторность неосторожных преступлений, а также совокупность приговоров); однако помимо них в Особенной части УК РФ возможно обнаружить и конструкции множественного совершения деяний, отраженные во второй схеме, - уголовно-правовые явления, характерные исключительно Особенной части УК РФ и в нашем понимании формами множественности преступлений не являющиеся, поскольку одно либо несколько деяний из числа совершенных лицом не являются преступлением/преступлениями. Вместе с тем, в силу того, что указанные конструкции находятся именно в УК РФ и имеют внешне достаточно сходную с множественностью преступлений природу, они, думается, непременно требуют рассмотрения в рамках настоящей работы.

Во-вторых, следует определиться с терминологическими категориями, представленными на схемах: так, красным цветом обозначены названия двух основных классов, которые будут проанализированы в дальнейшем, – формы множественности как таковые и конструкции множественного совершения деяний; фиолетовым цветом обозначены непосредственно существующие формы множественности (применительно к первой схеме) и имеющиеся в уголовном законе конструкции множественного совершения деяний (применительно ко второй схеме); в свою очередь, голубым цветом обозначены основные виды множественности преступлений, нашедшие отражение в УК РФ.

На основе полученных схем мы переходим к уголовно-правовому анализу современного состояния конкретных форм множественности преступлений, а также вопросов квалификации деяний при наличии той или иной формы множественности преступлений, и наряду с этим – к анализу упомянутых конструкций множественного совершения деяний.

§ 2 Уголовно-правовая характеристика совокупности преступлений

Совокупность преступлений наряду с рецидивом преступлений, безусловно, может претендовать на статус одной из наиболее распространенных на практике форм множественности преступлений: согласно опубликованным данным МВД России, за период с января по ноябрь 2017 года каждое второе расследованное преступление было совершено лицами, ранее совершавшими преступления (55,7% от общего числа лиц, совершивших преступления)¹. Аналогичная статистика наблюдается и за предшествующие периоды (2015, 2016 годы) – 52% и 54% соответственно. То есть число лиц, ранее совершавших преступления, в общем числе преступников хоть и незначительно, но неизменно растет.

Более конкретизированные в отношении совокупности преступлений данные возможно получить, обратившись к статистике, предоставляемой Судебным департаментом при Верховном Суде РФ: так, согласно указанному источнику, за первое полугодие 2017 года число лиц, впервые совершивших два или более преступлений, составило 22130 человек² (около 7% от общего числа осужденных за указанный период). Интересно также отметить, что за периоды 2015 и 2016 годов этот показатель составил 43827 человек (примерно 6% от общего числа) и 48307 человек (около 6,5% от общего числа) соответственно, что в сравнительном обзоре также иллюстрирует некоторый рост числа лиц, совершивших преступления при совокупности.

Справедливости ради следует отметить, что вышеизложенные данные не позволяют в точности определить процент лиц, которые совершили преступления при наличии совокупности, по следующим причинам: МВД России формирует статистические обзоры без разграничения данных по числу лиц, совершивших преступления при совокупности и при рецидиве; в свою очередь, Судебный департамент при Верховном Суде РФ отделяет случаи совершения преступлений при рецидиве и случаи совершения преступлений при совокупности

---

¹ Официальный сайт МВД России <<https://xn--b1aew.xn--plai/folder/101762>> (последнее посещение – 09 января 2018 г.).

² Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации <<http://www.cdep.ru/index.php?id=79>> (последнее посещение – 09 января 2018 г.).

преступлений, однако выделяет при этом лишь одну категорию таких случаев – совершение двух или более преступлений лицом *впервые* (курсив мой – Ю.Т.), оставляя за бортом случаи совершения лицом преступлений при совокупности не в первый раз, вследствие чего объективный процент случаев совокупности преступлений не прослеживается. Статистическая картина осложняется еще и тем, что встречаются случаи «слияния» рецидива и совокупности преступлений в действиях конкретного лица – так, если лицо, имевшее судимость за ранее совершенное умышленное преступление, совершит снова не одно, а сразу несколько преступлений (к примеру, при идеальной совокупности преступлений), то эти деяния в силу принципов формирования статистической отчетности, в частности, Верховным Судом РФ будут отнесены к деяниям, совершенным при наличии какого-либо из видов рецидива, тем самым сам факт наличия совокупности преступлений будет нивелирован.

Как бы то ни было, настоящим исследованием мы не ставим задачу максимально точного вычисления статистических данных по рассматриваемому вопросу, однако исходя из вышесказанного, вполне уверенно можем проследить общую тенденцию постепенного роста числа лиц, совершивших преступления при наличии какого-либо из видов совокупности преступлений, а также отметить несомненную распространенность данной формы множественности преступлений в практической плоскости.

Итак, доктрина уголовного права на сегодняшний день выделяет следующие основные признаки совокупности преступлений: 1) совершение одним лицом двух или более преступлений; 2) эти преступления по юридическим признакам являются различными составами преступлений (то есть предусмотрены различными статьями или частями статей УК РФ, каждая из которых имеет самостоятельные санкции); 3) отсутствие факта осуждения лица за все эти преступления; 4) сохранение за каждым из совершенных деяний юридических последствий¹.

---

¹ Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение / Монография. Казань: Таглитат, 2006. С. 42.

Уголовный закон виды совокупности преступлений (реальная, идеальная) не конкретизирует. Однако юридическая общественность с такой постановкой вопроса, как показал проведенный диссертантом опрос, не согласна: подавляющее большинство опрошенных (примерно 97%) высказалось за четкое закрепление понятий реальной и идеальной совокупности преступлений в УК РФ.

Общие положения о совокупности преступлений закреплены в статье 17 УК РФ. Три из четырех вышеуказанных признаков совокупности преступлений явно выражены в данной норме (четвертый признак, на наш взгляд, презюмируется, то есть его наличие обусловлено необходимостью соблюдения иных уголовно-правовых норм, регулирующих смежные вопросы, например, положений статей 75, 78 УК РФ). В соответствии с частью 1 указанной статьи, совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. При совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ. Следовательно, данная норма раскрывает общее определение совокупности преступлений.

В этой связи целесообразно обратить внимание на то, что выраженное в данной норме определение по различным причинам критикуется специалистами. Так, В.В. Зозуля отмечает, что признак «не было осуждено» в рассматриваемом определении следует заменить на признак «не имеет судимости», поскольку в существующем виде данный аспект определения противоречит презумпции невиновности, выраженной в статье 49 Конституции РФ¹. Полагаем, такая позиция, будучи должным образом обоснованной, вполне имеет право на существование, однако в полной мере с ней согласиться мы не можем, так как предлагаемое автором определение совокупности преступлений поставит

---

¹ Зозуля В.В. Совокупность преступлений против собственности: вопросы квалификации и назначения наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – С. 5-6.

совокупность преступлений в прямой противовес с рецидивом преступлений, границей взаимоотношений между которыми станет факт наличия либо отсутствия судимости, что не является справедливым, поскольку, как мы указывали ранее и как отмечают некоторые исследователи, на практике встречаются случаи, когда в поведении лица одновременно усматриваются как признаки совокупности, так и признаки рецидива преступлений¹. Вместе с тем, считаем необходимым обратить внимание на то, что формулировка определения совокупности преступлений, связанная с наличием факта осуждения в отношении лица, также не является безупречной, однако по иной, отличной от видения В.В. Зозули причине, а именно по причине отсутствия в законе четкого указания на момент, когда лицо считается осужденным. Одни исследователи связывают момент осуждения с моментом провозглашения обвинительного приговора суда², другие – с моментом вступления указанного приговора в законную силу³. Опираясь на действующую позицию Пленума Верховного Суда РФ, согласно которой «разделительным барьером» между совокупностью преступлений и совокупностью приговоров выступает факт провозглашения приговора (то есть не учитывается момент вступления приговора в законную силу) (пункт 56 постановления⁴), мы согласимся с мнением первой группы ученых.

Статистика ответов на вынесенный на обсуждение в рамках проведенного анкетирования вопрос об оптимальности имеющегося в части 1 статьи 17 УК РФ определения также подтверждает правильность нашей приверженности признаку отсутствия провозглашенного в отношении лица обвинительного приговора: так, лишь 15% участников опроса высказались за то, что определение оптимально в существующем виде, остальные же склонялись к необходимости корректировок (9% - высказалось за замену признака отсутствия осуждения признаком

---

¹ Уголовное право России. Часть общая: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / Галиакбаров Р. Р. [и др.]; Отв. ред. Л. Л. Кругликов. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 329.

² Шнитенков А.В. Множественность преступлений в уголовном праве: учебное пособие / А. В. Шнитенков. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – С. 28. Красиков Ю.А. Указ. соч. С. 64.

³ Васильева Е.Г. Указ. соч. С. 7. Горелик А.С. Указ. соч. С. 100-102.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. N 58 "О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания" // "Российская газета", N 295, 29.12.2015.

отсутствия судимости; 30% - признаком отсутствия в отношении лица вступившего в силу обвинительного приговора суда; около 45% - признаком отсутствия провозглашенного в отношении лица обвинительного приговора суда).

Попутно заметим, что такой подход, в том числе, не создаст противоречий и в случаях, когда изначально (т.е. когда никаких приговоров в отношении лица еще провозглашено не было) содеянное квалифицировалось по совокупности преступлений, затем был вынесен обвинительный приговор по совокупности преступлений, после чего лицо обжаловало приговор, и по результатам рассмотрения жалобы в отношении из одного из совершенных преступлений лицо было оправдано, а приговор в этой части – отменен. С устранением факта наличия обвинительного приговора по одному из преступлений самоустранится и факт наличия в содеянном совокупности преступлений, что повлечет переквалификацию. Аналогичным образом будет приниматься решение о наличии либо отсутствии совокупности преступлений во всех подобных ситуациях.

Кроме того, такая трактовка совокупности преступлений не внесет изменений в положения закона о рецидиве преступлений, поскольку эти формы множественности преступлений будут формально разделены подобно тому, как разделены во времени факт провозглашения обвинительного приговора и факт возникновения судимости (т.е. момента вступления обвинительного приговора в законную силу).

Предложенная формулировка также не будет противоречить установленной в статье 49 Конституции презумпции невиновности, так как факт провозглашения обвинительного приговора сам по себе не сделает лицо виновным в содеянном до того момента, пока этот приговор не вступит в силу. Вместе с тем, если указанный приговор в итоге в силу не вступит (например, будет обжалован и впоследствии отменен), как мы отмечали, будет нивелирован и факт существования совокупности преступлений (квалификация либо будет пересмотрена, либо лицо будет оправдано в полном объеме).

Таким образом, если уж и принимать решение о замене признака осуждения лица в определении совокупности преступлений в статье 17 УК РФ, то такая

замена должна производиться, скорее, в сторону указания признака отсутствия провозглашенного в отношении лица приговора, но всё же не в сторону указания признака отсутствия судимости.

Достаточно обоснованной следует признать критику еще одного аспекта рассматриваемого определения совокупности преступлений – случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, как исключения из анализируемого понятия. В частности, Н.Ф. Кузнецова полагает, что такая трактовка совокупности преступлений «не просто не удачна, а неприемлема»¹. Ведь по большому счету формулировка «обстоятельства, влекущие более строгое наказание» по смыслу уголовного закона, скорее, знаменует обстоятельства, отягчающие наказание (статья 63 УК РФ), следовательно, всё же касается института назначения наказания, нежели института множественности преступлений, в частности, форм множественности преступлений. Наряду с этим не стоит забывать, что появившаяся в настоящем виде в результате реформы 2003 года данная норма была призвана сгладить имевшуюся на тот момент коллизионность норм в сфере форм множественности преступлений, прежде всего, в отношении неоднократности преступлений и ее соотношения с остальными формами множественности преступлений, однако получившийся в результате механизм, в частности, в отношении регулирования совокупности преступлений, не только не устранил имевшиеся коллизии, но и добавил их в еще большее число уголовно-правовых норм, прежде всего, норм Особенной части УК РФ, о чем будет сказано далее.

В продолжение критики рассматриваемой трактовки В.П. Малков также негативно ее оценивает, именуя сложившийся подход даже новой разновидностью множественности², когда законодатель пытается «уместить» два, по сути, ничем не связанных друг с другом преступления в новый модифицированный вид сложного преступления. Как следствие, ученый

---

¹ Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 284.

² Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение / Монография. Казань: Таглитат, 2006. С. 75.

предполагает, что избранный законодателем подход является непродуманным и открывает возможности в будущем предусматривать в Особенной части УК РФ совершение двух или более преступлений в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, что является ничем иным, как возвратом к конструкции повышенной ответственности за неоднократность преступлений¹.

В свою очередь, часть 2 статьи 17 УК РФ предусматривает, что совокупностью преступлений признается и одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных *двумя или более статьями* (курсив мой – Ю.Т.) настоящего Кодекса. Как можно заметить из представленной нормы, речь в ней идет лишь об идеальной совокупности преступлений, норма не затрагивает реальную совокупность преступлений. При этом понимание идеальной совокупности преступлений в уголовном законе, как нам кажется, также не лишено изъянов. Из выделенного курсивом фрагмента не сложно догадаться, что законодатель в такой трактовке признает идеальной совокупностью преступлений лишь случаи, когда содеянное охватывается двумя или более различными статьями УК РФ. Возникает резонный вопрос: а разве не может идеальная совокупность преступлений быть образована деяниями, предусмотренными в качестве преступлений различными частями одной и той же статьи уголовного закона?

Думается, ответ на такой вопрос должен быть положительным. На это обращает внимание и Л.В. Иногамова-Хегай, приводя пример с приобретением наркотиков одним лицом в одно действие и без цели сбыта (часть наркотиков – для собственного употребления), и с целью сбыта (другая часть наркотиков – для продажи), когда приобретение наркотиков без цели сбыта и с таковой охватывалось одной статьей 228 УК РФ, но различными ее частями (в редакции УК РФ до 2003 года, поскольку сейчас незаконный сбыт наркотиков перенесен в статью 228.1 УК РФ)². Или иной пример – действующая редакция статьи 226 УК РФ: лицо вполне может одним действием вымогать как огнестрельное оружие, так

---

¹ Там же. С. 77.

² Иногамова-Хегай Л.В. Указ. соч. С. 182-183.

и ядерное оружие (части 1, 2 указанной статьи). Это означает, что на практике такие случаи идеальной совокупности встретить вполне возможно.

Вопиющий, по нашему мнению, характер рассматриваемая неточность части 2 статьи 17 УК РФ приобрела с выходом постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвященного разъяснению вопросов квалификации преступлений, связанных с нарушениями правил дорожного движения¹, пункт 9 которого воплотил эту неточность в реальную правоприменительную жизнь, указав, что в случаях, когда в результате дорожно-транспортного происшествия пострадало два и более человек, действия лица, нарушившего правила дорожного движения при управлении транспортным средством, подлежат квалификации по той части статьи 264 УК РФ, которая предусматривает более строгую ответственность за наступившие по неосторожности тяжкие последствия, поскольку в соответствии с частью 2 статьи 17 УК РФ совокупностью преступлений признаются только те действия (бездействие), применительно к которым признаки преступлений предусмотрены двумя или более статьями УК РФ. При этом если из-за нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортного средства по неосторожности был одновременно причинен тяжкий вред здоровью нескольким лицам, виновное лицо несет уголовную ответственность по части 1 статьи 264 УК РФ.

Казалось бы, какой незначительный момент не учел законодатель при формализации идеальной совокупности преступлений в уголовном законе – всего лишь указание на то, что идеальная совокупность преступлений может быть характерна и для деяний, предусмотренных одной статьей, но различными ее частями. Ведь по элементарной логике, если два таких самостоятельных преступления нельзя признать идеальной совокупностью преступлений, стоит обратиться к общему определению совокупности преступлений (из части 1 статьи 17 УК РФ), которое допускает признание этих преступлений совокупностью, но уже, вероятно, реальной совокупностью. Да и не так уж часто в приговорах судов

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. N 25 "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения" // "Российская газета", N 265, 26.12.2008.

возможно встретить указания на то, какой именно вид совокупности преступлений имеется в содеянном лицом, к тому же правила квалификации и назначения наказания независимо от вида совокупности преступлений практически идентичны. Но к каким же последствиям в итоге привела эта ситуация? Верховный Суд РФ, разъясняя вопросы квалификации преступлений в сфере безопасности дорожного движения и следуя буквальной формулировке части 2 статьи 17 УК РФ, предложил правоприменителю не учитывать полный объем содеянного лицом в случаях, когда вред причинен нескольким лицам, не учитывать характер такого вреда в отношении каждого пострадавшего, а всего лишь применять ту часть статьи 264 УК РФ, которая предусматривает более строгую ответственность по фактическим обстоятельствам содеянного, тем самым «искусственно» объединив два преступления в одно. Так, к примеру, если водитель своими действиями причинил смерть одному из потерпевших, а другому нанес тяжкий вред здоровью, по логике рассматриваемого разъяснения деяние следует квалифицировать по части 3 статьи 264 УК РФ, то есть учесть при квалификации лишь причинение смерти и оставив вне квалификации нанесение тяжкого вреда здоровью второго потерпевшего.

Сложившуюся в отношении статьи 264 УК РФ ситуацию, по нашему мнению, не следует считать проявлением известного и широко применяемого принципа квалификации преступлений – принципа поглощения менее тяжелого квалифицирующего признака более тяжелым (в случаях, когда состав одного и того же преступления в УК РФ представлен с применением квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, содержащихся в различных частях одной и той же статьи, - к примеру, статья 158 УК РФ). Хотя на первый взгляд статья 264 УК РФ сконструирована именно по такому принципу, мы полагаем, что деяния, включенные в различные части указанной статьи представляют собой составы различных преступлений, поэтому при совершении одним действием (бездействием) деяний, которые предусмотрены различными частями этой статьи, требуется квалификация в виде идеальной совокупности. Руководствуясь изложенным, нами рекомендуется пересмотр формулировок частей статьи 264 УК

РФ в сторону исключения из частей 2-6 статьи указаний на «деяние, предусмотренное частью первой», что приведет к рассмотрению норм частей 2-6 статьи не как квалифицированных составов одного и того же преступления, а как составов различных преступлений. Посредством такого подхода можно будет избежать неоправданного исключения из квалификации всего объема содеянного лицом (тем более, когда речь идет о причинении тяжкого вреда здоровью, обладающем общественной опасностью, сопоставимой с причинением смерти).

Статистическая картина ответов на поставленный в рамках анкетирования в этом аспекте вопрос говорит сама за себя: лишь 12% респондентов удовлетворены действующей формулировкой части 2 статьи 17 УК РФ, в то время как почти 88% опрошенных специалистов высказались за назревшую к настоящему времени необходимость возвращения к расширительному толкованию идеальной совокупности.

Таким образом, считаем необходимым изменение формулировки части 2 статьи 17 УК РФ в сторону более расширительного толкования идеальной совокупности преступлений, которая по нашему глубокому убеждению может быть характерна и для составов преступлений, предусмотренных различными частями одной статьи УК РФ.

Возможно, даже более правильным в этой связи решением будет не только корректировка описанной выше неточности, но и в целом более четкое выражение в уголовном законе определений имеющихся видов совокупности преступлений (реальной и идеальной), как это, например, было реализовано в ранее нами рассмотренном уголовном законе Республики Молдова (статья 33¹), где прямо названы виды совокупности преступлений и приведены их определения. Однако отметим, что такое наше предложение не является столь же принципиальным, насколько принципиальным является наше мнение о необходимости корректировки текущего понимания идеальной совокупности преступлений.

---

¹ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV (ред. от 20.07.2017 г.). База данных «Законодательство стран СНГ» <http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835> (дата обращения: 11.01.2018).

Наконец, часть 3 статьи 17 УК РФ посвящена регулированию конкуренции уголовно-правовых норм в ее самом общем виде: если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме. Следовательно, в этой норме сформулировано общее правило разграничения совокупности преступлений и конкуренции уголовно-правовых норм. Конечно, когда речь идет о конкуренции уголовно-правовых норм, вполне очевидно, что более сложной задачей будет ее разграничение с идеальной совокупностью преступлений (и там, и там – одно деяние, однако при совокупности – необходима квалификация по нескольким статьям/частям статей УК РФ, а при конкуренции одна из норм более полно отражает содеянное, поэтому достаточно квалификации по одной статье УК либо ее части). Поскольку конкуренция уголовно-правовых норм не входит в круг изучаемых в рамках диссертационного исследования вопросов, более подробно на ней мы останавливаться не будем, однако не исключаем косвенного обращения к вопросам конкуренции в дальнейших частях работы.

Теперь мы переходим к, пожалуй, наиболее важному блоку вопросов настоящего параграфа, а именно к рассмотрению имеющихся в настоящее время коллизионных вопросов совокупности преступлений.

Прежде всего, по нашему мнению, стоит остановиться на вопросах квалификации преступлений, совершенных в отношении двух или более лиц. Наибольшие проблемы в этой сфере связаны с квалификацией убийства двух или более лиц (пункт «а» части 2 статьи 105 УК РФ).

Снова обратимся к постановлению Пленума Верховного Суда РФ по рассматриваемому вопросу (пункт 5 постановления¹), которое указывает: в соответствии с положениями части 1 статьи 17 УК РФ убийство двух или более лиц, совершенное *одновременно или в разное время* (курсив мой – Ю.Т.), не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по пункту «а»

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)" // "Российская газета", N 24, 09.02.1999.

части 2 статьи 105 УК РФ, а при наличии к тому оснований также и по другим пунктам части 2 данной статьи, при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден. Следовательно, Верховный Суд РФ считает, что независимо от времени совершения убийств (одновременно или в разное время, причем это «разное время», как мы понимаем, может растянуться на достаточно внушительные промежутки со значительными расстояниями между деяниями), квалификация содеянного идентична. То есть высшая судебная инстанция в своем разъяснении, по сути, полагает, что даже несколько убийств, совершенных лицом в различное время, следует признать единичным сложным преступлением, а если конкретнее, составным преступлением (состав по такой логике складывается из двух или более самостоятельных преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 105 УК РФ).

Так ли это на самом деле? Попробуем разобраться, вспомнив выявленные нами основные критерии разграничения составных преступлений и совокупности преступлений (стр. 63 диссертационного исследования). Во-первых, это критерий единства умысла: мы полностью солидарны с тем, что если убийства совершаются лицом одновременно либо с небольшими промежутками времени и объединены единым умыслом лица, который возник сразу на убийство двух или более лиц (то есть когда отсутствует «раздробленность» во времени возникновения умысла, как мы указывали ранее), то речь не может идти ни о чем ином, как о составном преступлении, и квалификация должна проходить только по пункту «а» части 2 статьи 105 УК РФ, в чем Пленум Верховного Суда РФ абсолютно прав. В то же время, мы никак не можем согласиться с тем, что убийства, совершенные лицом в самое различное время, например, если одно убийство совершено через год после другого, и два этих убийства совершенно не связаны с точки зрения умысла лица, должны быть квалифицированы как единичное сложное преступление по пункту «а» части 2 статьи 105 УК РФ. В этом случае для деяний не характерно единство умысла, а это означает, что деяния следует квалифицировать по совокупности преступлений, а не как единичное сложное преступление. Конечно, встречаются и исключения из

сформулированной нами позиции: например, лицо заранее имеет умысел на убийство нескольких лиц по мотиву кровной мести, правда, реализует его постепенно (порой деяния разделены во времени годами). В таком случае, позиция Пленума вполне резонна: деяния квалифицируются только по пункту «а» части 2 статьи 105 УК РФ, и в дополнение к этому – по пункту «е¹» указанной нормы (вследствие специфики мотивации виновного). Или, как пример, лицо имеет маниакальный умысел на лишение жизни других людей (так называемые серийные маньяки-убийцы), реализует его в зависимости от времени возникновения возможностей его реализации (то есть деяния могут совершаться с самыми разными промежутками времени между собой – хоть с перерывом меньше суток, хоть с перерывами в месяцы или даже годы). В этом случае, по нашему мнению, также имеет место единый умысел (здесь, кстати говоря, будет характерно именно отсутствие объектной «раздробленности» умысла, о которой мы упоминали при разграничении составных преступлений и множественности преступлений), а преступление, действительно является единичным сложным (составным) преступлением и должно квалифицироваться по пункту «а» части 2 статьи 105 УК РФ, а также при необходимости, исходя из фактических обстоятельств дела, – по иным пунктам части 2 статьи 105 УК РФ.

Во-вторых, в пользу нашей позиции выступает и критерий временного промежутка совершения преступления: если убийства, не объединенные единым умыслом, разбросаны во времени, это прямое свидетельство необходимости квалификации по совокупности преступлений, но никак не по правилам о единичном сложном преступлении.

Корень имеющейся проблемы, как нам думается, снова кроется в неудачной и критикуемой трактовке части 1 статьи 17 УК РФ, на которую и ссылается в своем разъяснении Пленум Верховного Суда РФ.

Что же на этот счет имеется в судебной практике?

Предлагаем изучить несколько примеров.

Так, Московский областной суд приговорил гражданина Толстова И.П. к 17 годам лишения свободы за совершение преступления, предусмотренного пунктом

«а» части 2 статьи 105 УК РФ. Толстов И.П., заподозрив К. и Л. в краже пенсии у его матери, на почве личных неприязненных отношений совершил убийство указанных лиц с промежутком времени между первым и вторым убийством в несколько часов в течение одной ночи путем нанесения им ножевых ранений¹. Этот пример является наиболее общим и распространенным в аспекте единства сформированного у лица умысла на убийство сразу двух лиц, при этом реализация умысла происходит в данном случае не одновременно, а с небольшим промежутком времени (в несколько часов). Следовательно, суд абсолютно обоснованно квалифицировал действия подсудимого как единичное сложное преступление – убийство двух лиц (пункт «а» части 2 статьи 105 УК РФ).

Другой пример – гражданин Щеткин А.Н. был признан виновным в убийстве двух лиц (пункт «а» части 2 статьи 105 УК РФ) и приговорен к 12 годам лишения свободы². Указанное лицо 25 марта 2011 года в результате возникшей ссоры на почве личных неприязненных отношений совершило убийство Т. После этого, Щеткин А.Н. скрылся с места происшествия, а на следующий день (26 марта 2011 года) находился в компании П. и С. и в результате возникшего между ним и С. бытового конфликта совершил убийство С. (в присутствии П.). На первый взгляд, данный пример практически идентичен первому: лицо совершило убийство двух лиц, между деяниями небольшие промежутки времени (менее суток), судом приведена одинаковая квалификация содеянного. Однако есть и отличие, крайне важное и влияющее на квалификацию: умысел Щеткина А.Н. на убийство Т. и на убийство С. возникал автономно друг от друга; имея желание убить Т., он совершенно не планировал на следующий день расправиться с С. Кроме того, для двух этих убийств характерны различные обстоятельства и причины случившегося, различный состав участников (в первом случае Щеткин А.Н. был наедине с потерпевшим, во втором – помимо Щеткина А.Н. и потерпевшего с ними находился П.). Таким образом, суд «искусственно» объединил деяния

---

¹ Приговор Московского областного суда по делу в отношении Толстова И.П. от 22 октября 2012 года <<https://rospravosudie.com/>> (последнее посещение – 12 января 2018 г.)

² Приговор Московского областного суда по делу в отношении Щеткина А.Н. от 19 октября 2012 года <<https://rospravosudie.com/>> (последнее посещение – 12 января 2018 г.).

виновного, не связанные единым умыслом, в единичное сложное преступление, хотя на самом деле, Щеткин А.Н. совершил два самостоятельных преступления, и квалифицировать эти деяния было необходимо по совокупности преступлений.

Помимо убийств, совершенных в отношении двух или более лиц, мы рассмотрим и иные преступления, которые также могут иметь место в отношении двух или более потерпевших.

Похожая с убийствами двух или более лиц ситуация наличествует в отношении некоторых составов преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. В частности, речь может идти о преступлениях, предусмотренных частью 4 статьи 134 УК РФ и частью 3 статьи 135 УК РФ. В соответствии с пунктом 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 года, половое сношение, мужеложство, лесбиянство или развратные действия, совершенные без применения насилия или угрозы его применения и без использования беспомощного состояния потерпевшего лица *одновременно или в разное время в отношении двух или более лиц*, не достигших шестнадцатилетнего возраста, в соответствии с положениями части 1 статьи 17 УК РФ не образуют совокупности преступлений и подлежат квалификации по части 4 статьи 134 или части 3 статьи 135 УК РФ при условии, что ни за одно из этих деяний виновный ранее не был осужден¹ (курсив мой – Ю.Т.).

Отметим, что эта позиция Пленума по этому вопросу выражена практически идентично позиции Пленума в отношении убийств. Однако не всё так просто. Следует обратить внимание на то, что в основных составах данной группы преступлений – статьи 131 и 132 УК РФ (изнасилование и насильственные действия сексуального характера) не предусмотрены такие квалифицирующие признаки, как совершение преступления в отношении двух и более лиц. При этом в более ранних редакциях УК РФ (до 2003 года) подобные признаки имелись и выражались в наличии неоднократности (к примеру, «изнасилование, совершенное неоднократно»).

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. N 16 "О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности" // "Российская газета", N 284, 12.12.2014.

В действующем ныне постановлении Пленума 2014 года (пункт 8 постановления) указано, что в тех случаях, когда несколько изнасилований либо несколько насильственных действий сексуального характера были совершены в течение непродолжительного времени в отношении одного и того же потерпевшего лица и обстоятельства их совершения свидетельствовали о едином умысле виновного на совершение указанных тождественных действий, содеянное следует рассматривать как единое продолжаемое преступление, подлежащее квалификации по соответствующим частям статьи 131 или статьи 132 УК РФ. Таким образом, Верховный Суд РФ в этом аспекте разъясняет лишь вопросы квалификации нескольких изнасилований в отношении одного и того же лица в течение непродолжительного времени¹, объединенных единым умыслом, а вопросы квалификации изнасилований, совершенных в отношении двух или более различных лиц, оставляет неосвещенными. Значит ли это, что мы должны квалифицировать такие деяния по совокупности преступлений? Вероятнее всего, да, но как тогда быть с преступлениями, предусмотренными, например, частью 1 статьи 134 УК РФ или частью 1 статьи 135 УК РФ, если лицо совершило несколько указанных деяний в отношении одного и того же лица? Ведь на этот счет Пленум также никаких пояснений не дает. Действовать по аналогии с разъяснением Пленумом таких случаев в отношении статей 131 или 132 УК РФ? Наверное. Однако еще больше вопросов возникает, если представить, что обстоятельства дела не позволяют однозначно судить, что эти деяния в отношении одного и того же лица совершались с единым умыслом, в особенности, если они совершались с большими промежутками времени между собой.

Исходя из вышеизложенного, приходим к выводу о неоднозначном подходе к вопросам квалификации множественного совершения деяний, предусмотренных,

---

¹ Поскольку временные рамки «непродолжительности» ни уголовным законом, ни Верховным Судом РФ не обозначены, на практике нередко возникают вопросы о правильности оценки этого критерия судами при разрешении вопроса о наличии в содеянном продолжаемого преступления либо совокупности преступлений. При этом в каждом конкретном случае суды оценивают временной критерий совершенно по-разному. См. об этом подробнее: Беляева И.М., Гарбатович Д.А. и др. Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 102-103.

с одной стороны, статьями 131 или 132 УК РФ, с другой стороны – статьями 134 или 135 УК РФ. Такая ситуация, на наш взгляд, прежде всего, связана с различным конструированием указанных норм (в статьях 134, 135 УК РФ применен квалифицирующий признак «в отношении двух или более лиц», в статьях 131, 132 УК РФ же такого признака нет), а также с неполным освещением Пленумом Верховного Суда РФ указанных вопросов. Кроме того, невозможно в этой связи не вспомнить про пресловутую текущую трактовку части 1 статьи 17 УК РФ про «обстоятельства, влекущие более строгое наказание» как исключения из общего правила о совокупности преступлений, которая не устраивает большинство представителей научного сообщества и, в том числе, влияет на сложившийся «разнобой» в регулировании рассматриваемой группы преступлений.

По какому пути идет судебная практика? Вполне логично, что после того, как из уголовного закона была исключена неоднократность и трактовка части 1 статьи 17 УК РФ приобрела действующий вид, но в составы статей 134 и 135 УК РФ еще не были включены квалифицирующие признаки «в отношении двух или более лиц», суды квалифицировали деяния, предусмотренные статьями 131, 132, 134, 135 УК РФ, совершенные в отношении двух или более лиц по совокупности преступлений, презюмируя, что поскольку деяния совершаются в различное время, они не обладают единым умыслом. Так, например, гражданин Балахонцев А.И. приговором Свердловского районного суда города Костромы от 12 марта 2008 года за 3 эпизода насильственных действий сексуального характера в отношении лица, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста (пункт «в» части 3 статьи 132 УК РФ в редакции от 10 мая 2007 года), а также за 3 эпизода развратных действий (статья 135 УК РФ в редакции от 10 мая 2007 года) был осужден по совокупности преступлений к 10 годам лишения свободы¹.

С внесением соответствующих норм в статьи 134, 135 УК РФ (в 2012-2013 гг.) суды еще до выхода разъяснения, выраженного в постановлении Пленума

---

¹ Приговор Свердловского районного суда города Костромы по делу в отношении Балахонцева А.И. от 12 марта 2008 года <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 13 января 2018 г.).

Верховного Суда РФ 2014 года, вполне ожидаемо стали квалифицировать указанные деяния в отношении двух или более лиц в качестве единичного сложного преступления. К примеру, гражданин Давронов Б.Б. был осужден Кунцевским районным судом города Москвы за развратные действия в отношении нескольких лиц, совершенные в разное время к 5 годам лишения свободы¹. Остается только догадываться, исследовались ли судом обстоятельства, на основании которых можно было бы сделать вывод о единстве умысла Давронова Б.Б. на совершение указанных деяний. Впрочем, Верховный Суд РФ в 2014 году, по сути, подтвердил отсутствие необходимости выявления таких обстоятельств для квалификации деяний по рассматриваемому квалифицирующему признаку.

Следует обратить внимание, что практика испытывает трудности и при квалификации посягательств на жизнь сотрудника правоохранительных органов и военнослужащих (статья 317 УК РФ), которые совершены в отношении нескольких потерпевших. Указанная статья не содержит квалифицирующего признака «в отношении двух или более лиц». В судебных актах можно встретить как позицию о необходимости квалификации по статье 317 УК РФ посягательства на жизнь каждого такого лица, так и позицию о необходимости квалификации посягательств на жизнь нескольких представителей власти, совершенных одним лицом, как единого преступления (последняя, по мнению исследователей, устоялась к настоящему времени вследствие восприятия по аналогии разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, данного в отношении убийства двух или более лиц²).

Думается, независимо от наличия либо отсутствия признака «в отношении двух или более лиц» в статье 317 УК РФ указанная позиция Пленума может быть применена к рассматриваемой категории дел только в тех ситуациях, когда умысел виновного был единым и был направлен на посягательство сразу на жизнь

---

¹ Приговор Кунцевского районного суда города Москвы по делу в отношении Давронова Б.Б. от 21 августа 2012 года <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 13 января 2018 г.).

² Филиппов П.А. Преступления против порядка управления: закон, теория, практика: Монография. – М.: Зерцало-М, 2017. С. 284.

нескольких сотрудников правоохранительных органов, а действия виновного были совершены с незначительным разрывом во времени. В противном случае, по нашему мнению, должна применяться исключительно квалификация по совокупности.

Интересным для рассмотрения в аспекте имеющихся квалификационных трудностей является также совершение лицом преступления, предусмотренного статьей 322¹ УК РФ, - организация незаконной миграции, когда это деяние совершено в отношении двух или более лиц. Это связано с тем, что на практике снова встречаются как случаи квалификации такого деяния как единичного продолжаемого преступления, так и случаи признания содеянного несколькими преступлениями, предусмотренными статьей 322¹ УК РФ, по совокупности. Полагаем, в этом аспекте стоит согласиться с мнением П.А. Филиппова о том, что, несмотря на тождественность актов поведения, отсутствие общей цели, единого умысла и субъективной связи между актами поведения не позволяют признать организацию незаконной миграции в отношении двух или более лиц единичным продолжаемым преступлением¹. Исследователь на этот счет использует самобытный термин «преступная деятельность», умысел на которую имеется в рассматриваемом примере, вследствие чего каждый из эпизодов содеянного должен квалифицироваться самостоятельно, а в целом содеянное – по совокупности преступлений, причем независимо от периода времени совершения соответствующих действий. Вместе с тем, последний аргумент в полной мере мы поддержать не можем: некоторое отступление от временного критерия разграничения единичных сложных преступлений и совокупности преступлений в этом случае может быть обусловлено выходом на первый план доктринального понимания продолжаемых преступлений, которые не будут иметь место при отсутствии перечисленных выше критериев. Однако поскольку категорию «умысел на преступную деятельность» всё-таки следует воспринимать как авторскую разработку конкретного ученого, во всех случаях совершения подобных деяний, когда в содеянном будет возможно проследить единство

---

¹ Филиппов П.А. Указ. соч. С. 354-357.

умысла (например, когда лицо, утром одного дня совершая действия по организации незаконной миграции в отношении одного мигранта, знает о том, что вечером и завтра он планирует организовать эти действия в отношении еще 6 мигрантов, уже изъявивших желание воспользоваться его «услугами»), не списывая со счетов, в том числе, и временной критерий, содеянное будет необходимо квалифицировать как единичное продолжаемое преступление.

Аналогичным образом, думается, следует проводить квалификацию и в случаях размещения лицом нескольких постов (публикаций) в социальной сети с публичными призывами к экстремистской деятельности (часть 2 статьи 280 УК РФ): несмотря на то, что специфика этого преступления не позволяет совершать его в отношении двух или более лиц, принцип квалификации сохранится и по отношению к нескольким постам в социальной сети. Так, если у лица, к примеру, было три основополагающие идеи, которые он выразил в трех соответствующих постах, размещенных, возможно, даже в разные дни, это свидетельствует о едином умысле и объективной связи действий по размещению постов, следовательно, - о единичном продолжаемом преступлении. В то же время, если лицо в принципе взяло курс на одобрение экстремистской деятельности и публично призывает к ней, не имея при этом представления, как часто он будет это делать, и сколько публикаций для этого потребуются, мы не сможем проследить единый умысел и объективную связь в цепи действий, составляющих деяние, вследствие чего придется признать наличие того самого «умысла на преступную деятельность» и квалифицировать каждый эпизод отдельно, а в сумме - по совокупности.

А теперь снова вернемся к вопросам квалификации преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения, совершаемых в отношении двух или более лиц. О неточностях, которые, на наш взгляд, присутствуют в регулировании данных преступлений, мы уже писали. Рассмотрим имеющуюся судебную практику.

Гражданин Попов А.С. осужден Ивановским районным судом Амурской области на срок 3 года лишения свободы за совершение преступления,

предусмотренного частью 5 статьи 264 УК РФ¹. При этом по фактическим обстоятельствам дела Попов А.С. в результате своих действий не только причинил по неосторожности смерть двум или более (а именно, трем) лицам, но и причинил по неосторожности тяжкий вред здоровью еще одному потерпевшему. То есть приговор, вынесенный в соответствии с позицией вышеупомянутого постановления Пленума Верховного Суда РФ, по сути, не отразил в квалификации содеянного виновным причинение тяжкого вреда здоровью одному из потерпевших, которое было причинено помимо смертей других потерпевших.

Аналогичным образом гражданин Воргуданов Е.А. осужден Курчатовским районным судом города Челябинска на срок 5 лет 11 месяцев лишения свободы за совершение преступления, предусмотренного частью 6 статьи 264 УК РФ². В результате содеянного Воргудановым Е.А., находившимся за рулем автомобиля в состоянии алкогольного опьянения, погибли 4 человека, а также был причинен тяжкий вред здоровью еще 2 потерпевшим. Таким образом, квалификация по указанной норме не позволила учесть причинение вреда здоровью двум потерпевшим.

Еще один пример – Судакским городским судом Республики Крым гражданин Мусаев Э.А. осужден к 2 годам 10 месяцам лишения свободы за совершение преступления, предусмотренного частью 5 статьи 264 УК РФ³. Последствиями деяний Мусаева Э.А. стала гибель 7 человек, а также тяжкий вред здоровью еще 6 потерпевших. Как видим, опять же тяжкий вред здоровью целой группы потерпевших, по сути, остался «вне квалификации».

Подобные примеры из судебной практики встречаются повсеместно⁴. И это неудивительно: разъяснения Верховного Суда РФ по рассматриваемым случаям

---

¹ Приговор Ивановского районного суда Амурской области от 26 мая 2017 года по делу № 1-80/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 14 января 2018 г.).

² Приговор Курчатовского районного суда города Челябинска от 1 мая 2017 года по делу № 1-207/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 14 января 2018 г.).

³ Приговор Судацкого городского суда Республики Крым от 20 апреля 2017 года по делу № 1-31/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 14 января 2018 г.).

⁴ См., например, Приговор Гурьевского городского суда Кемеровской области от 5 апреля 2017 года по делу № 1-292/2016 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 14 января 2018 г.); Приговор Усольского городского суда Иркутской области от 5 апреля 2017 года по делу № 1-20/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 14 января 2018 г.); Приговор Октябрьского районного суда города Екатеринбурга от 23 марта 2017 года по делу № 1-95/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 14 января 2018 г.); Приговор Первоуральского городского суда

квалификации преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения, были в полной мере восприняты судами, несмотря на то, что, по нашему мнению, данные разъяснения не совсем справедливы, на что мы указывали ранее.

Вторым коллизийным направлением в сфере совокупности преступлений следует считать вопросы квалификации преступлений, сопряженных с другими преступлениями (или так называемую конструкцию сопряженности).

При квалификации преступлений, совершенных в отношении двух или более лиц, суды в принципе формируют практику в соответствии с действующими нормами уголовного закона и разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, хотя, как мы отмечали ранее, судить о том, что указанные нормы и разъяснения абсолютно точны с точки зрения общей теории совокупности преступлений, не приходится. Однако в случаях квалификации преступлений, сопряженных с другими преступлениями, несмотря на действующие нормы УК РФ, суды зачастую квалифицируют преступления по-другому, нежели чем это указывает делать уголовный закон.

Зачатки ныне существующей в уголовном законе конструкции сопряженности преступлений появились довольно давно: первые упоминания о подобного рода преступлениях возможно встретить уже в древнейших памятниках уголовного права, в частности, в своде законов «Русская правда». Так, в статьях 3, 4 свода имеются положения о повышенной ответственности лица, совершившего убийство «в разбое» или «в пиру»¹. Как отмечают исследователи, нормы, предусматривающие повышенную ответственность за совершение убийства, сопряженного с иными преступлениями, были характерны для уголовного законодательства на протяжении почти всей истории российского государства². Исключение составил лишь советский период развития уголовного

Свердловской области от 13 ноября 2015 года по делу № 1-207/2015 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 14 января 2018 г.); Приговор Ирбитского районного суда Свердловской области от 3 февраля 2014 года по делу № 1-292/2013 1-8/2014 1-8/2014(1-292/2013) <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 14 января 2018 г.).

¹ Российское законодательство X - XX веков. В 9 томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В. Л. Янин, М., 1984. С. 64 – 73.

² Краев Д.Ю. Убийство, сопряженное с иными преступлениями (законодательная регламентация и квалификация): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 14-17.

законодательства, который характеризовался правовой неопределенностью по вопросу регламентации признака сопряженности применительно к убийствам¹. Логичным продолжением «исторической традиции» казалось включение конструкции сопряженности преступлений в УК РФ, что и было реализовано в самой первой редакции УК РФ в 1996 году.

Однако достаточно ли обоснованным было такое включение? Законодателем, прежде всего, в этой связи была учтена именно историческая обусловленность включения конструкции сопряженности в уголовный закон. Помимо данного фактора, в научных работах в обоснование применения рассматриваемой конструкции нередко приводится опыт зарубежного законодателя по применению сопряженности в уголовном законодательстве иностранных государств. По нашему мнению, едва ли два указанных фактора могут служить убедительным обоснованием включения конструкции в УК РФ. К тому же, положения закона зачастую не соответствуют научной доктрине. Так, Н.Ф. Кузнецова обращает внимание на то, что законодатель, включая в УК РФ конструкцию сопряженности в отношении убийств, сопряженных с иными преступлениями, нарушил сразу два квалификационных правила: во-первых, не учел признак однообъектности составного преступления (ведь составные конструкции преступлений всегда имеют один объект – например, единый объект составных конструкций теракта или бандитизма), а во-вторых, не учел то, что включенные в составную конструкцию преступления не должны быть по категории более тяжкими или равными, нежели само составное преступление².

Вследствие вышеизложенного на практике нередко встречаются коллизии, характерные для преступлений, в формировании составов которых использована конструкция сопряженности. Рассмотрим наиболее яркие из них.

Прежде всего, это некоторые квалифицированные составы убийств, предусмотренные частью 2 статьи 105 УК РФ. В указанной части статьи имеется 3 состава преступлений, в которых применена конструкция сопряженности: 1)

---

¹ Салева Н.Н. Убийство, сопряженное с иными преступлениями: проблемы квалификации и уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2006. – С. 9-10.

² Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 282.

убийство, сопряженное с похищением человека (пункт «в» части 2 статьи 105 УК РФ); убийство, сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом (пункт «з» части 2 статьи 105 УК РФ); убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера (пункт «к» части 2 статьи 105 УК РФ).

Согласно положениям упомянутого нами ранее постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве» (пункт 7 постановления¹), при квалификации действий виновного по пункту «в» части 2 статьи 105 УК РФ по признаку «убийство, сопряженное с похищением человека *либо* захватом заложника» следует иметь в виду, что по смыслу закона ответственность по данному пункту наступает не только за умышленное причинение смерти самому похищенному или заложнику, но и за убийство других лиц, совершенное виновным в связи с похищением человека *либо* захватом заложника. Содеянное должно квалифицироваться по совокупности с преступлениями, предусмотренными статьей 126 *или* *статьей* 206 УК РФ (курсив мой - Ю.Т.). Попутно обратим внимание на то, что в состав преступления, предусмотренного статьей 206 УК РФ («Захват заложника»), уже включен квалифицирующий признак «деяния, повлекшие умышленное причинение смерти другому человеку» - часть 4 статьи 206 УК РФ (мы говорили об этих изменениях, датированных 2008 годом, на стр. 61-62 диссертационного исследования), вследствие чего формулировка пункта «в» части 2 статьи 105 УК РФ была изменена, однако в действующую редакцию рассматриваемого постановления так и не были внесены соответствующие изменения, хотя его редакция датируется 2015 годом.

Кроме того, в силу пункта 11 указанного постановления, как сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом следует квалифицировать убийство в процессе совершения указанных преступлений. Содеянное в таких случаях квалифицируется по пункту «з» части 2 статьи 105 УК РФ в совокупности со

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)" // "Российская газета", N 24, 09.02.1999.

статьями УК, предусматривающими ответственность за разбой, вымогательство или бандитизм.

Также в соответствии с положениями пункта 13 этого постановления, под убийством, сопряженным с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, следует понимать убийство в процессе совершения указанных преступлений или с целью их сокрытия, а также совершенное, например, по мотивам мести за оказанное сопротивление при совершении этих преступлений. Учитывая, что при этом совершаются два самостоятельных преступления, содеянное следует квалифицировать по пункту «к» части 2 статьи 105 УК РФ и, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, по соответствующим частям статьи 131 или статьи 132 УК РФ.

Исходя из процитированных положений рассматриваемого постановления, возможно сделать вывод о следующем: Верховный Суд РФ рекомендует судам квалифицировать убийства, сопряженные с другими преступлениями, по совокупности с этими «другими преступлениями», при этом почему-то забывая о том, что действующая редакция части 1 статьи 17 УК РФ называет случаи, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, исключениями, при которых нельзя применять квалификацию по совокупности преступлений. Следовательно, высшая судебная инстанция, по сути, рекомендует нарушать действующие нормы уголовного закона.

Налицо непримиримая коллизия, в которой суды как основные правоприменители, как правило, вполне ожидаемо становятся сторонниками позиции Верховного Суда РФ.

Так, например, приговором Московского областного суда граждане Ермолаев А.В. и Исаков С.К. были признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных пунктами «в», «ж» части 2 статьи 105 УК РФ и пунктом «а» части 2 статьи 126 УК РФ¹. Указанные граждане группой лиц по

---

¹ Приговор Московского областного суда от 12 ноября 2013 года по делу № 2-120/2012 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 22 января 2018 г.).

предварительному сговору совершили убийство, сопряженное с похищением человека, при этом наказание было назначено по совокупности преступлений.

Иной пример – гражданин Клюжев А.В. приговором Октябрьского районного суда города Уфы был признан виновным в покушении на совершение убийства, сопряженного с разбоем¹. Кроме того, его действия были квалифицированы по части 2 статьи 162 УК РФ за совершение разбоя, совершенного с применением предметов, используемых в качестве оружия. Таким образом, помимо состава, содержащего конструкцию сопряженности, виновному был по совокупности вменен и основной состав разбоя.

Еще одна иллюстрация – приговор Самарского областного суда, согласно которому несовершеннолетний М.М.В. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных пунктом «б» части 4 статьи 131 УК РФ (изнасилование потерпевшей, не достигшей 14-летнего возраста) и пунктами «в», «к» части 2 статьи 105 УК РФ (убийство, сопряженное с изнасилованием, совершенное в отношении малолетней)². То есть суд, как и в предыдущих примерах, квалифицировал действия М.М.В. в соответствии с вышеупомянутой позицией Верховного Суда.

В то же время, не все ученые сходятся во мнении о непримиримости коллизии в вопросе о сопряженности убийств с иными преступлениями. Так, профессор П.С. Яни приводит такую аргументацию (кстати, основанную, по большому счету, так же, как и у Н.Ф. Кузнецовой, на количестве объектов в составном преступлении, при этом повернув этот довод диаметрально противоположно) в обоснование довода о «миролюбивом» и не нарушающем положения статьи 17 УК РФ сосуществовании в деяниях виновного как сопряженности, так и совокупности преступлений: по его мнению, сопряженность убийства с иным преступлением не является тем случаем-исключением, в отношении которого статья 17 УК РФ предусматривает невозможность квалификации по совокупности

---

¹ Приговор Октябрьского районного суда города Уфы от 12 апреля 2016 года по делу № 1-66/2016 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 22 января 2018 г.).

² Приговор Самарского областного суда от 31 мая 2011 года по делу № 02-31/2011 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 22 января 2018 г.).

преступлений, так как «сопряженное» убийство не является составным преступлением, посягающим и на жизнь, и на объекты, охраняемые статьями 126, 131 УК РФ и другими соответствующими статьями (то есть статьями, предусматривающими ответственность за совершение преступлений, сопряженность с которыми возможна в соответствии с частью 2 статьи 105 УК РФ)¹. И поскольку указанные объекты не могут рассматриваться в качестве дополнительных в квалифицированных составах убийства, а также в связи с тем, что жизнь человека (в отличие, к примеру, от здоровья) статьями 126, 131 УК РФ и другими соответствующими статьями не охраняется, это означает ни что иное, как то, что совершение похищения человека, изнасилования и других преступлений, сопряженность убийства с которыми предусмотрена частью 2 статьи 105 УК РФ, не является обстоятельством, влекущим более строгое наказание (по смыслу части 1 статьи 17 УК РФ). Однако таким обстоятельством, как считает П.С. Яни, следует признать не совершение этих преступлений, а именно сопряженность с ними убийства (то есть на первый план здесь выходит связь умышленного причинения смерти с указанными преступлениями)². Таким образом, исследователем формулируется вывод о том, что сопряженные с убийством преступления не являются тем исключением, которое предусмотрено частью 1 статьи 17 УК РФ, что влечет возможность применения в отношении них квалификации по совокупности преступлений.

Полагаем, приведенная аргументация является состоятельной и последовательной в канве сформированной профессором П.С. Яни позиции, вместе с тем, на наш взгляд, разработанная теория в целом существующую коллизию в вопросе о сопряженности убийств с иными преступлениями не решает, поскольку, как известно, отрицание наличия проблемы еще не означает, что этой проблемы не существует.

Согласно полученным диссертантом результатам проведенного опроса, юридическая общественность полагает, что решение задачи правильной

---

¹ Яни П.С. Сопряженность не исключает совокупности // "Законность", N 2, 2005. С. 25-27.

² Там же.

квалификации деяний лиц может упростить отказ от использования в некоторых составах преступлений (например, в части 2 статьи 105 УК РФ), предусмотренных УК РФ, конструкции сопряженности: за такую позицию высказалось около 94% опрошенных, при этом обратную точку зрения поддержали лишь 6% респондентов, которые посчитали более предпочтительным на пути к формированию единообразной судебной практики продолжение разъяснительной работы для правоприменителей посредством издания постановлений Пленума Верховного Суда РФ, содержащих позиции, которые будут соответствовать существующим положениям части 1 статьи 17 УК РФ.

Конструкция сопряженности одного преступления с другим применена в уголовном законе не только в отношении убийств, ее наличие можно проследить и в иных составах преступлений, предусмотренных УК РФ. Среди таковых, например, коммерческий подкуп, который сопряжен с вымогательством предмета подкупа (пункт «б» части 7 статьи 204 УК РФ); угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна или состава в целях угона, сопряженные с совершением террористического акта либо иным осуществлением террористической деятельности (часть 4 статьи 211 УК РФ) и др. Вместе с тем, следует признать, что подобных существующим в отношении квалифицированных видов убийств коллизий применительно к этим составам не наблюдается: несмотря на отсутствие детальных разъяснений Верховного Суда по вопросу необходимости либо отсутствия необходимости квалификации таких составов дополнительно по совокупности с составами, в отношении которых сконструирована сопряженность в вышеназванных примерах (в наших примерах – с преступлениями, предусмотренными статьями 163 или 205 УК РФ соответственно), в постановлениях Пленума по соответствующим категориям преступлений¹, суды

---

¹ В частности, эти вопросы не рассмотрены в соответствующих Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. N 24 "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях" // "Российская газета", N 154, 17.07.2013; и от 9 февраля 2012 г. N 1 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности" // "Российская газета", N 35, 17.02.2012.

квалифицируют подобные деяния согласно действующей редакции части 1 статьи 17 УК РФ без применения норм о совокупности преступлений¹.

Еще один вопрос, который, думается, следует поднять в рамках этой части исследования, - вопрос о том, насколько в принципе обосновано существование в уголовном законе конструкции составов с повышенной ответственностью за совершение нескольких преступлений. Сразу заметим, что мы не ведем в данном случае речь о конструкциях преступлений, которые по своей природе имеют составной характер, в связи с чем такое преступление признается единым, и этот факт научным сообществом не оспаривается – например, о конструкции состава бандитизма, массовых беспорядков, теракта и т.д. Рассматриваемый вопрос целиком и полностью посвящен лишь тем составам преступлений, которые законодатель вывел «искусственным путем», объединив несколько преступлений в одно, полагая, что в таком сочетании оно представляет повышенную общественную опасность и влечет повышенную ответственность (в частности, все составы преступлений, где применена конструкция сопряженности; конструкция «умышленное деяние, повлекшее умышленные последствия» - статьи 205, 206, 281 УК РФ; составы с двумя формами вины; составы, где предусмотрена повышенная ответственность за совершение деяний в отношении двух или более лиц).

Как мы упоминали ранее, появление в УК РФ составов с повышенной ответственностью за совершение нескольких преступлений, как правило, связано со стремлением законодателя выявить наиболее типичные сочетания нескольких деяний в поведении лица, при этом в таком сочетании делающих суммарное явление более общественно опасным, что в конечном итоге ведет к криминализации этого явления посредством появления в нормах уголовного закона нового состава преступления. Так ли высока степень необходимости формирования подобных составов преступлений? Вопрос, на наш взгляд,

---

¹ См., к примеру, Приговор Калужского районного суда Калужской области от 2 июня 2017 года по делу № 1-225/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 22 января 2018 г.); Приговор Абинского районного суда Краснодарского края от 25 мая 2017 года по делу № 1-115/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 22 января 2018 г.); Приговор Железнодорожного районного суда города Улан-Удэ от 22 мая 2017 года по делу № 1-428/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 22 января 2018 г.).

неоднозначный. Ведь уголовный закон располагает достаточными уголовно-правовыми средствами, позволяющими повышать ответственность лица, в поведении которого «встретились» сразу несколько преступлений – прежде всего, это нормы о совокупности преступлений. Да, возможно, эти средства не обладают соотносимой степенью репрессивности, ведь зачастую ответственность за единое такое преступление гораздо выше, нежели чем за совершение деяний по отдельности. Но так ли чрезвычайно важна эта степень репрессивности? Как нам кажется, в ней нет столь обоснованной необходимости. Исключением из этого правила, которое олицетворяет необходимость такой репрессивности, полагаем, являются те составы, где предусмотрена повышенная ответственность за совершение деяний в отношении двух или более лиц: когда действиями виновного причиняется вред не одному, а сразу нескольким потерпевшим, это, несомненно, требует наиболее репрессивной реакции со стороны закона.

Пожалуй, оговорку в этой связи стоит также сделать в отношении преступлений с двумя формами вины: несмотря на то, что ранее мы описывали их сущность как сходную с составными преступлениями, следует уточнить, что всё же это сходство является условным, так как данный вид преступлений имеет особую неповторимую природу, которую невозможно «увязать» в рамки какого-либо из имеющихся видов единичных сложных преступлений (яркий пример тому – дело Расула Мирзаева, действия которого приговором суда были квалифицированы по статье 109 УК РФ, несмотря на то, что изначально они квалифицировались по части 4 статьи 111 УК РФ¹). Причиной тому стало то, что в ходе судебного заседания было доказано, что Р. Мирзаев собственно своим ударом умышленно не причинял потерпевшему тяжкий вред здоровью, то есть такое воздействие не соответствовало составу преступления, предусмотренного частью 1 статьи 111 УК РФ, имея свою специфическую природу, выразившуюся в квалификации деяния по статье 109 УК РФ. Следовательно, механизм воздействия в статье 109 УК РФ не соответствует такому механизму в статье 111

---

¹ Приговор Замоскворецкого районного суда г. Москвы в отношении Мирзаева Р.Р. от 27 ноября 2012 года <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 01 мая 2018 г.).

УК РФ, а это означает, что часть 4 статьи 111 УК РФ признавать в чистом виде учтенной совокупностью части 1 статьи 111 УК РФ и статьи 109 УК РФ не совсем правильно. Таким образом, наличие в уголовном законе составов преступлений с двумя формами вины как составов, предусматривающих повышенную ответственность за совершение нескольких преступлений, представляется оправданным вследствие неповторимой сущности данной разновидности преступлений.

Второй аспект, на который, полагаем, опирается законодатель при расширении присутствия в уголовном законе конструкции составов, предусматривающих повышенную ответственность за совершение нескольких преступлений, - минимизация процессуальных издержек (вполне очевидно, что расследование, подготовка к судопроизводству и рассмотрение в суде уголовного дела о совершении одного преступления требует меньшей документационной и иной фактической работы от органов следствия и суда как от правоприменителей). Пожалуй, данный аспект также не может служить весомым обоснованием существования конструкции в УК РФ.

В чем может быть выражена эффективность исключения из уголовного закона конструкций сопряженности и конструкции «умышленное деяние, повлекшее умышленные последствия»? Несмотря на то, что на первый взгляд такая постановка вопроса может повлечь некоторую (хоть и не совсем значительную, как нам думается) степень усложнения квалификации в отношении указанных деяний (будет требоваться квалификация по совокупности преступлений), большую ценность в этой связи будут представлять именно факт ухода от имеющихся противоречий и приведения материальных (по нашему мнению, первичных по отношению к процессуальным) норм о совокупности преступлений к единообразию, а также факт устранения сложностей и коллизий при квалификации содеянного правоприменителем, чего до настоящего времени положения закона не демонстрировали и сделать не позволяли.

Таким образом, считаем, что наличие конструкции составов, предусматривающих повышенную ответственность за совершение нескольких

преступлений (за исключением преступлений с двумя формами вины, а также преступлений, составы которых предусматривают повышенную ответственность за совершение в отношении двух или более лиц), в российском уголовном законе в целом не является оправданным, несмотря на то, что в большинстве исследований предпочтительной остается противоположная точка зрения на этот счет¹, которая является более устоявшейся в общественном сознании.

Итак, мы рассмотрели основные группы преступлений, при квалификации которых на сегодняшний день встречаются коллизии, связанные с применением норм о совокупности преступлений. По итогам проведенного анализа данного аспекта диссертационного исследования предлагаем следующие выводы:

- 1) По нашему мнению, конструкция сопряженности в существующей практике не соответствует нормам Общей части УК РФ, затрудняет формирование единообразия судебной практики, создает разногласия в научном сообществе, в связи с чем требуется полное исключение из УК РФ всех составов преступлений, сконструированных через применение сопряженности². При совершении лицом нескольких преступлений, ранее «встречавшихся» в едином составе, сконструированном через сопряженность, будет необходима квалификация деяний по совокупности преступлений. Данное законодательное решение позволит сформировать и навсегда укрепить единый и логически справедливый алгоритм квалификации рассматриваемых случаев совершения лицом нескольких преступлений.

---

¹ См., например, Рогова Н.Н. Уголовная ответственность за квалифицированные виды убийства // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. №7. С. 70-76. Семенова Д.М. Проблемы дифференциации уголовной ответственности за множественность преступлений // Евразийская адвокатура. 2017. № 2. С. 31-35.

² Идея полного отказа от конструкции сопряженности в уголовном законе ранее высказывалась Б.В. Волженкиным: Волженкин Б.В. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ // Законность. 1998. N 12, А.И. Коробеевым: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации // Закон. 2015. N 8. С. 46 - 59, а также А.К. Дюсенбаевой: Дюсенбаева А.К. Множественность преступлений в уголовном законодательстве Республики Казахстан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011, с. 11. В отношении квалифицированных составов убийств такая позиция ранее обосновывалась Н.Ф. Кузнецовой: Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 283, а также Н.Н. Куличенко: Куличенко Н.Н. Указ. соч. С. 7.

- 2) По причинам, аналогичным первому выводу, а также в связи с тем, что нормы материального права, полагаем, не стоит позиционировать вторичными по отношению к процессуальным вопросам, считаем необходимым в полном объеме исключить из УК РФ составы преступлений, где использована конструкция «умышленные деяния, повлекшие умышленные последствия» (статьи 205, 206, 281 УК РФ). При совершении лицом преступлений, ранее «встречавшихся» в едином составе, где применялась конструкция «умышленное деяние, повлекшее умышленное последствие», будет необходима квалификация деяний по совокупности преступлений. Это решение будет способствовать формированию единой логичной позиции по поставленному вопросу.
- 3) В связи с тем, что действующая формулировка части 1 статьи 17 УК РФ в части внесенных в нее исключений является не совсем удачной и влечет наличие неточностей при квалификации деяний, совершенных в отношении двух или более лиц, а также для укрепления понимания необходимости квалификации деяний, ранее входивших в единый состав с использованием конструкции сопряженности и конструкции «умышленное деяние, повлекшее умышленное последствие», по совокупности преступлений (с учетом идеи полного отказа от указанных конструкций – выводы № 1, 2) считаем целесообразным вернуть ранее имевшуюся формулировку данной нормы в несколько видоизмененной редакции:
- Совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицу не был провозглашен обвинительный приговор суда. При совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи настоящего Кодекса.*
- 4) Поскольку действующая трактовка части 2 статьи 17 УК РФ об определении идеальной совокупности преступлений является несовершенной с точки зрения вопросов квалификации отдельных категорий преступлений, ее следует скорректировать следующим образом:

Совокупностью преступлений признается и одно действие (бездействие), содержащее признаки составов различных преступлений, предусмотренных двумя или более статьями либо различными частями одной и той же статьи настоящего Кодекса.

- 5) С учетом сформулированных ранее выводов квалификация по совокупности преступлений в отношении преступлений с двумя формами вины исключается, так как такое преступление является специфической разновидностью единичного сложного преступления и не подпадает под сформулированные в выводах № 3, 4 понятия совокупности преступлений.
- 6) Для правильной квалификации умышленных преступлений, совершенных в отношении двух или более лиц, составы которых предусматривают это в качестве квалифицирующего признака, необходимо обязательное выяснение направленности умысла виновного в каждом конкретном случае: если умысел един и направлен на совершение преступления сразу в отношении двух или более лиц, следовательно, квалификация по совокупности преступлений не требуется; в противном случае, когда умысел раздроблен, а деяния, как правило, разъединены во времени, требуется квалификация по совокупности преступлений. Такая единая и четкая позиция в отношении данной группы преступлений должна быть выражена в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ по соответствующим категориям преступлений. Таким путем будет преодолена правовая неопределенность в вопросах квалификации подобных деяний по совокупности преступлений либо без применения совокупности преступлений.

§ 3 Уголовно-правовая характеристика рецидива преступлений

Рецидив преступлений, как и совокупность преступлений, - форма множественности преступлений, которая имеет достаточно широкое распространение. Опубликованные данные МВД России позволяют сделать вывод о том, что в период с января по ноябрь 2017 года по показателям среди всех совершенных преступлений 50,8% лиц, которые являются ранее судимыми за совершение преступлений¹. Кроме того, 4% от всех лиц, совершивших преступления в указанный период, совершили преступления, признанные опасным или особо опасным рецидивом. Динамика этих показателей выглядит следующим образом: в 2015 году доля лиц, которые являются ранее судимыми за совершение преступлений, составила 54,3%, при этом 4,2% лиц совершили преступления, признанные опасным либо особо опасным рецидивом; в 2016 году аналогичные показатели составили 49,8% и 4,1% лиц соответственно. Исходя из изложенных показателей, можно проследить некоторую волнообразность в динамике числа рецидивистов в общем числе лиц, совершивших преступления: в 2016 году эти показатели снизились по сравнению с 2015 годом, однако в 2017 году они снова выросли.

Статистические данные, предоставляемые Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, также не оставляют без внимания объем рецидивной преступности. Так, по показателям за первое полугодие 2017 года, число лиц, совершивших преступления и имевших неснятые и непогашенные судимости на момент судебного рассмотрения, составило 108528 человек² (то есть около 33% от общего числа осужденных за указанный период), причем признаны совершившими преступление при рецидиве 46535 человек (примерно 14% от общего числа), при опасном рецидиве – 8142 человека (2,4% от общего числа), при особо опасном рецидиве – 3277 человек (около 1% от общего числа). В качестве сравнения проанализируем показатели предыдущих лет: в 2015 году

---

¹ Официальный сайт МВД России <<https://xn--b1aew.xn--plai/folder/101762>> (последнее посещение – 23 января 2018 г.).

² Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации <<http://www.cdep.ru/index.php?id=79>> (последнее посещение - 23 января 2018 г.).

число лиц, совершивших преступления и имевших неснятые и непогашенные судимости, равнялось 239794 человекам (примерно 33% от общего числа), при этом были признаны совершившими преступление при рецидиве 101226 человек (около 14% от общего числа), при опасном рецидиве 18862 человека (порядка 2,6% от общего числа), при особо опасном рецидиве 7118 человек (примерно 1% от общего числа); эти же показатели за 2016 год выявили 228434 человека, совершивших преступления и имевших неснятые и непогашенные судимости (около 31% от общего числа осужденных), причем совершившими преступление при рецидиве были признаны 99968 человек (порядка 13,5% от общего числа), при опасном рецидиве – 18109 человек (примерно 2,4% от общего числа), при особо опасном рецидиве – 6989 человек (около 0,9% от общего числа).

Таким образом, взяв во внимание отрезок времени с 2015 по 2017 годы, отметим в целом стабильный уровень рецидивной преступности, который практически не претерпевает колебаний и остается достаточно высоким по показателям.

Итак, в силу положений части 1 статьи 18 УК РФ, рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Общая структура норм статьи 18 УК РФ дает основания полагать, что в части 1 закреплено понятие и рецидива в целом как формы множественности преступлений, и простого рецидива в частности как одного из видов рецидива. Части 2, 3 рассматриваемой статьи лишь конкретизируют некоторые дополнительные признаки рецидива преступлений, при наличии которых простой рецидив преступлений переходит в разряд опасного либо особо опасного рецидива.

В законодательном регулировании рецидива преступлений также имеется ряд проблемных вопросов, требующих нашего рассмотрения и влияющих на возникновение ошибок в практической деятельности правоприменителей.

Начнем рассмотрение с закрепленного в законе понятия рецидива преступлений из части 1 статьи 18 УК РФ, которое уже было нами процитировано. В доктрине нет единого мнения в вопросе о том, какое же всё-

таки понятие вложил законодатель в анализируемую норму: одни специалисты полагают, что часть 1 статьи 18 УК РФ содержит исключительно понятие простого (обычного) рецидива как одного из видов этой формы множественности преступлений, при этом понятие рецидива преступлений в целом, по их мнению, закон не содержит, в связи с чем выдвигают различные предложения по обозначению (упоминанию) простого рецидива в уголовном законе¹; другие исследователи, как и мы, считают, что в указанной норме законодатель решил «убить сразу двух зайцев», а именно, обозначить и понятие рецидива в целом, и понятие простого рецидива как одной из его разновидностей, поэтому не видят существования каких-либо проблем в данном аспекте²; третьи ученые предлагают признать часть 1 статьи 18 УК РФ лишь воплощением общего (родового) понятия рецидива, вследствие чего делают вывод об отсутствии в уголовном законе признаков простого рецидива, а также формулируют такие признаки самостоятельно³; четвертые же – пытаются трактовать уголовный закон таким образом, что выделяют рецидив в широком смысле (общее (родовое) понятие рецидива) и в узком смысле (понятие простого рецидива) и также выдвигают предложения по корректировке формулировок УК РФ⁴.

Не вдаваясь в детали вышеописанной полемики, считаем целесообразным заметить, что изучаемый, спорный, по мнению ряда ученых, аспект, думается, не влечет за собой наличия каких-либо проблем в практической плоскости. Спорить тут вроде бы и не о чем: никто в целом не отрицает, что формулировка части 1 статьи 18 УК РФ соответствует общему пониманию рецидива преступлений в доктрине уголовного права. Кроме того, нельзя отрицать и того факта, что указанная формулировка не противоречит пониманию исследователями простого рецидива преступлений, который, естественно, является понятием более узким,

---

¹ См., например, Аслаян М.М. Рецидив преступлений как легальная форма профессиональной преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 6-7. Козлов А.П., Севастьянов А.П. Единичные и множественные преступления. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2011. С. 215.

² Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов. Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой (авт. главы Леонтьев Б.М. и Тяжкова И.М.). М., 2002. С. 535.

³ Агаев И.Б. Рецидив в системе множественности преступлений. М., 2002. С. 47-55.

⁴ Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву. – Кемерово, Кузбассвуиздат, 2007. С. 136-137.

нежели родовое понятие рецидива (ведь понятие простого рецидива не может включать в себя признаки опасного или особо опасного рецидивов), однако это вовсе не означает, что понятие из части 1 статьи 18 УК РФ некорректно по отношению к простому рецидиву. Возможно, для более четкого понимания норм уголовного закона и минимизации полемики в этом аспекте законодателю стоило бы воспринять предложения по «разъединению» родового понятия рецидива и понятия простого рецидива, которые изложены в некоторых исследованиях. К примеру, М.М. Аслаян предлагает добавить в статью 18 УК РФ часть 2 (и соответственно изменить нумерацию дальнейших частей статьи) в следующей редакции: «За исключением случаев, предусмотренных в частях 3 и 4 настоящей статьи, рецидив преступлений признается обычным»¹. Вместе с тем, мы не считаем, что рассматриваемый вопрос представляет собой на сегодняшний день некую проблему, требующую устранения путем внесения изменений в УК РФ.

К тому же, в вопросе о понимании сущности простого рецидива преступлений, думается, имеются и более значимые проблемные аспекты, требующие внимания. Так, в частности, учеными не раз поднимался вопрос о том, какой вид наказания по предыдущей судимости может быть учтен для признания вновь совершенного лицом преступления в качестве простого рецидива. Уголовный закон по этому поводу ничего не говорит, как, впрочем, об этом умалчивает и Верховный Суд РФ, не затрагивая данный аспект в разъяснениях по соответствующим категориям вопросов. В научных работах на этот счет можно встретить две основные позиции: 1) лишь лишение свободы как вид наказания по предыдущей судимости должно быть учтено для признания вновь совершенного преступления простым рецидивом по аналогии с нормами об опасном и особо опасном видах рецидива²; 2) любой вид наказания по предыдущей судимости должен быть учтен для признания вновь совершенного преступления простым

---

¹ Аслаян М.М. Указ. соч. С. 7.

² Попов В.И. Рецидив и организованная преступность: Монография. М.: Московский институт МВД РФ, 1998. С. 37.

рецидивом преступлений¹. Несомненно, стоит согласиться с мнением второй группы исследователей: УК РФ не ограничивает вид наказания, к которому должно быть осуждено лицо для признания в его деяниях простого рецидива в случае совершения этим лицом нового преступления. Таким образом, простой рецидив должен быть признан в отношении совершившего вновь преступление лица, которое по предыдущей судимости (судимостям) было осуждено к наказанию в виде лишения свободы либо к наказанию, не связанному с лишением свободы (конечно, за исключением случаев, которые отнесены к опасному либо особо опасному рецидиву, и признаки которых обозначены в частях 2, 3 статьи 18 УК РФ и с учетом исключений, предусмотренных частью 4 статьи 18 УК РФ). Более того, сформулированное нами правило определения простого рецидива в части вида наказания должно быть применимо и к наказанию, назначаемому за вновь совершенное лицом преступление (то есть за новое преступление лицу так же может быть назначено наказание, не связанное с лишением свободы, и этот факт не будет препятствовать признанию в деяниях лица простого рецидива преступлений).

Какая же позиция по этому аспекту воспринята судебной практикой? Суды также поддерживают позицию о том, что для признания простого рецидива вид назначенного ранее и назначаемого снова наказания значения не имеет: так, например, приговором Верх-Исетского районного суда города Екатеринбурга деяния гражданки Мазалас Н.В. были признаны простым рецидивом преступлений². Указанная гражданка ранее дважды была судима (судимости на момент совершения нового преступления не были сняты или погашены): по пункту «в» части 2 статьи 158 УК РФ (преступление средней тяжести) было назначено наказание в виде штрафа в размере 10000 рублей; по части 1 статьи 158

---

¹ Тосакова Л.С. Назначение наказания при рецидиве преступлений по действующему уголовному законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1997. С. 5. Бытко Ю.И. Указ. соч. С. 167. Иванов В.А. Понятие и виды рецидива преступлений: Лекция. Челябинск, 2001. С. 18-20. Коротких Н.Н. Рецидив как вид множественности преступлений в российском уголовном праве. Владивосток, 2006. С. 60. Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение / Монография. Казань: Таглитмат, 2006. С. 91-92. Возжанникова И.Г. Рецидив как вид множественности преступлений: Монография. М.: КОНТРАКТ, 2014. С. 50.

² Приговор Верх-Исетского районного суда города Екатеринбурга от 25 августа 2017 года по делу № 1-404/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 26 января 2018 г.).

УК РФ (преступление небольшой тяжести) – к 10 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год. При назначении наказания за вновь совершенное преступление, предусмотренное частью 1 статьи 158 УК РФ, и признании рецидива преступлений вторая судимость Мазалас Н.В. не учитывалась в силу положений части 4 статьи 18 УК РФ, поскольку указанная судимость была за преступление небольшой тяжести, к тому же, осуждение по ней признавалось условным и не отменялось. То есть при признании рецидива преступлений была учтена первая судимость, где было предусмотрено наказание в виде штрафа. Судом было принято решение сохранить условное осуждение, и по новому приговору в соответствии с частью 2 статьи 68 УК РФ было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 1 год условно с испытательным сроком 2 года. Кроме того, суд указал, что приговоры по предыдущим судимостям необходимо исполнять самостоятельно.

Другой пример – рецидив преступлений был признан в содеянном гражданином Краснокутским С.Н. согласно приговору Ванинского районного суда Хабаровского края¹. Данный гражданин ранее был судим по части 1 статьи 166 УК РФ (преступление средней тяжести) с назначением наказания в виде штрафа в размере 20000 рублей. Спустя две недели после вступления в силу этого приговора Краснокутский С.Н. снова совершил преступление, предусмотренное частью 1 статьи 166 УК РФ, вследствие чего судом был признан рецидив преступлений и за вновь совершенное преступление Краснокутскому С.Н. было назначено наказание с учетом положений части 2 статьи 68 УК РФ в виде лишения свободы сроком на 1 год 6 месяцев условно с испытательным сроком 2 года.

Аналогичные позиции по рассматриваемому вопросу можно обнаружить и в иных судебных актах². Резюмируя вышеизложенное, следует признать, что даже в

---

¹ Приговор Ванинского районного суда Хабаровского края от 25 августа 2017 года по делу № 1-151/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 26 января 2018 г.).

² См., например, Приговор Савинского районного суда Ивановской области от 24 августа 2017 года по делу № 1-20/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 26 января 2018 г.); Приговор Юрьянского районного суда Кировской области от 24 августа 2017 года по делу № 1-71/2017 в отношении Постанского С.В. <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 26 января 2018 г.); Приговор Корочанского районного суда Белгородской области от 23 августа 2017 года по делу № 1-37/2017 в отношении Р. <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 26 января 2018 г.).

отсутствие четких норм УК РФ, а также разъяснений высшей судебной инстанции по вопросу о виде назначенного ранее и вновь назначаемого наказания при признании простого рецидива, судебная практика складывается вполне единообразно и, на наш взгляд, абсолютно правильно. Однако в целях окончательного укрепления приведенной позиции в уголовном законе некоторыми специалистами предлагается его дополнение: в частности, И.Г. Возжанникова полагает необходимым дополнение части 1 статьи 18 УК РФ следующим предложением: «Судимости к наказаниям, не связанным с лишением свободы, учитываются при признании рецидива, предусмотренного частью 1 настоящей статьи»¹. В целях внесения большей определенности в понимание правоприменителем уголовного закона мы готовы согласиться с приведенным предложением, вместе с тем, одновременно вынуждены признать, что анализируемый вопрос, думается, не является той неразрешимой проблемой, которая требует обязательной корректировки норм УК РФ, что в целом подтверждается изученной нами судебной практикой, где правоприменитель подтвердил, что и в отсутствие четких указаний на этот счет нормы уголовного закона применяются им самым разумным путем.

Еще один аспект, который характерен для сущности родового понятия рецидива преступлений и который так или иначе проанализирован в подавляющем большинстве научных трудов, посвященных исследованию рецидива преступлений, - вопрос об исключении из понятия рецидива неосторожных преступлений. Этот вопрос тесно связан с рассмотрением еще одной выделенной диссертантом формы множественности преступлений – специальной повторностью неосторожных преступлений, поэтому полагаем целесообразным рассмотреть его в следующем параграфе исследования, посвященном указанной форме.

Далее обратимся к части 4 статьи 18 УК РФ и рассмотрим исключения из понятия рецидива преступлений, предусмотренные уголовным законом.

---

¹ Возжанникова И.Г. Указ. соч. С. 51.

В соответствии с пунктом «а» части 4 статьи 18 УК РФ, при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за умышленные преступления небольшой тяжести. Согласно действующей редакции части 2 статьи 15 УК РФ, преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает трех лет лишения свободы. Ранее, до реформы 2011 года, максимальное наказание за преступление небольшой тяжести составляло не более двух лет лишения свободы. Вследствие указанных изменений целый ряд преступлений, в том числе, достаточно распространенных на практике (к примеру, преступления, предусмотренные, частью 1 статьи 107 УК РФ, частью 1 статьи 112 УК РФ, частью 1 статьи 128 УК РФ, частью 1 статьи 219 УК РФ, частью 1 статьи 228 УК РФ и др.), перешли в разряд преступлений небольшой тяжести.

Исключение судимостей за преступления небольшой тяжести из перечня судимостей, учитываемых при признании рецидива преступлений не раз критиковалось исследователями. Так, А.В. Армашова полагает, что такое положение закона лишь провоцирует увеличение числа профессиональных преступников, совершающих так называемые системообразующие преступления, вследствие чего, по мнению данного автора, требуется учитывать систематическое совершение (три и более раза) лицом преступлений небольшой тяжести в качестве опасного рецидива преступлений¹. Подобную критику можно найти и в других научных трудах². По данным МВД России, в период с января по декабрь 2017 года было выявлено 847560 преступлений небольшой тяжести³, что составляет 44% от общего числа преступлений, выявленных за указанный период. Таким образом, в среднем почти половину из всех выявляемых преступлений составляют именно преступления небольшой тяжести. Этому, кстати говоря, в том числе, способствовала реформа 2011 года, когда планка максимального

---

¹ Армашова А.В. Проблемы рецидива преступлений и ответственности за него по уголовному праву России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. С. 9.

² Тосакова Л.С. Указ. соч. С. 5. Возжанникова И.Г. Указ. соч. С. 47.

³ Официальный сайт МВД России <<https://xn--b1aew.xn--plai/folder/101762>> (последнее посещение – 26 января 2018 г.).

лишения свободы по преступлениям небольшой тяжести была повышена, что позволило увеличить число таких преступлений.

Нередко встречаются ошибки и в судебной практике, связанные с учетом судьями «по инерции» судимостей за преступления небольшой тяжести при признании в содеянном лицом рецидива преступлений.

Так, Московский областной суд в апелляционном постановлении по делу в отношении Мочалова А.В. признал, что судом первой инстанции был неверно применен уголовный закон в части признания в деяниях Мочалова А.В. рецидива преступлений, а именно, судом первой инстанции для признания рецидива преступлений были учтены судимости Мочалова А.В. за преступления небольшой тяжести (за преступления, предусмотренные частью 1 статьи 158 УК РФ)¹.

Или другой случай – Вологодским городским судом в апелляционном постановлении по делу в отношении Большакова С.И. был признан факт неправильного применения уголовного закона мировым судьей, рассматривавшим уголовное дело по первой инстанции, так как указанным судьей для признания в содеянном Большаковым С.И. рецидива преступлений были учтены судимости за преступления небольшой тяжести (за преступления, предусмотренные частью 1 статьи 112 УК РФ, частью 1 статьи 116 УК РФ, частью 1 статьи 119 УК РФ)².

Для получения более объективных данных диссертант вынес вопрос целесообразности учета судимостей за преступления небольшой тяжести для признания в деяниях лица рецидива преступлений на обсуждение в рамках анкетирования. В результате около 36% респондентов посчитали, что совершение преступлений небольшой тяжести, в том числе, неоднократное, не свидетельствует о повышенной общественной опасности лица и не требует усиленной ответственности в виде признания рецидива преступлений в его отношении; однако большинство участников опроса (почти 64%) согласились с

---

¹ Постановление Московского областного суда от 16 мая 2017 года по делу № 22-3240/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 26 января 2018 г.).

² Постановление Вологодского городского суда от 12 декабря 2016 года по делу № 10-86/2016 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 26 января 2018 г.).

тем, что растущий уровень преступности в отношении преступлений небольшой тяжести, а также увеличение «представительства» таких преступлений в УК РФ дают законодателю основания для пересмотра уголовного закона в части включения в число учитываемых при рецидиве преступлений небольшой тяжести.

Принимая во внимание всё вышеизложенное, полагаем, вопрос об учете судимостей за преступления небольшой тяжести при определении рецидива преступлений, действительно, требует пересмотра законодателем: процент совершаемых преступлений небольшой тяжести крайне высок; лица, совершающие указанные преступления во второй, третий, четвертый и последующие разы не чувствуют большего порицания со стороны государства, что явно не способствует их мотивации встать на путь исправления; именно такая повторная «низовая» преступность зачастую становится фундаментом для модификации множества преступлений небольшой тяжести в будущем более жестокие преступления, совершаемые лицом. Таким образом, считаем необходимым включение судимостей за преступления небольшой тяжести в число судимостей, учитываемых при рецидиве преступлений.

Согласно пункту «б» части 4 статьи 18 УК РФ, при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до 18 лет. В отношении этого исключения, как и в отношении предыдущего, в литературе встречается критика, а также предложения по внесению изменений в уголовный закон. В частности, М.М. Асланян считает, что при признании рецидива преступлений не должны учитываться судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до 16 лет (а не до 18 лет, как это предусмотрено законом), так как значительное число преступников, которые обладают признаками криминального профессионализма, совершили свое первое преступление в возрасте от 16 до 18 лет¹. В свою очередь, А.В. Армашова, поддерживая эту позицию, отмечает высокий уровень рецидива среди несовершеннолетних и предлагает учитывать судимости за преступления, совершенные несовершеннолетним, при признании рецидива, если он, отбывая

---

¹ Асланян М.М. Указ. соч. С. 6.

наказание в воспитательной колонии, отрицательно характеризовался и переводился по достижению совершеннолетия в изолированный участок воспитательной колонии, функционирующий как исправительная колония общего режима, или в исправительную колонию общего режима¹. Поддерживает этих авторов и И.Г. Возжанникова, внося предложения по исключению из уголовного закона пункта «б» части 4 статьи 18 УК РФ и внесению в него специальных норм, регулирующих рецидивную преступность несовершеннолетних².

Кроме того, судьями не всегда правильно применяется уголовный закон в аспекте рассматриваемой нормы. К примеру, апелляционным определением Верховного Суда Республики Бурятия по делу в отношении Алексева А.В. было обнаружено неправильное применение судом первой инстанции уголовного закона, выразившееся в признании деяний Алексева А.В. в качестве опасного рецидива вследствие излишнего учета судимости за преступление, совершенное Алексеевым А.В. в возрасте до 18 лет, в связи с чем приговор был изменен, а опасный рецидив был переквалифицирован в простой³. В другом случае постановлением Президиума Верховного Суда Республики Карелия был изменен приговор в отношении осужденного Киселева А.С. в связи с неправильным применением уголовного закона судом первой инстанции в части учета судимостей Киселева А.С. за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте, вследствие чего было признано отсутствие в содеянном Киселевым А.С. рецидива преступлений⁴.

Несмотря на достаточную обоснованность приведенных выше мнений, полагаем исключение пункта «б» части 4 статьи 18 УК РФ из уголовного закона невозможным в нынешних условиях. С учетом преобладающей ныне идеи приоритета гуманизма в уголовно-правовых нормах, а также относительно незначительных показателей уровня преступности несовершеннолетних (с января

---

¹ Армашова А.В. Указ. соч. С. 9-10.

² Возжанникова И.Г. Указ. соч. С. 47.

³ Определение Верховного Суда Республики Бурятия от 12 марта 2013 года по делу № 22-387 <<https://rospravosudie.com/>> (последнее посещение – 26 января 2018 г.).

⁴ Постановление Президиума Верховного Суда Республики Карелия от 20 марта 2013 года по делу № 44у-24/2013 <<https://rospravosudie.com/>> (последнее посещение – 26 января 2018 г.).

по ноябрь 2017 года удельный вес несовершеннолетних среди лиц, совершивших преступления, составил около 4%¹), целесообразность исключения рассматриваемой нормы из УК РФ представляется сомнительной.

В силу положений пункта «в» части 4 статьи 18 УК РФ, при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись, и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы, а также судимости, снятые или погашенные в порядке, установленном статьей 86 УК РФ.

Полемики по вопросу о необходимости присутствия данной нормы в УК РФ в целом не наблюдается, однако учеными обсуждаются и по-разному трактуются некоторые вопросы, связанные с изучаемой нормой. Речь идет о таких вопросах, как момент возникновения судимости, а также о том, прерывается ли срок погашения судимости при совершении лицом в этот период нового преступления.

В соответствии с частью 1 статьи 86 УК РФ, лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости. То есть моментом возникновения судимости является момент вступления обвинительного приговора в законную силу. Некоторые исследователи поддерживают эту позицию законодателя². Однако имеются и те специалисты, кто не согласен с существующим решением этого вопроса³. По мнению второй группы исследователей, моментом возникновения судимости следует считать момент вынесения (провозглашения) обвинительного приговора в зале суда, поскольку именно в этот момент приговор как отрицательная оценка содеянного лицом

---

¹ Официальный сайт МВД России <<https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762>> (последнее посещение – 26 января 2018 г.).

² Зарва Г.Н. Рецидив преступлений: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 8-9. Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву. – Кемерово, Кузбассвуиздат, 2007. С. 129-130.

³ Елисеева Н.В. Рецидив среди помилованных и его деятельность органов внутренних дел по его предупреждению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 14, 23, 28. Кибальник А.Г., Морозов А.Ю., Соломоненко И.Г. Рецидив преступлений в уголовном праве России. – Ставрополь, 2000. С. 18-19.

доведен до внимания заинтересованных лиц, прочувствован и осознан осужденным, публично оглашен. При этом данную группу специалистов беспокоит, как же поступать с лицами, которые совершили новое преступление сразу же после оглашения приговора по их предыдущему деянию, например, совершили побег из зала судебного заседания или какое-либо иное преступление? По мнению этих авторов, такое поведение лица непременно должно влечь усиление его ответственности.

Вполне четкий ответ на вопрос можно отыскать в ранее упоминавшемся нами постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», в пункте 44 которого высшая судебная инстанция ясно высказалась, что в тех случаях, когда новое преступление совершено после постановления предыдущего приговора, но до вступления его в законную силу, рецидив преступлений отсутствует¹. При этом в пункте 56 указанного постановления Верховный Суд РФ пояснил, что поскольку вынесение приговора завершается его публичным провозглашением, правила назначения наказания по совокупности приговоров применяются и в случае, когда осужденный совершает новое преступление до вступления в силу приговора по предыдущему.

Мы солидарны с позицией законодателя и разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ: отсутствие усиленной ответственности, характерной рецидиву преступлений, в данной ситуации абсолютно справедливо, ведь иное, с одной стороны, противоречило бы непоколебимой презумпции невиновности (статья 49 Конституции РФ), виновность лица должна быть установлена лишь вступившим в законную силу приговором суда, а с другой стороны, по сути, ущемляло бы законное право осужденного на обжалование вынесенного приговора и исправление потенциальных судебных ошибок, которые, как известно, не так уж и редки.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // "Российская газета", N 295, 29.12.2015.

Руководствуясь вышеизложенным, полагаем, законодательное понимание рамок судимости верно отражает ее сущность. Моментом возникновения судимости должен являться исключительно момент вступления обвинительного приговора суда в законную силу.

Что касается второго вопроса, а именно, вопроса о необходимости прерывания срока погашения судимости при совершении лицом нового преступления, отметим следующее: уголовной закон по этому вопросу ничего не разъясняет, однако на этот счет есть косвенное указание, которое содержится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений»¹. Пункт 13 указанного постановления гласит: «При назначении вида исправительного учреждения учитываются неснятые и непогашенные судимости лица на момент совершения преступления (в частности, при признании рецидива преступлений), поэтому истечение срока погашения судимости за одно или несколько преступлений в период отбывания наказания по последнему приговору не влечет изменение вида исправительного учреждения». То есть, Пленум признает возможность одновременного погашения судимостей по разным преступлениям одного лица, но прямо на то, что срок погашения судимости при совершении нового преступления не прерывается, не указывает.

Н.В. Елисеева видит решением указанной проблемы возврат к положениям советского уголовного законодательства (статья 57 УК РСФСР) о прерывании срока погашения судимости совершением лицом нового преступления, поскольку в случае, когда этот срок не прерывается, усложняется задача признания в деяниях лица различных видов рецидива преступлений². Подобной точки зрения придерживается и Л.С. Тосакова³. Развивая эти позиции, В.П. Малков справедливо отмечает, что вышеприведенное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ может касаться только тех ситуаций, когда соответствующие судимости

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 N 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» // "Российская газета", N 124, 04.06.2014.

² Елисеева Н.В. Указ. соч. С. 14.

³ Тосакова Л.С. Указ. соч. С. 7.

возникли в связи с преступлениями, за совершение которых лицо уже полностью отбыло наказание, но до погашения либо снятия этих судимостей совершило новое преступление¹. Относительно же ситуаций, когда лицо совершает новое преступление во время отбывания наказания, и новое наказание ему назначается по совокупности приговоров, течение срока погашения судимости в период отбывания нового наказания противоречило бы части 3 статьи 86 УК РФ, где установлено, что судимость погашается по истечении определенных сроков *после отбытия наказания* (курсив мой – Ю.Т.).

Более ясно свою позицию по рассматриваемому вопросу высшая судебная инстанция высказывала ранее по делу гражданина Калугина в постановлении Президиума Верховного Суда РФ N 577п96, где было указано, что по смыслу статьи 86 УК РФ течение срока, погашающего судимость за отбытое наказание, не прерывается, если лицо вновь совершит преступление². Таким образом, каждая судимость погашается самостоятельно, лицо считается несудимым по истечении определенного законом срока после отбытия наказания за данное преступление.

То есть, вслед за В.П. Малковым, считаем целесообразным резюмировать, что вопрос о непрерывании срока погашения судимости должен решаться положительно лишь в отношении лица, совершившего новое преступление уже после отбытия наказания за предыдущее преступление в период, когда судимость за это предыдущее преступление еще не была снята либо погашена. Если же лицо в период отбывания наказания совершает новое преступление, новое наказание должно назначаться по совокупности приговоров, при этом срок погашения судимости начнет течь лишь после отбытия этого нового наказания, а судимость по разным преступлениям будет погашена, как правило, одновременно.

В судебной практике также встречаются трудности, связанные с правильным применением пункта «в» части 4 статьи 18 УК РФ при учете рецидива

---

¹ Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение / Монография. Казань: Таглитат, 2006. С. 91-92.

² Обзор судебной практики по уголовным делам Верховного Суда РФ, утв. Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 14 мая 1997 г. // Официальный сайт Верховного Суда РФ <<http://www.vsrif.ru/files/11831/>> (последнее посещение – 27 января 2018 г.).

преступлений, но они чаще всего вызваны квалификационными ошибками судей по конкретным делам. К примеру, апелляционным постановлением Петровск-Забайкальского городского суда Забайкальского края по делу в отношении гражданина Ковалева С.В. было отмечено неправильное применение данной нормы мировым судьей при рассмотрении дела по первой инстанции, вследствие чего в деяниях Ковалева С.В. неправомерно был признан рецидив преступлений, а также неправильно был определен вид исправительного учреждения для отбывания наказания¹. Подобная ошибка (неправомерный учет судимости за преступление, по которому было назначено лишение свободы условно, и условное осуждение не отменялось, при признании рецидива преступлений) была допущена и при вынесении приговора в отношении гражданина Гуляева Н.А., что было подтверждено апелляционным постановлением Кондопожского городского суда Республики Карелия².

Далее следует перейти к подробному рассмотрению опасного и особо опасного видов рецидива преступлений. Согласно части 2 статьи 18 УК РФ, рецидив преступлений признается опасным в двух случаях, прямо установленных законом: а) при совершении лицом тяжкого преступления, за которое оно осуждается к реальному лишению свободы, если ранее это лицо два или более раза было осуждено за умышленное преступление средней тяжести к лишению свободы; б) при совершении лицом тяжкого преступления, если ранее оно было осуждено за тяжкое или особо тяжкое преступление к реальному лишению свободы.

Вследствие невозможности перечисления всех возможных модификаций преступного поведения в уголовном законе по объективным причинам, в практике ранее возникали трудности, связанные с определением вида рецидива преступлений в зависимости от последовательности совершения лицом различных категорий преступлений. В частности, о таких трудностях можно было

---

¹ Постановление Петровск-Забайкальского городского суда Забайкальского края от 23 августа 2017 года по делу № 10-5/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 27 января 2018 г.).

² Постановление Кондопожского городского суда Республики Карелия от 10 августа 2017 года по делу № 10-21/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 27 января 2018 г.).

говорить в случае совершения лицом преступлений по схеме «небольшой тяжести → тяжкое» в соотношении со схемой «тяжкое → небольшой тяжести». Или в случае совершения лицом преступлений по схеме «средней тяжести → средней тяжести → тяжкое» в соотношении со схемой «средней тяжести → тяжкое → средней тяжести». Кроме того, в случае совершения лицом преступлений по схеме «особо тяжкое → тяжкое» в соотношении со схемой «тяжкое → особо тяжкое». Как верно отмечает М.М. Асланян, возможны и иные устойчивые сочетания преступлений в деяниях лица, относительно которых уголовный закон прямо не определяет вид рецидива преступлений¹. Вопросы признания рецидива преступлений и его вида в перечисленных ситуациях интересовали и других специалистов².

Думается, последовательность совершаемых лицом преступлений не должна быть решающим фактором при признании в его деяниях рецидива преступлений либо его вида. Н.Н. Коротких даже полагает, что рецидив преступлений объективно существует при всех разновидностях умышленных преступлений, независимо от последовательности их совершения³, с чем в принципе невозможно не согласиться. Хотя следует признать, что в настоящее время последовательность совершения лицом преступлений в ряде случаев, действительно, определяет наличие рецидива преступлений и его вид.

Возьмем первые перечисленные нами схемы. Так, случай последовательного совершения лицом преступления небольшой тяжести, а затем тяжкого преступления согласно пункту «а» части 4 статьи 18 УК РФ рецидивом преступлений признаваться не может. Наряду с этим, случай последовательного совершения лицом тяжкого преступления, а затем преступления небольшой тяжести в соответствии с положениями статьи 18 УК РФ будет являться простым рецидивом преступлений. Такая позиция была подтверждена и Пленумом

---

¹ Асланян М.М. Указ. соч. С. 6-7.

² См., например, Пичугин С.А. Рецидив преступлений среди условно осужденных: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 6-7. Сорокин А.И. Множественность преступлений и ее уголовно-правовая оценка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9.

³ Коротких Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о множественности преступлений: уголовно-правовое и уголовно-исполнительное исследование: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 11.

Верховного Суда РФ в соответствующем постановлении¹. Справедливо ли это? На наш взгляд, ответить следует отрицательно. Лицом совершается абсолютно одинаковый «набор» преступлений, отличающийся лишь последовательностью их совершения, при этом в одном случае его ответственность усиливается посредством применения к нему норм о рецидиве преступлений, а в другом – такое усиление не следует. Думается, такое положение дел позволяет судить о несовершенстве уголовного закона в данном аспекте и является еще одним аргументом «за» распространение норм о рецидиве преступлений, в том числе, в отношении судимостей за преступления небольшой тяжести.

Подобная рассмотренной ситуация возникает при совершении лицом преступлений в последовательности «средней тяжести → средней тяжести → тяжкое» в соотношении с последовательностью «средней тяжести → тяжкое → средней тяжести». Первая последовательность в случае, когда за преступления средней тяжести лицо осуждалось к лишению свободы, и за вновь совершенное тяжкое преступление осуждается к реальному лишению свободы, позволяет сделать вывод о наличии в содеянном лицом признаков опасного рецидива преступлений в силу пункта «а» части 2 статьи 18 УК РФ. При второй последовательности, исходя из норм действующего уголовного закона, в содеянном лицом возможно усмотреть лишь простой рецидив преступлений, поскольку признакам опасного либо особо опасного рецидива преступлений такой «набор» преступлений не соответствует. Таким образом, снова последовательность совершения одного и того же «набора» преступлений выходит на первый план при определении вида рецидива преступлений, что, по нашему мнению, не является обоснованным.

Последовательность совершения лицом преступлений по схеме «особо тяжкое → тяжкое» в соотношении со схемой «тяжкое → особо тяжкое» также интересна для рассмотрения. Первая из этих двух схем трудностей не вызывает: согласно пункту «б» части 2 статьи 18 УК РФ в случае совершения лицом тяжкого

---

¹ Пункт 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // "Российская газета", N 295, 29.12.2015.

преступления, если ранее это лицо было осуждено за особо тяжкое преступление к реальному лишению свободы, содеянное необходимо признать опасным рецидивом преступлений. В свою очередь, вторая схема прямо уголовным законом в качестве опасного либо особо опасного рецидива преступлений не называется, что, по сути, если исходить из буквального толкования норм УК РФ, означает признание такого «набора» преступлений простым рецидивом преступлений. Однако это не так: по этому вопросу имеется разъяснение Пленума Верховного Суда РФ¹, согласно которому данная ситуация должна быть признана опасным рецидивом преступлений, если за совершение тяжкого преступления лицо отбывало наказание в виде лишения свободы. Следовательно, в третьей рассмотренной нами ситуации высшая судебная инстанция исправила имеющуюся в законе несправедливость, исключив решающую роль последовательности совершения лицом преступлений при определении вида рецидива преступлений.

Несмотря на то, что уголовный закон по объективным причинам не может вместить все возможные модификации и последовательности преступлений, которые могут быть совершены лицом, законодателю всё же необходимо стремиться к такому «идеалу». Эти ситуации не должны оставаться без внимания, в особенности, в тех случаях, когда последовательность совершения лицом преступлений влияет на признание в содеянном того или иного вида рецидива преступлений, а, следовательно, и применяемых в отношении такого лица уголовно-правовых последствий в зависимости от признанного вида рецидива преступлений. Мы убеждены, что одинаковый «набор» преступлений, совершенных лицом, не может быть признан разным видом рецидива преступлений в зависимости от последовательности совершения преступлений в этом «наборе». В связи с этим все не учтенные уголовным законом к настоящему моменту ситуации должны быть им учтены (а при объективной невозможности - разъяснены в соответствующих позициях Пленума Верховного Суда РФ) и

---

¹ Пункт 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // "Российская газета", N 295, 29.12.2015.

учтены именно таким образом, чтобы одинаковые сочетания совершенных лицами преступлений влекли равные для этих лиц последствия вне зависимости от последовательности совершения лицами преступлений, поскольку последовательность совершения преступлений (сначала менее тяжкие, затем – более тяжкие, либо наоборот) объективно не может служить тем показателем, который бы позволил судить о поведении лица как о более или о менее общественно опасном, что требовало бы различной реакции в отношении лица со стороны законодателя и правоприменителя.

Подробнее остановимся на особо опасном рецидиве преступлений. В соответствии с частью 3 статьи 18 УК РФ рецидив преступлений признается особо опасным: а) при совершении лицом тяжкого преступления, за которое оно осуждается к реальному лишению свободы, если ранее это лицо два раза было осуждено за тяжкое преступление к реальному лишению свободы; б) при совершении лицом особо тяжкого преступления, если ранее оно два раза было осуждено за тяжкое преступление или ранее осуждалось за особо тяжкое преступление.

Появление в уголовном законе категории особо опасного рецидива преступлений в нынешнем виде имеет корни в советском уголовном законодательстве, выраженные в существовавшей ранее конструкции «особо опасный рецидивист», характеризовавшей, судя по наименованию этой конструкции, прежде всего, личность лица, совершившего преступления. Однако, как мы упоминали ранее, непосредственно содержание понятия «особо опасный рецидивист»¹ свидетельствовало о том, что для признания лица особо опасным рецидивистом было необходимо наличие определенных в законе формальных признаков (осуждение за определенные преступления, количество совершенных преступлений, наличие судимости и т.п.). В свою очередь, учет личности лица, общественной опасности совершенных им деяний, его мотивы были вторичны, и, хотя уголовный закон предписывал необходимость учета этих субъективных

---

¹ В редакции ст. 24.1 Уголовного кодекса РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, N 40, ст. 591.

признаков при признании лица особо опасным рецидивистом, порядок такого учета нормами не конкретизировался, тем самым выводя на первый план именно формальные признаки, при наличии которых лицо признавалось особо опасным рецидивистом.

На постулатах приоритета объективных характеристик над субъективными построены и современные уголовно-правовые нормы о рецидиве преступлений. Вместе с тем, не все специалисты солидарны с такой постановкой данного вопроса: так, А.П. Козлов и А.П. Севастьянов, обращаясь к извечной философской проблеме о верховенстве бытия и сознания, в аспекте критериев признания лица рецидивистом уверены в верховенстве сознания¹. Такой вывод основан на представлении о том, что именно сознанием виновного лица не восприняты меры воспитания и исправления, применяемые к нему за предыдущее преступление, в частности, применяемые при лишении свободы; кроме того, именно на основе указанных отрицательных характеристик виновного совершаются новые преступления, и чем активнее отрицание этого восприятия, тем тяжелее совершаемые преступления. При этом текущий подход законодателя, по мнению указанных ученых, - лишь свидетельство неумения законодателя четко дифференцировать субъективные характеристики лица при определении простого, опасного и особо опасного рецидивов преступлений.

Позволим себе не согласиться с описанным мнением: ранее мы выяснили, что уголовный закон не может вместить все возможные модификации прошлого преступного поведения лица (а ведь они относятся к объективным характеристикам признания того или иного вида рецидива преступлений), так что уж говорить о субъективных характеристиках, – постановка вида рецидива преступлений в зависимость от характеристик личности виновного, мотивов его поведения и т.п., в особенности, в нормах уголовного закона просто невозможна. Субъективные характеристики на то и являются субъективными: даже представить всё их многообразие достаточно проблематично, не то что описать их в законе. В связи с вышеизложенным, полагаем, учет личности и мотивации

---

¹ Козлов А.П., Севастьянов А.П. Указ. соч. С. 204-205.

виновного лица, действительно, необходимы, но они всегда должны быть вторичны по отношению к объективным характеристикам, которые обозначены в уголовном законе, как это реализовано в действующих уголовно-правовых нормах.

Рассматривая опасный и особо опасный виды рецидива преступлений, следует остановиться еще на одном вопросе – вопросе о необходимости реального отбытия лишения свободы для признания в содеянном указанных видов рецидива преступлений. В литературе отмечается непоследовательность законодателя при разъяснении сущности опасного и особо опасного видов рецидива преступлений в аспекте формулировок о лишении свободы в частях 2, 3 статьи 18 УК РФ: в одних случаях законодатель указывает на осуждение к реальному лишению свободы, в других – указывает просто на осуждение к лишению свободы, в третьих – вообще умалчивает о виде наказания, к которому лицо осуждалось ранее, и о вновь назначаемом виде наказания¹.

Намеренно ли задуманы такие формулировки? Требуется ли при признании опасного и особо опасного видов рецидива преступлений реальное отбытие лицом наказания в виде лишения свободы за ранее совершенное преступление? Мнения ученых на этот счет расходятся. Так, одни исследователи полагают, что для признания рецидива таковым достаточно факта осуждения лица к лишению свободы независимо от того, отбывалось ли фактически это наказание²; другие авторы указывают на необходимость полного либо частичного фактического отбытия лицом наказания в виде лишения свободы по предыдущему приговору суда для признания в содеянном рассматриваемых видов рецидива преступлений³.

Высшая судебная инстанция по данному вопросу прямо не высказывалась, однако на основании имеющихся косвенных указаний (пункт 46 ранее

---

¹ Сорокин А.И. Указ. соч. С. 9.

² Елисеева Н.В. Указ. соч. С. 14. Сорокин А.И. Указ. соч. С. 9. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов. Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой (авт. главы Леонтьев Б.М. и Тяжкова И.М.). М., 2002. С. 533.

³ Суменков А.К. Рецидив преступлений и проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 6. Возжанникова И.Г. Указ. соч. С. 32.

упоминавшегося Постановления¹), полагаем, что следует присоединиться к мнению второй группы исследователей. Верховный Суд РФ в указанном Постановлении пояснил, что осуждение к реальному лишению свободы при признании рецидива преступлений опасным или особо опасным включает в себя и условное осуждение к лишению свободы, если условное осуждение отменялось и лицо направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы до совершения им нового преступления. Таким образом, на первое место выходит именно факт направления лица для реального отбытия лишения свободы в соответствующие учреждения. Обратное (отсутствие фактического отбывания лишения свободы для признания опасного либо особо опасного видов рецидива преступлений) противоречило бы пункту «в» части 4 статьи 18 УК РФ, а также в целом не соответствовало бы общему принципу дифференциации и индивидуализации исполнения наказания (статья 8 УИК РФ), а также порядку исполнения наказания в виде лишения свободы, заключающемуся в раздельном содержании различных категорий осужденных в исправительных учреждениях (статьи 58 УК РФ, 74 УИК РФ). Позиция о необходимости учета фактического отбывания лицом наказания в виде лишения свободы для признания в содеянном им опасного либо особо опасного видов рецидива воспринята и судами².

Таким образом, считаем, что учет фактического отбывания наказания в виде лишения свободы необходим для признания в деяниях лица опасного либо особо опасного видов рецидива преступлений, а законодателю, возможно, стоило бы более четко обозначить данный аспект в нормах уголовного закона либо в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. Вместе с тем, поскольку на практике

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 "О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания" // "Российская газета", N 295, 29.12.2015.

² См., например, приговор Энгельсского районного суда Саратовской области от 24 мая 2017 г. по делу № 1-220/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 01 мая 2018 г.), приговор Левобережного районного суда г. Липецка от 18 мая 2017 г. по делу № 1-108/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 01 мая 2018 г.), приговор Барышского городского суда Ульяновской области от 31 октября 2016 г. по делу № 1-104/2016 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 01 мая 2018 г.), приговор Советского районного суда г. Красноярск от 2 октября 2017 г. по делу № 1-1174/2016 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 01 мая 2018 г.), приговор Советского районного суда г. Новосибирск от 9 ноября 2017 г. по делу № 1-328/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 01 мая 2018 г.), приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 19 октября 2017 г. по делу № 1-723/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 01 мая 2018 г.), приговор Советского районного суда г. Самары от 3 апреля 2012 г. по делу № 1-140/2012 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 01 мая 2018 г.).

спорных ситуаций на этот счет не возникает, а разногласия имеются только в доктрине, мы не считаем столь принципиальным изложенное нами предложение.

Помимо деления рецидива преступлений на простой, опасный и особо опасный (классификация, прямо предусмотренная уголовным законом) доктринально выработаны и иные классификации видов рецидива преступлений. В частности, в научных и учебных изданиях рецидив преступлений нередко подразделяется на общий и специальный (при котором лицо, имеющее судимость за умышленное преступление, совершает преступление, тождественное либо однородное ранее совершенному преступлению). Поскольку УК РФ прямо не предусматривает такую классификацию, мы не включили ее в схему форм и видов множественности преступлений, предложенную нами на стр. 72 исследования. Вместе с тем, полагаем необходимым осветить несколько значимых аспектов специального рецидива преступлений.

Случаи наличия в содеянном лицом специального рецидива преступлений на практике могут иметь место в отношении любого преступления и квалифицируются в этом случае с применением общих норм о рецидиве преступлений. Однако нормы Особенной части УК РФ в нескольких случаях предусматривают уже учтенное в соответствующей норме усиление ответственности лица при специальном рецидиве преступлений. Насчитывается 6 таких случаев. Это деяния, предусмотренные частью 5 статьи 131 УК РФ, частью 5 статьи 132 УК РФ, частью 6 статьи 134 УК РФ, частью 5 статьи 135 УК РФ, частью 2 статьи 204.2 УК РФ, частью 2 статьи 291.2 УК РФ. Таким образом, специальный рецидив преступлений, в отношении которого в норме уже предусмотрена повышенная ответственность, в настоящее время охватывает 3 различных главы УК РФ, а именно, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности; преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях; преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Практическая значимость этого вида рецидива преступлений выявлена автором в следующих проявлениях: во-первых, учет специального рецидива преступлений в качестве квалифицирующего признака в вышеперечисленных случаях неизменно влечет более высокую ответственность виновного по отношению к санкциям основного состава того или иного преступления; во-вторых, статистические данные свидетельствуют о том, что специальный рецидив преступлений как квалифицирующий признак имеет место на практике: так, общее число лиц, осужденных при наличии специального рецидива преступлений в указанных случаях, за 2017 год составляет 62 человека (по части 5 статьи 131 УК РФ за 2017 год в общей сложности были осуждены 5 человек, по части 5 статьи 132 УК РФ – 42 человека, по части 6 статьи 134 УК РФ – 1 человек, по части 5 статьи 135 УК РФ – 6 человек, по части 2 статьи 291.2 УК РФ – 8 человек, по части 2 статьи 204.2 УК РФ осужденных за 2017 год не имеется).

Отдельно, думается, также стоило бы рассмотреть вопрос о назначении наказания при рецидиве преступлений, так как этот аспект крайне популярен для обсуждения в научных трудах, авторами высказываются самые различные точки зрения. Кроме того, данный вопрос, по мнению некоторых ученых, неразрывно связан с вопросом о конкуренции ряда уголовно-правовых норм, которую мы косвенно упоминали в диссертационном исследовании ранее.

Общие положения о порядке назначения наказания при наличии в содеянном признаков рецидива преступлений предусмотрены статьей 68 УК РФ. Часть 1 этой нормы закрепляет критерии индивидуализации наказания при выявлении признаков рецидива преступлений, среди которых три критерия: характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений; обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным; характер и степень общественной опасности вновь совершенных преступлений.

Имеющаяся триада критериев не раз подвергалась критике со стороны научного сообщества.

Так, некоторых исследователей беспокоит наличие первого из критериев как противоречащего принципу справедливости (статья 6 УК РФ) вследствие двойного учета этого фактора при назначении наказания за прошлое и за вновь совершенное преступление¹; другие авторы ссылаются на неэффективность второго критерия, раскрыть сущность которого на практике, по сути, невозможно²; третьи – предлагают включить в триаду дополнительные критерии индивидуализации³.

Пожалуй, наиболее интересным для изучения является второй критерий – обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным.

Ни для кого не секрет, что факторов, которые могут повлечь «недостаточный эффект» исправительного воздействия на виновное лицо, может быть бесчисленное множество – это и внутреннее нежелание осужденного «вставать на путь исправления», и любые внешние факторы (как, например, неблагоприятное влияние «соседей по камере», проблемы с организацией дисциплины в исправительном учреждении) и т.д. и т.п.

Кроме того, сам критерий недостаточности такого воздействия представляет собой крайне оценочную субстанцию (в чем измеряется недостаточность этого воздействия?). При этом суды при назначении наказания обязаны в силу прямого указания уголовного закона учитывать этот критерий индивидуализации. Как это происходит на практике? Как правило, очень формально.

Действительно, из десяти выборочно исследованных приговоров судов различных регионов Российской Федерации в девяти – суды лишь констатировали факт учета ими при назначении наказания этих обстоятельств, не конкретизируя, что они понимают под таким обстоятельствами в конкретном рассматриваемом

---

¹ Благов Е.В. Применение специальных начал назначения уголовного наказания. М., 2007. С. 187.

² Воронин В.Н. Критерии индивидуализации наказания при рецидиве преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8. С. 121-128. Чучаев А.И., Буранов Г.К. Рецидив преступлений и наказание // Журнал российского права. 2000. № 12. С. 32-44.

³ Так, А.И. Рясов в состав критериев индивидуализации включает число совершенных преступлений: Рясов А.И. Принцип справедливости в назначении наказания при множественности преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 132; М.М. Асланяном в состав критериев индивидуализации предлагается включить число совершенных преступлений, их однородность и тождественность, а также вид рецидива преступлений: Асланян М.М. Указ. соч. С. 8; В.Н. Ворониным в состав критериев предлагается включить число совершенных преступлений и вид рецидива преступлений: Воронин В.Н. Указ. соч. С. 126-127.

деле¹; в одном из приговоров – суд просто процитировал норму части 1 статьи 68 УК РФ, не затрудняясь указывать в приговоре, что все перечисленные критерии индивидуализации учтены судом при назначении наказания по конкретному делу, и уж, тем более, не разъясняя перечень обстоятельств, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания на подсудимого оказалось недостаточным².

Таким образом, напрашивается вывод о том, что рассматриваемый критерий индивидуализации на практике при назначении наказания не работает, судами учитывается «для проформы» лишь в виде соответствующей фразы в тексте приговора.

Каким видится путь выхода из сложившейся тенденции? В качестве такового наиболее привлекательным вследствие его обоснованности и логики нам представляется видение В.Н. Воронина, которым выдвигается позиция о необходимости исключения данного критерия из триады критериев, имеющих в части 1 статьи 68 УК РФ, и заменой этого критерия иными – видом рецидива преступлений, количеством совершенных преступлений, сравнительной общественной опасностью ранее и вновь совершенных преступлений (последний критерий складывается из объединения первого и третьего критериев имеющейся ныне триады)³. Полагаем, такой подход позволит выработать на практике реально действующий механизм учета критериев индивидуализации наказания при рецидиве преступлений, а также сократить степень судейского усмотрения в этом аспекте, при этом судьи смогут более четко и аргументированно выразить и

---

¹ Приговор Смидовичского районного суда Еврейской автономной области от 27 ноября 2017 г. по делу № 1-169/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 02 мая 2018 г.), приговор Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 27 ноября 2017 г. по делу № 1-366/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 02 мая 2018 г.), приговор Меленковского районного суда Владимирской области от 27 ноября 2017 г. по делу № 1-109/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 02 мая 2018 г.), приговор Вологодского городского суда от 24 ноября 2017 г. по делу № 1-585/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 02 мая 2018 г.), приговор Каргасокского районного суда Томской области от 24 ноября 2017 г. по делу № 1-87/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 02 мая 2018 г.), приговор Пожарского районного суда Приморского края от 24 ноября 2017 г. по делу № 1-215/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 02 мая 2018 г.), приговор Сергачского районного суда Нижегородской области от 24 ноября 2017 г. по делу № 1-76/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 02 мая 2018 г.), приговор Череповецкого городского суда Вологодской области от 24 ноября 2017 г. по делу № 1-1007/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 02 мая 2018 г.), приговор Юргинского городского суда Кемеровской области от 24 ноября 2017 г. по делу № 1-277/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 02 мая 2018 г.).

² Приговор Волоколамского городского суда Московской области от 27 ноября 2017 г. по делу № 1-151/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 02 мая 2018 г.).

³ Воронин В.Н. Указ. соч. С. 126-127.

конкретизировать критерии индивидуализации наказания при рецидиве преступлений в текстах соответствующих судебных актов.

В продолжение приведенного тезиса следует обратить внимание, что вид рецидива преступлений как критерий, подлежащий учету при назначении наказания, позиционировался таковым со стороны очень весомого числа специалистов, посвятивших свои труды рассмотрению изучаемых нами вопросов¹. Однако этот критерий указанными авторами предлагалось учитывать, как правило, в части 2 статьи 68 УК РФ (в отличие от В.Н. Воронина, в соответствии с видением которого данный критерий должен быть учтен в части 1 статьи 68 УК РФ). Как бы то ни было, вид рецидива преступлений как критерий учета при назначении наказания мы не найдем ни в части 1, ни в части 2 статьи 68 УК РФ.

Часть 2 статьи 68 УК РФ в настоящее время уравнивает минимальный срок наказания для любого из видов рецидива преступлений, который составляет не менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Думается, такое законодательное положение не является справедливым, поскольку виду рецидива преступлений, по нашему убеждению, законом должна быть отведена более значимая роль, нежели имеющаяся на сегодняшний день: так как статья 68 УК РФ закрепила «равенство» видов рецидива преступлений при определении срока наказания, очевидным остается лишь факт учета вида рецидива преступлений при определении виновному лицу вида исправительного учреждения. Не слишком ли «скромна» значимость вида рецидива преступлений, в особенности с учетом того обширного комплекса обстоятельств, которые приходится исследовать судебным органам для правильного определения в содеянном виде рецидива преступлений? Вероятно, это тот самый случай, когда условные «затраты» на идентификацию

---

¹ Васильева Е.Г. Указ. соч. С. 7. Возжанникова И.Г. Указ. соч. С. 67. Асланян М.М. Указ. соч. С. 8. Коротких Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о множественности преступлений: уголовно-правовое и уголовно-исполнительное исследование: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 12. Сорокин А.И. Указ. соч. С. 10.

вида рецидива преступлений превышают значение этого самого вида рецидива преступлений для решения смежных вопросов уголовного закона.

Кроме того, такое положение дел, на наш взгляд, возможно расценивать как нарушение принципа справедливости (статья 6 УК РФ), так как отсутствие градации срока наказания в зависимости от вида рецидива преступлений не позволит наказанию быть в полной мере справедливым, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности содеянного, обстоятельствам совершения преступлений и личности виновного.

Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым введение в часть 2 статьи 68 УК РФ положений о дифференциации срока наказания в зависимости от имеющегося в содеянном вида рецидива преступлений. Что касается числового выражения границ минимального срока наказания по каждому из видов рецидива преступлений, нам представляется оправданными следующие разделительные барьеры: не менее одной трети максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ, - для простого рецидива; не менее двух третей – для опасного рецидива; не менее трех четвертей – для особо опасного рецидива преступлений¹. Думается, эти числовые показатели позволят наглядно продемонстрировать градацию видов рецидива преступлений, а также соблюсти баланс (пропорцию) между ними при назначении наказания.

Переходя к рассмотрению вопросов назначения наказания при рецидиве преступлений, мы упоминали о том, что некоторые ученые усматривают в этих вопросах наличие признаков конкуренции ряда уголовно-правовых норм. В частности, элементы конкуренции прослеживаются в суждениях Л.В. Тосаковой о соотношении норм части 2 статьи 68 УК РФ и пункта «а» части 1 статьи 63 УК РФ, где рецидив преступлений предусмотрен в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (во избежание двойного учета одного и того же

---

¹ Аналогичные цифровые выражения срока наказания в зависимости от вида рецидива преступлений были предложены в работе А.И. Сорокина: Сорокин А.И. Указ. соч. С. 10.

обстоятельства автором предлагается исключение последнего из статьи 63 УК РФ¹). Аналогичная конкуренция была выявлена и решена в пользу части 2 статьи 68 УК РФ Л.В. Иногамовой-Хегай². Кроме того, последней была выявлена конкуренция норм части 2 статьи 68 УК РФ, статьи 64 УК РФ и части 3 статьи 68 УК РФ, которая была решена в пользу части 3 статьи 68 УК РФ³.

Как мы отмечали ранее, конкуренция уголовно-правовых норм имеет место в том случае, когда применению подлежит лишь одна из конкурирующих норм, как наиболее полно отражающая сущность сложившихся правоотношений. Имеется ли конкуренция как таковая в вышеописанных случаях? Полагаем, что речь о конкуренции может идти только во втором случае. Дело в том, что в первой из перечисленных ситуаций уголовно-правовые нормы применяются последовательно, одна из норм является неотъемлемым дополнением другой и соответственно наоборот. В этой связи мы солидарны с И.Г. Возжанниковой, которая считает, что при исключении рецидива преступлений из перечня отягчающих обстоятельств статья 68 УК РФ утратит связь с общими началами назначения наказания и будет противоречить статье 63 УК РФ, так как перечень обстоятельств из статьи 63 УК РФ по смыслу уголовного закона является закрытым⁴. В свою очередь, вторую описанную ситуацию действительно можно признать конкуренцией, которая абсолютно верно была разрешена Л.В. Иногамовой-Хегай в пользу нормы об исключительных обстоятельствах (то есть в пользу части 3 статьи 68 УК РФ).

Следовательно, каких-либо неразрешенных конкуренций уголовно-правовых норм о назначении наказания при рецидиве преступлений в правовом регулировании не наблюдается, в связи с чем не имеется оснований воспринимать данные аспекты в качестве актуальных проблемных вопросов. Иные вопросы о соотношении статьи 68 УК РФ с другими смежными нормами уголовного закона, не упомянутые выше, также трудностей как в теории, так и на практике, как

---

¹ Тосакова Л.В. Указ. соч. С. 7-8.

² Иногамова-Хегай Л.В. Указ. соч. С. 122.

³ Там же.

⁴ Возжанникова И.Г. Указ. соч. С. 52-53.

правило, не вызывают вследствие наличия разъяснений Пленума Верховного Суда РФ (речь, например, может идти о соотношении статей 66 УК РФ и 68 УК РФ, вопрос о чем поднят в пункте 34 соответствующего постановления¹).

Проанализировав уголовно-правовые характеристики рецидива преступлений, мы можем сформулировать следующие основные выводы:

- 1) Вопрос об учете судимостей за преступления небольшой тяжести при определении рецидива преступлений требует пересмотра законодателем: процент совершаемых преступлений небольшой тяжести крайне высок; лица, совершающие указанные преступления во второй, третий, четвертый и последующие разы не чувствуют большего порицания со стороны государства, что явно не способствует их мотивации встать на путь исправления; именно такая повторная «низовая» преступность зачастую становится фундаментом для модификации множества преступлений небольшой тяжести в будущем более жестокие преступления, совершаемые лицом. Таким образом, считаем необходимым включение судимостей за преступления небольшой тяжести в число судимостей, учитываемых при рецидиве преступлений.
- 2) Одинаковый «набор» преступлений, совершенных лицом, не может быть признан разным видом рецидива преступлений в зависимости от последовательности совершения преступлений в этом «наборе». В связи с этим все не учтенные уголовным законом к настоящему моменту ситуации должны быть им учтены (а при объективной невозможности - разъяснены в соответствующих позициях Пленума Верховного Суда РФ) и учтены именно таким образом, чтобы одинаковые сочетания совершенных лицами преступлений влекли равные для этих лиц последствия вне зависимости от последовательности совершения лицами преступлений, поскольку последовательность совершения преступлений (сначала менее тяжкие, затем – более тяжкие, либо наоборот) объективно не может служить тем

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 "О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания" // "Российская газета", N 295, 29.12.2015.

показателем, который бы позволил судить о поведении лица как о более или о менее общественно опасном, что требовало бы различной реакции в отношении лица со стороны законодателя и правоприменителя.

- 3) При признании в содеянном рецидива преступлений необходимы учет личности и мотивации виновного лица, но эти субъективные характеристики всегда должны быть вторичны по отношению к объективным характеристикам, которые обозначены в уголовном законе, как это реализовано в действующих уголовно-правовых нормах.
- 4) Руководствуясь выводами, полученными в ходе изучения вопроса о порядке назначения наказания при рецидиве преступлений, предлагаем внести изменения в части 1, 2 статьи 68 УК РФ и изложить их в следующей редакции:

1. При назначении наказания при рецидиве, опасном рецидиве или особо опасном рецидиве преступлений учитываются количество совершенных преступлений, а также характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений в соотношении с характером и степенью общественной опасности вновь совершенных преступлений.

2. Срок наказания при рецидиве преступлений не может быть менее одной трети, при опасном рецидиве преступлений – менее двух третей, при особо опасном рецидиве преступлений – менее трех четвертей максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса.

- 5) Специальный рецидив преступлений, являясь видом рецидива преступлений, который прямо в уголовном законе не назван, в ряде уголовно-правовых норм выделен в качестве квалифицирующего признака того или иного состава преступлений, что влечет усиленную ответственность виновного лица и составляет практическую значимость данного вида рецидива преступлений.

§4 Уголовно-правовая характеристика специальной повторности неосторожных преступлений

Как мы указывали ранее, из понятия рецидива преступлений на сегодняшний день исключены преступления, совершенные по неосторожности. Да, действительно, часть 1 статьи 18 УК РФ прямо предусматривает то, что при определении рецидива преступлений могут быть учтены лишь умышленные преступления.

Справедливо ли это? Такой вопрос не давал покоя целому ряду исследователей. Первая группа ученых солидарна с законодателем и склоняется к тому, что рецидив могут образовывать лишь умышленные преступления, поскольку лишь умышленная форма вины может свидетельствовать об осознанно взятом лицом преступном курсе поведения¹. Вторая группа теоретиков, наоборот, полагает несправедливым исключение из законодательного понимания рецидива преступлений, совершенных по неосторожности², так как повторяемое не раз неосторожное поведение лица говорит о сформировавшемся у него стойком пренебрежительном отношении к устоявшимся общественным правилам осторожности.

Мы предпочтем занять не столь полярные позиции и предложим свое видение изучаемого аспекта, которое ознаменует необходимость изучения в рамках настоящего исследования еще одной формы множественности преступлений – специальной повторности неосторожных преступлений.

Для умышленных преступлений законодателем выработаны механизмы усиления ответственности в случаях множественности преступлений, которые выражены в нормах о рецидиве преступлений. В свою очередь, какой должна быть реакция законодателя, если множественность преступлений проявляется в

---

¹ Чогошвили Т.Р. Уголовно-правовой рецидив и его значение для предупреждения новых преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 8-9. Тосакова Л.С. Указ. соч. С. 9. Бытко Ю.И. Указ. соч. С. 165. Попов В.И. Указ. соч. С. 37. Коротких Н.Н. Рецидив как вид множественности преступлений в российском уголовном праве. Владивосток, 2006. С. 58-59.

² Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 63-64. Красиков Ю.И. Указ. соч. С. 31-32. Криволапов Г.Г. Указ. соч. С. 27. Агаев И.Б. Рецидив в системе множественности преступлений. М., 2002. С. 54-55. Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву. – Кемерово, Кузбассвуиздат, 2007. С. 136. Калинина Т.А. Указ. соч. С. 11.

преступлениях, совершенных по неосторожности? Разве не требуется в этих случаях усиление ответственности по аналогии с рецидивом преступлений применительно к преступлениям умышленным?

Действительно, когда в поведении одного лица «встречаются» несколько деяний, совершенных по неосторожности и являющихся преступлениями, речь идет, скорее, уже о некоторой закономерности, нежели чем о случайности. И такая закономерность обязательно должна быть ознаменована усилением ответственности за содеянное во втором и последующих случаях. Вместе с тем, усиление ответственности должно сопровождать не любое неосторожное преступление лица, ранее совершавшего неосторожное преступление. Думается, речь о таком усилении должна идти лишь при одновременном соблюдении двух условий: 1) вновь совершенное неосторожное преступление является тождественным неосторожному преступлению, за которое ранее было судимо лицо; 2) последствиями совершаемых лицом неосторожных преступлений являются тяжкий вред здоровью либо смерть, причиненные человеку либо двум или более лицам. Такой подход, на наш взгляд, является абсолютно справедливым: во-первых, едва ли можно говорить о некоей неосторожной случайности, когда лицо по неосторожности совершило два абсолютно одинаковых преступления; во-вторых, повторная неосторожность одного лица, которая «так дорого» обходится обществу не может не влечь за собой более строгую реакцию государства.

Сформулированная нами формула крайне близка к специальной повторности, которая хорошо была знакома специалистам в области уголовного права ранее, до исключения из уголовного закона института неоднократности. Мы полностью солидарны с мнением Н.Ф. Кузнецовой, которая отмечает, что декриминализовать следовало лишь так называемую общую повторность, которая, действительно, влекла квалификационные ошибки (когда лицо, судимое ранее за кражу и совершившее разбой, должно было нести ответственность за повторный разбой),

при этом оставив в законе специальную повторность как один из наиболее значимых признаков для рецидивоопасных составов преступлений¹.

Однако предложенная нами концепция специальной повторности несколько уже: мы предполагаем ее распространение лишь в отношении преступлений, совершенных по неосторожности, и лишь при наличии у лица судимости за ранее совершенное тождественное неосторожное преступление. Изложенное образует такую форму множественности преступлений, как специальная повторность неосторожных преступлений.

На наш взгляд, специальная повторность неосторожных преступлений – это совершение неосторожного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное тождественное неосторожное преступление.

Почему для выделения этой формы множественности преступлений нами предложены именно такие критерии? Это связано со следующими обстоятельствами.

Повторность преступлений как форма множественности преступлений исторически была характерна российскому уголовному законодательству, о чем мы не раз говорили в историко-правовой части исследования. В настоящее время правовое значение повторности преступлений, по большому счету, утратилось. Эта форма множественности преступлений в силу своей «многогранности» в различных случаях либо «растворилась» в имеющихся сегодня в УК РФ формах множественности преступлений, либо осталась вне какой-либо из существующих ныне форм множественности преступлений.

Традиционно в научных работах повторность воспринимается как форма множественности преступлений, тесно связанная с неоднократностью преступлений. Например, В.П. Малков даже позиционирует неоднократность как часть повторности преступлений². Полагаем такое видение вполне оправданным: утратившая ныне силу статья 16 УК РФ указывала, что неоднократностью преступлений признается совершение двух или более преступлений,

---

¹ Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 98.

² Цит. по: Евстигнеев А.М. Повторность и неоднократность: в чем различия? // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1 (76). С. 71-73.

предусмотренных одной статьей или частью статьи уголовного закона. В то же время повторность преступлений позволяет включать в свой состав не только тождественные преступления (предусмотренные одной статьей либо частью статьи УК РФ), но и однородные, а также разнородные преступления¹.

С исключением из УК РФ неоднократности преступлений (статья 16 УК РФ в старой редакции) повторность как таковая не исчезла. Это связано с тем множеством проявлений, в которых эта самая повторность может выступать. В частности, повторность умышленных преступлений при наличии у лица судимости за ранее совершенное преступление охватывается рецидивом преступлений, повторность при отсутствии факта осуждения лица за ранее совершенное преступление охватывается реальной совокупностью преступлений. В некоторых случаях (к примеру, когда лицом, имеющим судимость за ранее совершенное неосторожное преступление и отбывшим наказание за это преступление, в течение срока погашения судимости совершается новое преступление, разнородное с ранее совершенным преступлением, - по сути, случай общей повторности преступлений) повторность преступлений остается вне какой-либо из существующих форм множественности преступлений. На случаях, которые не охватываются ни одной из форм множественности преступлений, мы более подробно остановимся в дальнейших частях работы после рассмотрения всех форм множественности преступлений.

Вместе с тем, в уголовном законе в настоящее время имеется единственный случай, применительно к которому повторность преступлений сохраняет свое уголовно-правовое значение, в силу чего этот случай должен быть признан существующей формой множественности преступлений. Речь идет о специальной повторности неосторожных преступлений, которая:

- охватывает только неосторожные преступления;
- формируется только тождественными преступлениями;
- имеет место при наличии судимости за ранее совершенное преступление.

---

¹ Интересным применительно к соотношению тождественных, однородных и разнородных преступлений представляется мнение Н.И. Ветрова. См. подробнее: Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997. С.70-71.

В связи с изложенным именно эти критерии выступают «фундаментом» выделяемой диссертантом формы множественности преступлений.

Попутно заметим, что первый из перечисленных критериев принципиально разграничивает рассматриваемую форму множественности с рецидивом преступлений, который не допускает учет преступлений, совершенных по неосторожности; третий – с совокупностью преступлений, которая отсутствует при наличии судимости за ранее совершенное преступление. Рассматриваемая форма множественности преступлений может пересекаться с совокупностью приговоров, однако только в том случае, когда наказание по первому приговору не отбыто либо отбыто частично на момент совершения второго преступления.

Специальная повторность неосторожных преступлений находит в настоящее время свое отражение в весьма ограниченном круге норм уголовного закона: это нормы статьи 264.1 УК РФ, где, по сути, закреплена специальная повторность по отношению к преступлениям, предусмотренным частями 2, 4, 6 статьи 264 УК РФ. Почему бы не распространить такую практику на статью 264 УК РФ в целом (то есть учесть не только случаи, когда лицо находится в состоянии опьянения, но и когда лицо в обычном состоянии снова нарушает правила дорожного движения, и уж, тем более, когда такое нарушение снова влечет летальный исход или тяжкий вред здоровью человека)? Или, например, не включить специальную «повторность» в нормы статьи 109 УК РФ, в частности, когда лицо, имеющее судимость за преступление, предусмотренное частью 2 статьи 109 УК РФ, снова причиняет по неосторожности смерть человеку вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей? Полагаем, законодателю стоит подумать о возможности восприятия уголовным законом такой идеи.

К тому же, изложенная выше идея получила признание в рамках проведенного диссертантом анкетирования: почти 78% респондентов сочли оправданным дальнейшее расширение института специальной «повторности» в отношении некоторого, ограниченного числа неосторожных преступлений с применением подхода, подобного уже реализованному законодателем в статье 264.1 УК РФ; в

свою очередь, более консервативным в этом аспекте было лишь чуть более 21% опрошенных.

Итак, специальная повторность неосторожных преступлений – та форма множественности преступлений, которая также была выделена нами в системе форм и видов множественности преступлений (стр. 72-73) в качестве отдельной. Речь идет о проявлении этой формы множественности преступлений только в Особенной части УК РФ.

К нашему сожалению, в Особенной части УК РФ пока закреплено лишь одно проявление специальной повторности неосторожных преступлений – как уже упоминалось, это статья 264.1 УК РФ. Таким образом, специальная повторность неосторожных преступлений в настоящее время охватывает одну главу УК РФ, а именно, преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Почему мы позиционируем специальную повторность неосторожных преступлений в качестве обособленной формы множественности преступлений? Прежде всего, в связи с тем, что данная форма соответствует всем признакам, сформулированным нами в понятии множественности преступлений (стр. 64 диссертации). Кроме того, эта форма множественности преступлений фактически признана законодателем, выразившим ее в конкретной уголовно-правовой норме, и имеет очевидную практическую значимость, выраженную в предусмотренной законом в отношении нее повышенной ответственности (наличие в содеянном специальной повторности неосторожных преступлений в рассматриваемом случае влечет более высокую ответственность виновного по отношению к санкциям состава того или иного неосторожного преступления при отсутствии специальной повторности). Более того, специальная повторность неосторожных преступлений имеет очевидные отличия от совокупности преступлений и рецидива преступлений, при этом лишь в одном упомянутом ранее случае может пересекаться с совокупностью приговоров, что свидетельствует о достаточной автономности этой формы множественности. И, наконец, статистические данные свидетельствуют о том, что данная форма множественности имеет достаточную распространенность на практике: так, по статье 264.1 УК РФ за 2017 год в общей

сложности были осуждены 72125 человек, что составляет около 10,4% от общего числа осужденных за указанный период.

Еще один необходимый к обсуждению нюанс – почему специальная повторность неосторожных преступлений – именно форма множественности преступлений, а не ее вид? В чем выражается автономность этой формы, позволяющая отграничить ее от иных форм? Автономность этой формы говорит сама за себя: ни одна из форм множественности преступлений настолько не отделена от остальных – только специальная повторность неосторожных преступлений как форма множественности преступлений вынесена за рамки Общей части уголовного закона и помещена в Особенную часть. Более того, только специальная повторность неосторожных преступлений, как мы уже указывали, имеет правовое значение и практическую значимость в отличие от иных проявлений повторности преступлений, которые в настоящее время эту значимость утратили, «растворившись» в иных существующих формах множественности преступлений, либо оказавшись вообще вне этих форм. И поскольку авторское видение системы форм и видов множественности неотрывно связано с действующими нормами УК РФ, и не учитывать их фактическое содержание диссертант не вправе, обязуясь зафиксировать существующее состояние института множественности преступлений в уголовном законе, полагаем обоснованным признание формой множественности преступлений лишь одно проявление повторности преступлений, а именно, специальной повторности неосторожных преступлений.

Следовательно, полагаем, нет сомнений в том, что специальную повторность неосторожных преступлений надлежит рассматривать в качестве формы множественности преступлений, характерной исключительно для Особенной части УК РФ.

Ранее в нашем исследовании мы высказывали идею о необходимости постепенного расширения присутствия специальной повторности неосторожных преступлений в уголовном законе. Помимо данного предложения, думается, стоит

сформулировать еще один значимый вывод, касающийся вопроса о специальной повторности неосторожных преступлений.

Констатируя факт автономности специальной повторности неосторожных преступлений среди других форм множественности преступлений, подумаем, а необходимо ли в этой связи выделить понятие специальной повторности неосторожных преступлений в Общей части уголовного закона? Думается, необходимости в этом нет, поскольку, как мы отмечали ранее, специфику этой формы множественности преступлений, по большей части, как раз и составляет факт ее расположения в уголовном законе абсолютно отдельно от других форм множественности преступлений – в Особенной части УК РФ. Если мы поместим специальную повторность неосторожных преступлений (хоть и частично – только в виде понятия) в Общую часть УК РФ, она в некоторой степени потеряет свою уникальность, к тому же, излишняя терминология может информативно «перегрузить» Общую часть уголовного закона. Более того, наличие понятия какого-либо из проявлений повторности преступлений в Общей части УК РФ может привести правоприменителей к некорректным умозаключениям о своего рода возврате в уголовный закон неоднократности преступлений (в силу тесной связи этих форм множественности, о которых мы упоминали ранее). Таким образом, считаем, что проявления формы специальной повторности неосторожных преступлений в конкретных нормах Особенной части УК РФ вполне достаточно для эффективной применимости указанных норм на практике. В то же время, идея отказа от включения термина «специальная повторность неосторожных преступлений» в Общую часть уголовного закона будет способствовать сохранению «стройной» системы норм Общей части УК РФ и профилактике гипотетически возможных в будущем противоречий между этими нормами в сознании правоприменителей.

С другой стороны, отсутствие понятия специальной повторности неосторожных преступлений в уголовном законе не вызывает каких-либо трудностей и проблемных вопросов в правоприменительной практике. Главным вопросом в этой связи выступает лишь вопрос о том, на какие неосторожные

преступления целесообразно распространять нормы о специальной повторности. На наш взгляд, законодатель в данном аспекте всегда должен исходить из конкретно имеющейся в определенный период времени криминологической обстановки, позволяющей выявлять наиболее рецидивоопасные составы преступлений.

По итогам рассмотрения специальной повторности неосторожных преступлений как формы множественности преступлений мы вправе сделать следующие выводы:

1) Специальная повторность неосторожных преступлений – это совершение неосторожного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное тождественное неосторожное преступление.

2) Специальная повторность неосторожных преступлений является автономной формой множественности преступлений, характерной исключительно для Особенной части уголовного закона и обладающей своими специфическими чертами, в том числе, высокой практической значимостью и достаточной распространенностью.

3) Распространение специальной повторности неосторожных преступлений необходимо лишь в отношении тех неосторожных преступлений, последствиями которых являются тяжкий вред здоровью либо смерть, причиненные человеку либо двум или более лицам.

§5 Уголовно-правовая характеристика совокупности приговоров

Формируя систему форм и видов множественности преступлений (стр. 72-73 диссертационного исследования), мы выделили в качестве отдельной формы совокупность приговоров. Рассмотрим подробнее основания выделения совокупности приговоров в качестве формы множественности преступлений, а также сущность данной формы множественности преступлений.

Традиционно в научных исследованиях совокупность приговоров в качестве обособленной формы множественности преступлений не воспринимают, оправдывая это различными обоснованиями. В частности, Т.Г. Черненко, полагая, что классификация форм множественности преступлений будет безупречной лишь при условии взаимоисключаемости этих форм, отвергает совокупность приговоров в качестве такой формы в связи с ее возможным пересечением с рецидивом преступлений, а также на основании этимологического («совокупность приговоров» могут образовывать только приговоры, а «множественность преступлений» образуют только преступления) и сущностного (совокупность приговоров представляет собой лишь специальные правила назначения наказания при множественности преступлений) критериев¹; Е.А. Борисенко, рассуждая о том, что структурным элементом множественности преступлений является именно преступление, а наказание при этом – следствие содеянного, считает, что признание совокупности приговоров формой множественности приведет к неизбежному смешению данных понятий, а также к смешению совокупности приговоров и рецидива преступлений²; в свою очередь, Ф.С. Бражник, критикуя совокупность приговоров как форму множественности преступлений, указывает, что в правилах назначения наказания в соответствии со статьей 70 УК РФ акцент больше сделан на отражении в поведении осужденного более высокой общественной опасности личности преступника, нежели на

---

¹ Черненко Т. Формы множественности преступлений // Уголовное право. 2008. № 4. С. 54-58. Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву. – Кемерово, Кузбассвуиздат, 2007. С. 76-78.

² Борисенко Е.А. Назначение наказания при множественности преступлений (ст. 68, 69 УК РФ): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 16-17.

содеянном им¹; Д.М. Молчанов признает совокупность приговоров одной из разновидностей множественности преступлений, при этом считая оправданным отсутствие описания данной разновидности в уголовном законе в связи с тем, что совокупность приговоров, как правило, не имеет значения для квалификации деяния².

Как же мы можем возразить вышеуказанным ученым? Действительно, совокупность приговоров может «пересекаться» с рецидивом преступлений: так происходит, например, в случае совершения нового преступления лицом, имеющим судимость, признаваемую при определении рецидива преступлений, до полного отбытия им наказания по прошлому приговору; в то же время, возможны «пересечения» с совокупностью преступлений – в случае совершения лицом до полного отбытия наказания по первому приговору нового деяния, которое соответствует признакам идеальной совокупности преступлений; совокупность приговоров может «пересекаться» и со специальной повторностью неосторожных преступлений (мы упоминали, что это происходит, например, когда тождественное неосторожное преступление совершено лицом, которым не отбыто, либо отбыто частично наказание по предыдущему приговору).

В то же время полагаем, что для понимания сущности совокупности приговоров совершенно недостаточно знания о возможном смешении в содеянном лицом совокупности приговоров и иных форм множественности преступлений.

В противовес противникам включения совокупности приговоров в перечень форм множественности преступлений считаем необходимым отметить следующее: как справедливо отмечает профессор В.П. Малков, проблема множественности преступлений «обедняется», если следовать подходу о не включении в число ее вопросов совокупности приговоров³.

---

¹ Цит. по: Шкредова Э.Г. Формы множественности преступлений в современной уголовно-правовой доктрине // Журнал российского права. 2012. № 9. С. 50-54.

² Молчанов Д.М. Указ. соч. С. 107 - 118.

³ Малков В. К вопросу о формах и видах множественности преступлений по уголовному праву России // Уголовное право. 2009. N 1. С. 30 - 38.

Во-первых, этимология этого термина, возможно, приведет нас к представлению о том, что наименование «совокупность приговоров» не совсем удачно. Пожалуй, это действительно так, однако лучшее обозначение для данной формы множественности представить довольно затруднительно, ведь не использовать же в уголовном законе такие громоздкие конструкции, как, например, «совершение лицом нового преступления при наличии неотбытого наказания либо части наказания по прошлому приговору»? Такой путь задачи уголовного закона не решит, приведет к излишней «загруженности» уголовно-правовых норм и усложнению жизни правоприменителей, поэтому признать состоятельным аргументом критики совокупности приговоров как формы множественности преступления обращение к этимологии термина мы не можем.

Во-вторых, далеко не всегда признаки иных форм множественности преступлений существуют одновременно с признаками совокупности приговоров, скорее даже, эти ситуации в большей степени являются исключениями из общего правила. Иначе (при игнорировании совокупности приговоров как формы множественности преступлений) не охваченными ни одной из форм множественности преступлений станут, к примеру, ситуации совершения нового преступления лицом после провозглашения ему прошлого обвинительного приговора, но до вступления его в законную силу; или ситуации совершения нового разнородного преступления лицом, имеющим судимость, не учитываемую при рецидиве преступлений, при наличии у него неотбытого наказания либо его части по прошлому приговору суда; или ситуации совершения нового преступления лицом, которому в связи с этим фактом отменяется условное осуждение по прошлому приговору, и др. Все эти ситуации относятся исключительно к совокупности приговоров без признаков какой-либо другой формы множественности преступлений.

Факт автономного существования совокупности приговоров подтверждается и наличием обратных случаев, когда имеют место только совокупность преступлений, либо только рецидив преступлений, либо только специальная повторность неосторожных преступлений, а признаки совокупности приговоров

отсутствуют. К тому же, как мы выяснили ранее, для остальных форм множественности также характерны, хоть и редкие, но случаи «пересечения» форм множественности друг с другом, что не мешает им оставаться автономными.

Т.Г. Черненко, которую мы ранее упоминали в качестве противника выделения совокупности приговоров как автономной формы множественности, в своем диссертационном исследовании совершенно справедливо указывает: «формы множественности преступлений должны быть выделены таким образом, чтобы они отражали своеобразие общественной опасности деяний, составляющих множественность преступлений, и лиц, чьи деяния образуют множественность преступлений¹». Следовательно, исключение совокупности приговоров из числа форм множественности преступлений не позволит отразить то самое «своеобразие», на основе которого формируется система форм множественности преступлений.

Таким образом, никакого смешения совокупности приговоров и остальных форм множественности преступлений не происходит, каждая из этих форм обладает своим индивидуальным набором признаков, делающих ее независимой от другой, при этом такой подход наблюдается в научных трудах целого ряда исследователей².

В-третьих, доводы критиков о том, что совокупности приговоров не принадлежит звание формы множественности преступлений в связи тем, что она не имеет значения для квалификации и сфокусирована только на повышенной общественной опасности личности виновного, не являются состоятельными, поскольку значение для квалификации никогда не выделялось в доктрине в качестве признака формы множественности преступлений, кроме того, рецидив преступлений и специальная повторность неосторожных преступлений тоже в

---

¹ Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву: Дис. ... д-ра юрид. наук. Кемерово, 2001. С. 106.

² Чернова Т., Малков В. Назначение наказания по совокупности приговоров // Российская юстиция. 1999. № 10. С. 46-48. Шкрядова Э.Г. Современное состояние института множественности преступлений // Современное право. 2004. № 10. С. 62-66. Малков В. К вопросу о формах и видах множественности преступлений по уголовному праву России // Уголовное право. 2009. N 1. С. 30 - 38. Возжанникова И.Г. Указ. соч. С. 20. Иногамова-Хегай Л.В. Указ. соч. С. 100.

значительной степени отражают общественную опасность личности преступника, что не мешает существованию и признанию этих форм в качестве полноценных форм множественности преступлений.

На стр. 71 диссертационного исследования нами сформулировано понятие формы множественности преступлений, под которой нами предлагается понимать способ выражения уголовно-правового явления множественности преступлений, раскрывающий ее сущность и обладающий комплексом характеристик, позволяющим признать автономность такого способа выражения и отграничить его от иных форм множественности преступлений. Наблюдается ли в воспроизведенном понятии такой критерий выделения формы множественности преступлений, как критерий значения для квалификации? Такого критерия здесь нет. Почему этот критерий нами в понятие не включен? Это связано с тем, что в настоящее время по-прежнему окончательно не поставлена точка в вопросе о том, каково же всё-таки основное предназначение института множественности преступлений в уголовном праве.

Первым трем рассмотренным нами формам множественности преступлений, действительно, была свойственна очевидная практическая значимость, выраженная в необходимости усиления ответственности при идентификации в содеянном соответствующей формы множественности преступлений. Некоторые ученые предлагают признать, что приоритетом множественности преступлений является именно усиление ответственности в случаях, когда в поведении лица «встречаются» несколько преступлений¹.

Мы, в свою очередь, с такой постановкой вопроса о предназначении множественности преступлений согласны лишь отчасти: если сконцентрироваться исключительно на вопросе об усилении ответственности при наличии той или иной формы множественности, на второй план уйдет выражение «своеобразия» общественной опасности деяний, составляющих множественность преступлений, и лиц, чьи деяния ее образуют. Такое «своеобразие» должно быть

---

¹ Коротких Н.Н. Совокупность приговоров в системе множественности преступлений // Проблемы права. 2013. № 1 (39). С. 159-161.

всеобъемлющим и ограничиваться лишь существующими нормами уголовного закона. То есть, лозунг выделения форм множественности преступлений, думается, должен выглядеть следующим образом: нет автономной формы множественности преступлений без указания на это в законе. При этом «указывать» на это законодатель может как прямо и буквально (как в случаях с совокупностью преступлений и рецидивом преступлений), так и косвенно, своими действиями в виде включения в нормы уголовного закона соответствующих ситуаций, которые могут либо влечь усиление ответственности (как в случае со специальной повторностью неосторожных преступлений), либо предусматривать иные специфические механизмы законодательного воздействия при наличии в содеянном такой формы множественности преступлений (для совокупности приговоров такой механизм выражен в особом порядке назначения наказания).

Таким образом, критерий значения для квалификации при выделении той или иной формы множественности преступлений обязательным не является, и применительно к некоторым формам множественности может не работать.

В-четвертых, совокупность приговоров обладает всеми признаками множественности преступлений и соответствует сформулированному нами понятию множественности преступлений (стр. 64 диссертационного исследования). Все признаки, присущие множественности преступлений в целом, присущи и совокупности приговоров как ее форме.

И, наконец, в-пятых, отрицание совокупности приговоров как формы множественности преступлений, отсутствие законодательного понятия данной формы множественности влекут возникновение неясностей в процессе правоприменения. Так, В. Малков и Т. Чернова в качестве примера приводят следующую ситуацию, имевшую место до марта 2010 года (до внесения в уголовный закон соответствующих изменений)¹: в соответствии с действовавшей на тот момент редакцией части 1 статьи 189 УИК РФ, испытательный срок при условном осуждении исчислялся с момента вступления приговора в законную

---

¹ Чернова Т., Малков В. Назначение наказания по совокупности приговоров // Российская юстиция. 2001. № 8. С. 68-69.

силу. В комплексе с нормами частей 4, 5 статьи 74 УК РФ, регламентировавшими вопросы порядка назначения наказания по совокупности приговоров условно осужденным, совершившим новое преступление, эта ситуация создавала недопонимание по вопросу о том, не следует ли считать совокупностью приговоров совершение нового преступления условно осужденным лишь после вступления первого приговора в законную силу? При этом как назначать наказание в этой ситуации, ведь тут не могут быть применены ни правила части 1 статьи 69 УК РФ, ни правила части 5 статьи 69 УК РФ, ни правила статьи 68 УК РФ? Высокие статистические показатели уровня совершения новых преступлений условно осужденными в течение испытательного срока и отсутствие понятия совокупности приговоров в уголовном законе только усугубляли данную ситуацию. К счастью, в 2010 году эта проблема была решена путем внесения в статьи 73 УК РФ, 74 УК РФ, 189 УИК РФ соответствующих изменений¹, провозгласивших, что в испытательный срок засчитывается время, прошедшее со дня провозглашения приговора, а также разъяснивших, что правила статьи 70 УК РФ применяются и в случае совершения нового преступления условно осужденным до вступления в силу первого приговора. Однако, по нашему мнению, рассмотренный случай является показательным с точки зрения того, какое важное значение для уголовного закона играет совокупность приговоров, и какие неразрешимые проблемы иногда влечет или может повлечь в будущем недооценка либо неправильное понимание законодателем и правоприменителем сущности этого института.

На основании вышеизложенного мы убеждены, что совокупность приговоров является полноценной формой множественности преступлений наравне с совокупностью преступлений, рецидивом преступлений и специальной повторностью неосторожных преступлений. Кроме того, эта форма в достаточной степени распространена на практике: так, по данным за 2017 год, 102910 человек на момент судебного рассмотрения не отбыли наказание по последней

---

¹ Указанные изменения были внесены Федеральным законом от 29.03.2010 N 33-ФЗ "О внесении изменений в статьи 73 и 74 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 189 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации" // "Российская газета", N 66, 31.03.2010

судимости¹, что составляет около 15% от общего числа лиц, осужденных за указанный период.

Завершая анализ совокупности приговоров как формы множественности преступлений, считаем необходимым отметить, что уголовному закону необходима дефиниция данной формы множественности. Формулировка новой статьи 18¹ УК РФ, на наш взгляд, должна выглядеть следующим образом: *Совокупностью приговоров признается совершение лицом нового преступления во время либо после провозглашения ему обвинительного приговора за ранее совершенное преступление (преступления) до полного отбытия им наказания, назначенного по этому приговору.* В сформулированном понятии отражены все существенные характеристики совокупности приговоров, что позволит в будущем избежать возникновения в практике проблемных ситуаций, касающихся разночтений в понимании сущности этого института.

Конечное ограничение совокупности приговоров именно моментом полного отбытия наказания связано с тем, что случаи условного осуждения, условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания, отсрочки отбывания наказания не являются случаями, признаваемыми полным отбытием наказания, в соответствии с правовой позицией, изложенной в пункте 55 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»². Аналогично полным отбытием наказания не может являться и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Следовательно, предложенная авторская формулировка понятия совокупности приговоров охватит все эти случаи, не оставив их без внимания.

Полагаем, сформулированное нами понятие также дает повод к обсуждению следующего нюанса: ранее (стр. 77 диссертационного исследования) мы указывали, что «разделительным барьером» между совокупностью преступлений

---

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации <<http://www.cdep.ru/index.php?id=79>> (последнее посещение – 06 мая 2018 г.).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. N 58 "О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания" // "Российская газета", N 295, 29.12.2015.

и совокупностью приговоров выступает факт провозглашения приговора, с которым, по сути, и связывается момент осуждения лица. Мы же в приведенном понятии умышленно распространяем совокупность приговоров и на тот небольшой промежуток времени, когда обвинительный приговор лишь начинает оглашаться судьей, до момента окончания его провозглашения. В связи с чем нами сделано такое отступление? Изложенная позиция вызвана, прежде всего, чисто «техническим» процессуальным аспектом: в силу положений части 2 статьи 303 УПК РФ, части 1 статьи 310 УПК РФ приговор составляется и подписывается судьей/судьями еще в совещательной комнате, и лишь после этого судья/судьи возвращаются в зал судебных заседаний, и приговор провозглашается. Если следовать буквальному толкованию указанных норм, с момента подписания судьями обвинительного приговора до момента его провозглашения лицо технически уже осуждено, в приговор никаких изменений внесено уже быть не может (не считая согласованных между всеми судьями и подписанных ими в совещательной комнате до провозглашения приговора исправлений). И уж тем более, внесение таких изменений невозможно, когда обвинительный приговор уже начал провозглашаться. Это значит, что с момента начала оглашения обвинительного приговора факт осуждения лица просто неизбежен. К тому же, совершение лицом, по сути, не дослушавшим провозглашаемый приговор, нового преступления очевидно свидетельствует о повышенной общественной опасности такого лица, что, полагаем, должно сопровождаться применением к такому лицу неблагоприятных уголовно-правовых последствий в виде применения к нему именно правил о совокупности приговоров (квалификация в будущем деяний такого лица по совокупности преступлений видится нам в этой связи нелогичной).

Предложенная формулировка совокупности приговоров также не будет противоречить установленной в статье 49 Конституции презумпции невиновности, поскольку факт провозглашения обвинительного приговора сам по себе не повлечет признания виновности лица в содеянном до момента вступления указанного приговора в законную силу. При этом в случае, если обвинительный приговор, во время либо после провозглашения которого лицо совершило новое

преступление, впоследствии будет обжалован и отменен, самоустранится и факт наличия в содеянном совокупности приговоров, и, в зависимости от фактических обстоятельств дела, квалификация будет пересмотрена либо на совокупность преступлений, либо даже без применения совокупности преступлений.

Рассмотрев в нашем исследовании все основные формы множественности преступлений (совокупность преступлений, рецидив преступлений, специальная повторность неосторожных преступлений, совокупность приговоров), мы непременно должны задаться вопросом, а встречаются ли на практике ситуации, которые не подпадают ни под одну из указанных форм множественности преступлений?

Ответ на этот вопрос будет положительным. Представим такой случай: лицо совершило преступление по неосторожности, в качестве наказания за которое судом был назначен штраф. Указанный штраф был оплачен лицом в полном объеме, в связи с чем наказание можно считать полностью отбытым. В период до погашения судимости за совершенное преступление это лицо совершает новое преступление, на этот раз умышленное, скажем, угон (статья 166 УК РФ). Итак, лицом совершено два преступления. Имеется ли в содеянном какая-либо форма множественности преступлений? Пожалуй, нет. Ведь мы не найдем в вышеописанном случае ни признаков совокупности преступлений (новое преступление совершено после осуждения за прошлое), ни признаков рецидива преступлений (судимость за неосторожное преступление при определении рецидива преступлений не учитывается), ни признаков специальной повторности неосторожных преступлений (второе совершенное преступление является умышленным), ни признаков совокупности приговоров (наказание по прошлому приговору полностью отбыто).

В чем же здесь проявляется явление множественности преступлений, и имеется ли повод говорить в этом случае о наличии какой-либо особой формы множественности преступлений? Некоторые исследователи аналогии такой отдельной формы в своих авторских классификациях выделяют, именуя ее

похожим образом: так, например, в классификации В.П. Малкова это «совершение нового преступления при наличии судимости, не учитываемой при признании рецидива»¹; в классификации Т.Г. Черненко – «совершение преступления лицом, имеющим судимость, при отсутствии признаков рецидива»². При этом сущность приведенных понятий видится ученым по-разному: Т.Г. Черненко, которая отрицает самостоятельное значение совокупности приговоров как формы множественности преступлений, полагает, что и в этом случае наказание назначается по совокупности приговоров; в свою очередь, В.П. Малков, включая в классификацию форм множественности преступлений и совокупность приговоров, думается, подразумевает в приведенном наименовании примеры, подобные представленному нами выше.

Сущность нашего и иных аналогичных примеров, как нам кажется, проявляется в том, что судимость, которая не может быть учтена при признании в содеянном рецидива преступлений, и при условии, что наказание по этой судимости в полном объеме отбыто, может быть учтена только в качестве обстоятельства, характеризующего личность виновного в отсутствие признаков какой-либо из форм множественности преступлений. Аналогичным образом следует поступать и в отдельных случаях проявления повторности преступлений, когда их невозможно отнести ни к одной из форм множественности преступлений (о которых мы упоминали в параграфе 4 главы 2 исследования).

Несмотря на то, что ряд ученых позиционирует такие примеры в качестве особой формы множественности преступлений, и эти примеры в целом соответствуют внешним признакам множественности преступлений, мы полагаем, что выделять такую форму множественности преступлений нецелесообразно по нижеперечисленным основаниям.

Во-первых, как мы уже отмечали, считаем, что выделение той или иной формы множественности преступлений всегда должно быть сопровождено выражением ее в законе (будь то прямо и буквально; будь то косвенно, в виде

---

¹ Малков В. К вопросу о формах и видах множественности преступлений по уголовному праву России // Уголовное право. 2009. № 1. С. 30 - 38.

² Черненко Т. Формы множественности преступлений // Уголовное право. 2008. № 4. С. 54-58.

молчаливого включения в нормы соответствующих ситуаций, которые могут как иметь значение для квалификации (в виде повышенной ответственности), так его и не иметь в связи с наличием иных механизмов законодательного воздействия). В рассматриваемых случаях этого не наблюдается: уголовный закон такие ситуации ни прямо, ни косвенно не предусматривает; не применяет для них какого-либо усиления ответственности (за исключением косвенной возможности учета прошлой судимости в качестве обстоятельства, характеризующего личность виновного) или иных механизмов законодательного воздействия. Это вполне обоснованная мера: лицо в полном объеме понесло назначенное по прошлому приговору наказание, рецидива преступлений либо повторности преступлений, влекущей усиление ответственности, равно как и особого порядка назначения наказания закон для такой ситуации не предусмотрел, следовательно, и отдельная реакция на содеянное со стороны уголовного закона в виде признания в этом множественности преступлений ни к чему.

Во-вторых, крайне невысокая распространенность на практике учета прошлой судимости в качестве обстоятельства, характеризующего личность виновного, в этих случаях также свидетельствует о недостаточной степени признания их в юридическом сообществе в качестве автономной формы множественности преступлений. Так, из десяти выборочно исследованных судебных актов из различных регионов Российской Федерации за различные периоды времени лишь в одном¹ был обнаружен факт учета судом при назначении наказания прошлой судимости, не учитываемой при рецидиве преступлений, в качестве обстоятельства, характеризующего личность виновного, что составляет всего 10% от общего числа. Остальные же акты² лишь констатировали, что такого рода

---

¹ Кассационное определение Верховного Суда Республики Тыва от 29 августа 2012 г. по делу в отношении Пятибратова В.Е. <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 06 мая 2018 г.).

² Приговор Воскресенского районного суда Нижегородской области от 2 ноября 2011 г. по делу № 1-40/2011 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 06 мая 2018 г.), приговор Курчатковского городского суда Курской области от 26 мая 2011 г. по делу в отношении Шувырина А.Н. и Кесаева Т.А. <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 06 мая 2018 г.), приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 25 апреля 2013 г. по делу в отношении Иванова Р.В. и Лыхина Я.И. <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 06 мая 2018 г.), приговор Волжского городского суда Волгоградской области от 6 февраля 2013 г. по делу № 1-208/2013 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 06 мая 2018 г.), приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан от 13 октября 2015 г. по делу № 1-490/2015 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 06 мая 2018 г.), апелляционное постановление Московского областного суда от 13 января 2015 г. по делу № 22-8055/2014

судимости не учитываются при определении рецидива преступлений, при этом факт наличия таких судимостей в назначаемом наказании отражен не был.

Иными словами, полагаем, что предложенная нами выше ситуация и аналогичные ей в качестве формы множественности преступлений рассматриваться не должны.

Проанализировав уголовно-правовые характеристики совокупности приговоров, мы можем сформулировать следующие основные выводы:

- 1) Совокупность приговоров является полноценной формой множественности преступлений наравне с совокупностью преступлений, рецидивом преступлений и специальной повторностью неосторожных преступлений.
- 2) Разночтения в понимании сущности совокупности приговоров могут повлечь возникновение проблемных вопросов в правоприменительной практике, в связи с чем уголовному закону необходима дефиниция данной формы множественности. Формулировка новой статьи 18¹ УК РФ должна выглядеть следующим образом: *Совокупностью приговоров признается совершение лицом нового преступления во время либо после провозглашения ему обвинительного приговора за ранее совершенное преступление (преступления) до полного отбытия им наказания, назначенного по этому приговору.*
- 3) Признаком выделения той или иной формы множественности преступлений всегда должно быть выражение ее в законе (будь то прямо и буквально; будь то косвенно, в виде молчаливого включения в нормы соответствующих ситуаций, которые могут как иметь значение для квалификации (в виде повышенной ответственности), так его и не иметь в связи с наличием иных механизмов законодательного воздействия – например, особого порядка назначения наказания).

<<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 06 мая 2018 г.), приговор Кировского районного суда Приморского края от 1 июня 2016 г. по делу № 1-101/2016 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 06 мая 2018 г.), приговор Красногорского районного суда г. Каменск-Уральского Свердловской области от 3 февраля 2016 г. по делу № 1-438/2015 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 06 мая 2018 г.), приговор Кораблинского районного суда Рязанской области от 30 ноября 2017 г. по делу № 1-58/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 06 мая 2018 г.).

§ 6 Уголовно-правовой анализ конструкций множественного совершения деяний в российском уголовном праве

Формируя авторское представление о системе форм и видов множественности преступлений (стр. 72-73 диссертационного исследования), мы выделили помимо непосредственно форм и видов множественности преступлений очень схожие по своей природе уголовно-правовые явления, которые мы обозначили как конструкции множественного совершения деяний. К ним мы отнесли четыре такие конструкции, а именно: неоднократность; неоднократность, комбинированная с административной преюдицией; административная преюдиция; систематичность.

Полагаем, для начала необходимо рассмотреть сущность выделенной нами группы конструкций, обозначив ее основные признаки.

Во-первых, для рассматриваемых конструкций характерна внешняя схожесть с большинством из ранее изученных нами форм множественности преступлений, которая выражается в том, что каждая из этих конструкций складывается из нескольких (двух или более) действий (актов бездействия), тем самым, возможно сказать, что деяниям, обозначенным в уголовном законе с применением одной из таких конструкций, присуще множественное совершение.

Во-вторых, несмотря на внешнюю схожесть с институтом множественности преступлений, данные конструкции формами множественности преступлений не являются, вследствие того, что сами по себе действия (акты бездействия), образующие уголовно наказуемое деяние, при обозначении которого в уголовном законе была применена та или иная конструкция из числа перечисленных выше, не являются преступлениями. Это означает, что если мы возьмем каждое из этих действий (актов бездействия) по отдельности, найти в нем все признаки преступления нам не удастся, однако если мы посмотрим на цепь этих действий (актов бездействия) в комплексе, мы получим преступление. Таким образом, каждая из конструкций множественного совершения деяний в отличие от форм множественности преступлений формирует состав лишь одного преступления.

В-третьих, каждой конструкции множественного совершения деяний присущ свой прием либо комбинация приемов законодательной техники, за счет которого она приобретает свою автономность по отношению к другим таким конструкциям (так, например, языковые приемы законодательной техники характерны для конструкций неоднократности и систематичности – использование в норме терминов «неоднократно», «систематически»; в то время как для административной преюдиции характерен технико-юридический прием – формирование состава преступления через элементы преюдициальности; для неоднократности, комбинированной с административной преюдицией, – комбинирование языковых и технико-юридических приемов).

В-четвертых, все конструкции множественного совершения деяний расположены исключительно в Особенной части УК РФ путем включения в соответствующие составы преступлений, мы не найдем этих уголовно-правовых явлений в Общей части уголовного закона.

Исходя из вышеизложенного, к основным признакам конструкций множественного совершения деяний следует относить: 1) внешнее сходство с элементами института множественности преступлений, выражающееся в наличии признака множественного совершения; 2) сформированность одним преступлением как внутренний признак, позволяющий разграничить конструкции множественного совершения деяний и формы множественности преступлений; 3) автономизация за счет применения того или иного приема/комбинации приемов законодательной техники; 4) наличие исключительно в конкретных составах преступлений в Особенной части УК РФ.

Итак, конструкция множественного совершения деяний – это уголовно-правовое явление, внешне сходное с элементами института множественности преступлений, обладающее признаком множественного совершения, но при этом за счет определенного приема либо комбинации приемов законодательной техники формирующее состав лишь одного преступления.

Конструкция неоднократности на сегодняшний день применена в двух статьях УК РФ, к которым относятся статья 154 УК РФ («Незаконное усыновление

(удочерение)») и статья 180 УК РФ («Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)»).

Конструкцию неоднократности, комбинированной с административной преюдицией, в настоящее время возможно встретить в шести статьях уголовного закона: статья 151.1 УК РФ («Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции»), статья 157 УК РФ («Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей»), статья 171.4 УК РФ («Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции»), статья 212.1 УК РФ («Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования»), статья 215.4 УК РФ («Незаконное проникновение на охраняемый объект»), часть 2 статьи 314.1 УК РФ («Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений»).

В свою очередь, конструкция административной преюдиции наблюдается в четырех статьях УК РФ, а именно: статья 116.1 УК РФ («Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию»), статья 158.1 УК РФ («Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию»), статья 264.1 УК РФ («Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию»); статья 284.1 УК РФ («Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности»). Уникальной особенностью преступления, предусмотренного статьей 264.1 УК РФ, является сочетание в нормах этой статьи как признаков специальной повторности неосторожных преступлений (ранее мы об этом упоминали), так и признаков административной преюдиции.

Наконец, конструкция систематичности применена в следующих статьях уголовного закона: статья 117 УК РФ («Истязание»), статья 151 УК РФ («Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий»), статья 232 УК РФ («Организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов»), статья 241 УК РФ («Организация занятия проституцией»). Следовательно, таких статей в УК РФ четыре.

Рассмотрим статистические показатели каждой из анализируемых конструкций. Так, суммарное число лиц, осужденных за 2017 год по статьям, где применена конструкция неоднократности, составляет 202 человека¹ (примерно 0,03% от общего числа осужденных за указанный период). В то же время суммарное число лиц, осужденных за 2017 год по статьям, где применена конструкция неоднократности, комбинированной с административной преюдицией, составляет 43954 человека (6,3% от общего числа осужденных за указанный период). В свою очередь, суммарное число лиц, осужденных за 2017 год по статьям, где применена конструкция административной преюдиции, составляет 73680 человека (около 10,6% от общего числа осужденных за указанный период). И, наконец, суммарное число лиц, осужденных за 2017 год по статьям, где применена конструкция систематичности, составляет 3349 человек (порядка 0,5% от общего числа осужденных за указанный период).

Следовательно, суммарный объем конструкций множественного совершения деяний в общем объеме судимости за 2017 год составляет 17,43%. Полагаем, этот показатель довольно высок, в особенности, если учитывать тот небольшой перечень статей уголовного закона, где применены рассматриваемые конструкции. Это означает, что на практике конструкции множественного совершения деяний распространены на достаточном уровне, сопоставимом или даже чуть выше уровня распространенности некоторых форм множественности преступлений, которые мы изучили ранее, в частности, совокупности приговоров

---

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации <<http://www.cdep.ru/index.php?id=79>> (последнее посещение – 13 мая 2018 г.).

и специальной повторности неосторожных преступлений. Этот факт лишний раз доказывает значимость изучения данных конструкций.

Остановимся на основных проблемных вопросах, присущих каждой из анализируемых конструкций.

Как мы обозначили ранее, конструкция неоднократности в настоящее время использована лишь в двух статьях уголовного закона. А ведь до относительно недавнего времени (до 2003 года) неоднократность выступала в качестве одной из форм множественности преступлений, наравне с совокупностью и рецидивом преступлений присутствовала в Общей части УК РФ. Такое резкое сокращение присутствия неоднократности в уголовном законе было связано, прежде всего, с тем, что неоднократность в том виде, в котором она существовала тогда, нередко пересекалась с совокупностью преступлений либо рецидивом преступлений, тем самым внося некоторую неясность в общий строй системы форм множественности преступлений. Однако почему неоднократность не в полном объеме пропала из уголовного закона и в несколько модифицированном виде появилась в некоторых нормах Особенной части УК РФ?

Полагаем, ответ на этот вопрос кроется в понимании того, что неоднократность как форма множественности преступлений далеко не одно и то же с неоднократностью как конструкцией множественного совершения деяний. Следовательно, появление в статьях 154 и 180 УК РФ этой конструкции не следует позиционировать как возвращение в уголовный закон неоднократности как формы множественности преступлений. Однако некоторые исследователи делают именно так, в результате чего их умозаключения неизбежно приводят этих авторов к мыслям о наличии коллизии в отношении неоднократности, имеющейся в статьях 154, 180 УК РФ, в ее соотношении со статьей 17 УК РФ: в частности, А.И. Сорокин, отмечая факт упразднения неоднократности как формы множественности и как квалифицирующего признака, ссылается на появление неоднократности как признака основного состава в статьях 154 и 180 УК РФ и видит в этом наличие коллизии, поскольку, по его мнению, в составах статей 154 и 180 УК РФ скрыто два преступления, что очевидно влечет противоречия с

нормами статьи 17 УК РФ¹. Именно заблуждение в понимании сущности и признаков неоднократности как формы множественности преступлений и неоднократности в качестве конструкции множественного совершения деяний приводит данного автора к этим, на наш взгляд, необоснованным выводам. Ведь одним из основополагающих признаков конструкций множественного совершения деяний является сформированность одним преступлением, о чем мы говорили ранее.

Немаловажно заметить, что есть и иные специалисты, которые верно оценивают сущность имеющейся в статьях 154 и 180 УК РФ конструкции, не отождествляя ее с какой-либо из форм множественности преступлений, при этом каждый ученый старается передать авторское видение этой конструкции: так, П.С. Яни акцентирует внимание на том, что в статье 16 УК РФ речь шла о неоднократности преступлений, тогда как в статье 180 УК РФ говорится о неоднократности деяний²; Г.С. Досаева называет конструкции, применимые в рассматриваемых статьях, случаями «неявной административной преюдиции»³; Э.Г. Шкредова – конститутивными признаками составов соответствующих преступлений, характеризующими эти деяния⁴; точки зрения о неравнозначности изучаемых уголовно-правовых явлений придерживается и И.А. Головизнина⁵.

Разъяснения насчет сущности конструкции неоднократности в статье 180 УК РФ содержатся и в одном из постановлений Пленума Верховного Суда РФ⁶, в котором высшая судебная инстанция трактует неоднократность из статьи 180 УК как совершение лицом *двух и более деяний*, состоящих в незаконном использовании товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров

---

¹ Сорокин А.И. Указ. соч. С. 10.

² Яни П.С. Неоднократность как признак незаконного использования товарного знака // Уголовное право. 2000. № 1. С. 143.

³ Досаева Г.С. К вопросу о множественности преступлений // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 18-21.

⁴ Шкредова Э.Г. Современное состояние института множественности преступлений // Современное право. 2004. № 10. С. 62-66.

⁵ Головизнина И.А. Проблема двусмысленности термина "неоднократность", содержащегося в ст. 180 УК РФ, и пути ее преодоления // Российский следователь. 2006. № 11. С. 15-17.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 N 14 "О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака" // "Российская газета", N 95, 05.05.2007.

(курсив мой – Ю.Т.). Кроме того, Верховный Суд РФ отдельно обращает внимание на две возможные стороны этой неоднократности: неоднократное использование одного и того же средства индивидуализации товара (услуги) либо одновременное использование двух или более чужих товарных знаков или других средств индивидуализации на одной единице товара (пункт 15 постановления). Мы намеренно выделили словосочетание «двух и более деяний», тем самым еще раз обозначив, что конструкции множественного совершения деяний из Особенной части УК РФ всегда предполагают несколько деяний (действий или актов бездействия), однако преступление, состав которого сконструирован с использованием рассматриваемых конструкций, всегда одно.

Как было показано выше, некоторые ученые считают, что неоднократность из статей 154 и 180 УК РФ обладает преюдициальным характером. Отсюда у этих исследователей возникает вопрос: должно ли для идентификации в содеянном лицом признака неоднократности по смыслу указанных статей иметься вступившее в законную силу постановление о привлечении лица к административной ответственности? Иными словами, требует ли обязательного юридического подтверждения (т.е. привлечения к административной ответственности по соответствующим статьям – 5.37 КоАП РФ либо 14.10 КоАП РФ) факт совершения лицом деяния, которое при неоднократном его совершении будет образовывать состав преступлений, предусмотренных статьями 154 либо 180 УК РФ?

Э.Л. Сидоренко полагает, что такой вопрос требует однозначного положительного ответа¹. В противном случае, как отмечает данный автор, придется существенно расширить границы уголовно-правового воздействия и квалифицировать по статье 180 УК РФ любые однородные действия, направленные на одинаковые объекты (к примеру, незаконное нанесение маркировки на несколько маек, печатную продукцию и др.), а также аналогичным образом необходимо будет квалифицировать и продажу, иное введение в

---

¹ Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 6.

гражданский оборот, хранение и перевозку одного и того же товара, для индивидуализации которого используется чужой товарный знак.

Но что же мы видим на этот счет непосредственно в законе? Нормы статей 154, 180 УК РФ каких-либо указаний на необходимость наличия факта привлечения к административной ответственности не содержат. Не упоминает об этом и приведенное ранее постановление Пленума по вопросам квалификации 180 УК РФ.

По нашему мнению, отсутствие таких указаний собственно и позволяет разграничить неоднократность и административную преюдицию как конструкции множественного совершения деяний, лишая первую преюдициальных элементов. Но если со статьей 154 УК РФ вопросов не возникает: квалификация по ней проводится, если незаконные действия по усыновлению (удочерению) совершены в отношении нескольких детей из корыстных побуждений (в отличие от статьи 5.37 КоАП РФ, где подобные действия совершаются в отношении одного ребенка), при этом, полагаем, для квалификации по статье 154 УК РФ совершенно не обязательно наличие факта привлечения за предшествующее подобное деяние к административной ответственности; то вопрос о понимании неоднократного незаконного использования чужого товарного знака представляется более сложным и дискуссионным, несмотря на наличие разъяснений Верховного Суда РФ.

Разногласия на этот счет прослеживаются и в судебной практике. Из 12 выборочно изученных судебных актов лишь в трех, вслед за Э.Л. Сидоренко, судьи связали признак неоднократности из статьи 180 УК РФ с необходимостью наличия факта привлечения лица к административной ответственности ранее за подобное правонарушение¹. В остальных же девяти судебных актах указаний на такую необходимость вполне обоснованно не содержалось², более того, в одном

---

¹ Постановление Центрального районного суда г. Твери от 2 июля 2015 г. по делу № 10-5/2015 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 19 мая 2018 г.), приговор Калининского районного суда г. Челябинска от 15 декабря 2016 г. по делу № 1-695/2016 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 19 мая 2018 г.), приговор Калининского районного суда г. Челябинска от 18 апреля 2017 г. по делу № 1-229/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 19 мая 2018 г.).

² Апелляционное постановление Ленинского районного суда г. Самары от 2 февраля 2016 г. по делу № 10-1/2016 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 19 мая 2018 г.), приговор Белгородского районного суда Белгородской

из этих актов суд прямо указал, что обоснование квалификации по статье 180 УК РФ через наличие факта предшествующего привлечения лица к административной ответственности является ошибочной трактовкой вышеупомянутого постановления Пленума¹.

Таким образом, мы убеждены, что неоднократность в статьях 154, 180 УК РФ не имеет преюдициального подтекста, для квалификации деяний по указанным нормам не требуется наличие факта привлечения лица к административной ответственности за предшествующее подобное деяние. Следовательно, позиция Э.Л. Сидоренко представляется неоправданной.

В то же время нельзя не отметить рациональности в доводах этого специалиста относительно возможности возникновения проблемных вопросов в ситуациях, когда одно лицо сначала маркирует продукцию, относящуюся к одному виду товара, одним и тем же чужим товарным знаком, хранит ее, а затем реализует. Будет ли в этом случае наличествовать признак неоднократности по смыслу статьи 180 УК РФ? Надо ли признавать это неоднократным использованием чужого товарного знака? Думается, не надо, ведь речь, по сути, идет об использовании одного и того же средства индивидуализации, и это использование может включать в себя весь комплекс действий, какой возможен с товаром (от изготовления до реализации), тем самым не трансформируя деяние в неоднократное. Справедливость этого подхода косвенно подтверждается пунктом 8 постановления Пленума ВАС РФ по вопросам применения КоАП РФ, где указывается, что способы использования товарного знака не ограничиваются лишь размещением средства индивидуализации, в связи с чем статья 14.10 КоАП

области от 27 июня 2017 г. по делу № 1-49/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 19 мая 2018 г.), приговор Кирово-Челецкого районного суда Кировской области от 10 апреля 2015 г. по делу № 1-73/2015 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 19 мая 2018 г.), приговор Октябрьского районного суда г. Кирова от 1 августа 2017 г. по делу № 1-305/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 19 мая 2018 г.), приговор Алатырского районного суда Чувашской республики от 19 сентября 2017 г. по делу № 1-79/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 19 мая 2018 г.), приговор Бийского городского суда Алтайского края от 16 ноября 2017 г. по делу № 1-235/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 19 мая 2018 г.), приговор Вяземского районного суда Смоленской области от 8 ноября 2017 г. по делу № 1-260/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 19 мая 2018 г.), приговор Истринского городского суда Московской области от 30 ноября 2017 г. по делу № 1-411/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 19 мая 2018 г.).

¹ Приговор Советского районного суда Курской области от 6 июня 2017 г. по делу № 1-13/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 19 мая 2018 г.).

РФ охватывает в числе прочих такие нарушения, как введение товара, на котором содержится незаконное воспроизведение средства индивидуализации, в гражданский оборот на территории Российской Федерации, а также перевозку товара с целью введения в оборот и др¹. Этот подход, на наш взгляд, стоило бы применить и в разъяснениях по вопросам квалификации деяний по статье 180 УК РФ.

Со вторым аспектом (потенциальная возможность квалификации однородных действий, направленных на одинаковые объекты, по статье 180 УК РФ), который выделила Э.Л. Сидоренко, на практике, как правило, проблем не возникает, что подтверждается некоторыми из приводимых нами ранее судебных актов². Судьи в них не только ошибочно связывали невозможность квалификации по статье 180 УК РФ с отсутствием предшествующих фактов привлечения к административной ответственности за соответствующие правонарушения, но и совершенно справедливо отмечали, что признак неоднократности отсутствует, потому что товары были маркированы зарегистрированным товарным знаком одного и того же правообладателя и относятся к одному виду товара. Вместе с тем, возможно стоит подумать о более детальной редакции разъяснений высшей судебной инстанции для внесения ясности в подобные ситуации.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем следующие основные выводы по вопросу о неоднократности как конструкции множественного совершения деяний:

1) Неоднократность из Особенной части УК РФ не следует отождествлять с неоднократностью преступлений как формой множественности преступлений, существовавшей ранее в статье 16 УК РФ, это различные по природе уголовно-правовые явления;

2) В связи с отсутствием единообразия судебной практики по вопросу об обязательности преюдициального характера составов преступлений, предусмотренных статьями 154, 180 УК РФ, полагаем, высшей судебной

---

¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 N 11 "О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" // "Вестник ВАС РФ". N 5. 2011.

² В частности, см. приговор Калининского районного суда г. Челябинска от 15 декабря 2016 г. по делу № 1-695/2016 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 19 мая 2018 г.), приговор Калининского районного суда г. Челябинска от 18 апреля 2017 г. по делу № 1-229/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 19 мая 2018 г.).

инстанции следует разъяснить судам, что наличие вступившего в законную силу постановления о привлечении лица к административной ответственности за предыдущее деяние не является обязательным для квалификации содеянного по указанным нормам;

3) Во избежание возникновения иных разногласий в судебной практике представляется необходимым издание более детальных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросу о трактовке неоднократности с точки зрения статьи 180 УК РФ, в частности:

а) необходимо обратить внимание судов на то, что использование средств индивидуализации включает в себя как их размещение на товарах, так и введение в оборот (хранение, перевозка, реализация), при этом если лицом выполняются сразу несколько таких действий, по смыслу статьи 180 УК РФ такие деяния в комплексе являются однократным использованием одного и того же средства индивидуализации и неоднократности не образуют;

б) также целесообразно разъяснить судам, что не образует неоднократности по смыслу статьи 180 УК РФ и незаконное размещение одного и того же чужого товарного знака на нескольких объектах, относящихся к одной единице товара (например, маркировка на нескольких футболках, кружках, ручках и т.п.).

Такой подход позволит более четко подходить к пониманию конструкции неоднократности в статье 180 УК РФ, относя к таким случаям согласно разъяснению Пленума лишь два перечисленных ранее случая:

- неоднократное использование одного и того же средства индивидуализации товара (услуги) (как пример: лицо сначала имеет умысел на продажу партии сигарет, на пачках которых незаконно использует один и тот же товарный знак; затем, когда лицо понимает, что первая партия товара пользовалась высоким спросом, оно готовит новую партию такого товара, в результате чего незаконное использование этого товарного знака становится неоднократным);

- одновременное использование двух или более чужих товарных знаков или других средств индивидуализации на одной единице товара (в качестве примера: лицо готовит к реализации алкогольную продукцию, на части товара незаконно

размещая товарный знак одного производителя, а на другой части товара – товарный знак другого производителя).

Далее рассмотрим основные вопросы о сущности такой конструкции множественного совершения деяний, как неоднократность, комбинированная с административной преюдицией.

Как видно из обозначенного нами названия, наличие преюдициального характера составов преступлений, где использована анализируемая конструкция, очевидно. Это главное отличие этой конструкции от рассмотренной нами конструкции неоднократности в чистом виде.

Кроме того, анализируемая конструкция не должна отождествляться с конструкцией административной преюдиции в чистом виде, речь о которой пойдет далее, поскольку разделительным барьером между данными конструкциями множественного совершения деяний является наличие признака «неоднократно» в первом случае, и его отсутствие – во втором.

Осложнение конструкции неоднократности элементами преюдициальности неизбежно влечет возникновение проблем правоприменения. Прежде всего, думается, это связано с различными подходами законодателя к формулировкам соответствующих норм в части выражения в них элементов административной преюдиции. В этих вопросах единообразия мы не увидим: из шести статей уголовного закона, где применена конструкция неоднократности, комбинированной с административной преюдицией, в четырех (статьи 151.1 УК РФ, 157 УК РФ, 171.4 УК РФ, 215.4 УК РФ) административная преюдиция связывается с совершением нового аналогичного деяния лицом, *подвергнутым административному наказанию, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию* (в силу статьи 4.6 КоАП РФ этот срок исчисляется со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления); в одной из статей (статья 212.1 УК РФ) – с совершением аналогичного деяния лицом, *ранее более двух раз в течение 180 дней привлекавшимся* к административной ответственности за соответствующее

правонарушение; еще в одной статье (статья 314.1 УК РФ) – с совершением аналогичного деяния лицом, ранее *привлекавшимся два раза в течение одного года* к административной ответственности за соответствующее правонарушение (курсив мой – Ю.Т.).

Имеются ли обоснования подобных различий? Вслед за рядом специалистов¹ полагаем, что это не совсем оправданно. Логика законодателя, вероятно, исходила из того, в какой момент (после совершения скольких аналогичных правонарушений, в течение какого срока совершенных) общественная опасность содеянного сравнивалась с общественной опасностью преступления, поскольку в силу специфической природы различных преступлений этот момент, по мнению законодателя, может наступать индивидуально для каждого преступления. Однако практическая реализация задуманного оказалось далеко не безупречной.

Значительное внимание этому вопросу в своей работе уделяет Э.Л. Сидоренко, которая резонно считает необходимым исследовать, с какого момента лицо считается привлеченным к административной ответственности: с момента составления протокола об административном правонарушении, с момента вынесения постановления по делу об административном правонарушении либо с момента вступления в силу указанного постановления²? Ведь от решения этого вопроса будет зависеть, подлежит ли лицо уголовной ответственности по вышеперечисленным статьям уголовного закона или нет.

По смыслу статьи 4.5 КоАП РФ срок давности привлечения к административной ответственности исчисляется до момента вынесения постановления по делу об административном правонарушении. Следовательно, факт привлечения к административной ответственности неизменно связан с вынесением постановления по делу. Но вот должно ли это постановление вступить в силу для признания факта привлечения лица к административной ответственности?

---

¹ Жарких Е.А. Уголовно-правовой и административно-правовой рецидив // Российский следователь. 2016. № 19. С. 23–26. Сидоренко Э.Л. Указ. соч.

² Сидоренко Э.Л. Указ. соч.

Если исходить из того, что должно, мы получим ситуацию, когда сроки привлечения к административной ответственности станут достаточно длительными, ведь процесс обжалования по КоАП РФ в среднем занимает не менее двух месяцев, при этом следует учитывать, что установленные законом сроки нередко не соблюдаются, в результате чего период обжалования растягивается на еще более длительное время. При таком подходе лицо просто физически не успеет «заработать» состав некоторых преступлений с преюдициальным характером, как, например, состав преступления, предусмотренного статьей 212.1 УК РФ, для квалификации по которой требуется предшествующее совершение лицом как минимум трех аналогичных административных правонарушений в срок менее полугода (в течение 180 дней).

Как на это смотрит судебная практика?

Выборочно исследовав несколько приговоров о привлечении лиц к уголовной ответственности по статье 314.1 УК РФ, где преюдициальный элемент сформулирован через факт привлечения лица к административной ответственности, мы обнаружили абсолютную приверженность судебных органов к восприятию факта привлечения к административной ответственности неразрывным с фактом вступления в силу постановления по делу об административном правонарушении: во всех семи исследованных приговорах судьи связали обоснованность привлечения к уголовной ответственности по статье 314.1 УК РФ с фактом вступления в законную силу как минимум двух постановлений по делам о соответствующих административных правонарушениях в течение одного года¹, то есть презюмировали тождественность факта привлечения к административной ответственности с

---

¹ Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 8 сентября 2017 г. по делу № 1-735/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 03 июня 2018 г.), приговор Песчанокопского районного суда Ростовской области от 5 сентября 2017 г. по делу № 1-60/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 03 июня 2018 г.), приговор Артинского районного суда Свердловской области от 16 мая 2017 г. по делу № 1-46/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 03 июня 2018 г.), приговор Кирово-Чепецкого районного суда Кировской области от 3 марта 2017 г. по делу № 1-370/2016 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 03 июня 2018 г.), приговор Ленинского районного суда г. Барнаула от 30 августа 2016 г. по делу № 1-312/2016 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 03 июня 2018 г.), приговор Бугульминского городского суда Республики Татарстан от 23 мая 2016 г. по делу № 1-146/2016 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 03 июня 2018 г.), приговор Челябинского областного суда от 20 мая 2016 г. по делу № 10-2481/2016 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 03 июня 2018 г.).

моментом вступления в силу постановления по делу о соответствующем административном правонарушении.

Судебная статистика в отношении статьи 212.1 УК РФ, где преюдициальный элемент сформулирован аналогичным статье 314.1 УК РФ образом, также наводит на мысль о том, что судьи действительно исходят из того, что факт привлечения лица к административной ответственности должен быть засвидетельствован вступившим в законную силу постановлением по делу об административном правонарушении: так, за 2017 год фактов привлечения к уголовной ответственности по статье 212.1 УК РФ отмечено не было¹. Полагаем, произошло это именно по вышеописанной причине: совершение лицом как минимум трех аналогичных административных правонарушений в течение 180 дней с учетом сроков вступления в силу постановлений по делам об административных правонарушениях, по сути, невозможно в силу нехватки времени. К слову сказать, единственным в российской истории случаем привлечения лица к уголовной ответственности по статье 212.1 УК РФ по-прежнему остается резонансное дело Ильдара Дадина, приговор по которому впоследствии был пересмотрен².

Вполне логично, что и в отношении иных статей уголовного закона, где использована конструкция неоднократности, комбинированной с административной преюдицией, и где преюдициальный элемент связан с периодом, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию, в силу прямого указания КоАП РФ, момент вступления в силу постановления по делу об административном правонарушении играет крайне значимую роль: в частности, во всех изученных нами выборочно приговорах судами для привлечения к уголовной ответственности по соответствующим статьям (для примера исследовались приговоры по статьям 157 УК РФ³ (лидер по численности

---

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации <<http://www.cdep.ru/index.php?id=79>> (последнее посещение – 03 июня 2018 г.).

² См. об этом подробнее: Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 N 2-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина" // "Российская газета", N 41, 28.02.2017. Головкин Л.В. Административная преюдиция в уголовном праве: казус Ильдара Дадина // Закон. N 2. С. 21-29.

³ См., к примеру, приговор Курчатковского городского суда Курской области от 14 ноября 2017 г. по делу № 1-129/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 03 июня 2018 г.), приговор Старооскольского городского суда Белгородской области от 13 ноября 2017 г. по делу № 1-365/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 03

среди составов с рассматриваемой конструкцией) и 151.1 УК РФ¹) в обязательном порядке устанавливался факт вступления в силу постановлений по делам о привлечении к административной ответственности за совершение соответствующих административных правонарушений, с которым связывается начало течения периода, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Исходя из вышеизложенного, основной практической проблемой конструкции неоднократности, комбинированной с административной преюдицией, следует признать отсутствие единообразия законодательной техники формирования составов преступлений, где применена конструкция. Полагаем, в этой связи обоснованным путем к такому единообразию может стать унификация формулировок, обозначающих преюдициальный элемент в указанных составах преступлений. Наиболее оптимальным, на наш взгляд, в этом отношении является применение подхода, реализованного в отношении статей 151.1 УК РФ, 157 УК РФ, 171.4 УК РФ, 215.4 УК РФ, - выражение преюдициальности через период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. Однако при этом следует учесть, что поскольку в иных составах преступлений, где применена конструкция, преюдициальность выражена по-иному, более либерально (лицо привлекается к уголовной ответственности не со второго соответствующего деяния, а с третьего, либо четвертого и последующих), предлагаемый подход следует адаптировать для этих составов преступлений. Так, в отношении статьи 314.1 УК РФ административная преюдиция может быть связана с совершением аналогичного деяния лицом, подвергнутым административному наказанию и совершившим аналогичные деяния два раза в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию; в отношении статьи 212.1 УК РФ –

июня 2018 г.), приговор Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону от 4 сентября 2017 г. по делу № 10-33/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 03 июня 2018 г.), приговор Нижегородского районного суда Республики Крым от 22 июня 2017 г. по делу № 1-107/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 03 июня 2018 г.), приговор Усть-Донецкого районного суда Ростовской области от 4 апреля 2017 г. по делу № 1-66/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 03 июня 2018 г.).

¹ См., например, апелляционное постановление Зимовниковского районного суда Ростовской области от 30 марта 2017 г. по делу № 10-3/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 03 июня 2018 г.), постановление Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 21 декабря 2016 г. по делу № 10-127/2016 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 03 июня 2018 г.).

с совершением аналогичного деяния лицом, подвергнутым административному наказанию и совершившим аналогичные деяния более двух раз в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. Этот унифицированный подход позволит сделать нормы статьи 212.1 УК РФ более «практически жизнеспособными», а также в целом придаст составам преступлений, где применена конструкция, единообразную логику построения, позволяющую избежать возникновения коллизий в правоприменительной практике, не лишив при этом некоторые из рассматриваемых составов преступлений соответствующей «индивидуальности».

Следующий вопрос, требующий нашего изучения, - основные аспекты, связанные с конструкцией административной преюдиции.

В отличие от ранее рассмотренных конструкций множественного совершения деяний конструкция административной преюдиции «в чистом виде» не обременена признаком неоднократности, что позволяет отграничить ее от конструкций, где этот признак находит свое выражение¹. Признак множественного совершения применительно к этой конструкции выражен довольно специфически, в результате чего встает вопрос: множественное совершение чего формирует составы преступлений, сконструированные через административную преюдицию? По идее, это два или три административных правонарушения, последнее из которых с учетом совершения предшествующего/предшествующих и в силу прямого указания закона признается преступлением. Следовательно, в конструкции административной преюдиции признак множественного совершения условно выражен через совершение административного правонарушения/правонарушений и преступления.

---

¹ В настоящее время вопрос об административной преюдиции достаточно популярен в научных исследованиях: см., например, Хоменко А. Н. Проблемы использования административной преюдиции в уголовном праве // Вестник Омской юридической академии. 2017. Том 14, № 1. С. 37-42. Жарких Е.А. Указ. соч. С. 23-26. Пудовочкин Ю. Актуальные проблемы взаимодействия уголовного и административно-деликтного права: обзор круглого стола // Уголовное право. 2016. № 3. С. 123-125. Шемякин Д.В. Проблемные вопросы использования административной преюдиции в уголовном праве // Российский следователь. 2015. № 15. С. 45-47. Мамхатов З.З. О допустимости использования административной преюдиции в уголовном законодательстве // Административное право и процесс. 2015. № 8. С. 72-74. Малков В. П. Неоднократность правонарушения и административная преюдиция как средства криминализации и декриминализации содеянного в российском уголовном праве // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 179-186. Досаева Г.С. К вопросу о множественности преступлений // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 18-21.

Прежде всего, обратим внимание непосредственно на термин «административная преюдиция». Указанный термин достаточно давно укоренился в работах специалистов в области уголовного права и воспринимается как вполне уместный. Вместе с тем, так ли корректен этот термин? Соответствует ли он содержанию правового явления, которое призван обозначить? Думается, стоит исследовать этот вопрос более детально.

В классическом понимании термин «преюдиция» ближе к процессуальному праву, нежели к материальному. В литературе отмечается, что преюдиция является классическим институтом доказательственного права, который предполагает освобождение от необходимости повторного доказывания обстоятельств, ранее установленных судом и нашедших отражение во вступившем в законную силу судебном решении¹. При этом те же авторы справедливо акцентируют внимание на том, что термин «преюдиция» в праве используется и в иных значениях, подразумевая ситуации, когда одно судебное или даже административное решение должно в обязательном порядке предшествовать другому, к коим относится и административная преюдиция². Впрочем, следует признать, что эти «иные значения» преюдиции в праве к ее классической роли в доказательственном праве не относятся.

К тому же, полагаем, термин «административная преюдиция» в его нынешнем состоянии приобрел более широкое значение, давно вышедшее за рамки классического процессуального понимания преюдиции и внедрившееся в процесс конструирования норм материального права. Когда современные специалисты, так или иначе исследующие соответствующую уголовно-правовую проблематику, используют в работах термин «административная преюдиция», сфера его влияния не ограничивается лишь пониманием того, что одно решение по административному делу должно предшествовать другому (а в ряде случаев такое понимание административной преюдиции вообще не соответствует ее фактическому смыслу – речь о случаях, когда лицо при совершении аналогичного

---

¹ Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. М.: Статут, 2017. С. 479.

² Там же. С. 479.

деяния после первого факта привлечения к административной ответственности за совершение аналогичного деяния сразу привлекается к уголовной ответственности, т.е. второй факт привлечения к административной ответственности места не имеет). Административная преюдиция в уголовном праве сегодня гораздо шире. Её уголовно-правовой смысл заключен в саму структуру (а именно, в диспозицию) соответствующей уголовно-правовой нормы, в связи с чем обнаружение в совершенном деянии состава преступления непременно связано с наличием факта/фактов привлечения к административной ответственности за предшествующее аналогичное поведение лица.

Такое положение дел способствует еще большему отдалению классического процессуального института преюдиции от её, скажем так, дальней, но всё-таки «родственницы» – административной преюдиции в уголовном праве. Отсюда абсолютно оправданным видится несоответствие взглядов специалистов в области уголовного права на этот счет взглядам их коллег – процессуалистов, очевидных приверженцев классической преюдиции, зачастую воспринимающих иные подходы к данному вопросу в качестве «покушения» одной отрасли права на другую.

Вместе с тем, признавая всё вышеизложенное, мы не считаем необходимым проведение корректировок в отношении понятия административной преюдиции в уголовном праве: ныне используемый термин укрепился в научном сообществе, он лаконичен и не требует дополнительных пояснений своей сущности, что несомненно свидетельствует о том, что в целом термин достаточно удачен. Факт не совсем «осторожного» применения понятия в его соотношении с процессуальной преюдицией, на наш взгляд, нивелируется тем, что два этих института, несмотря на их родственную природу, не пересекаются и существуют параллельно, не создавая тем самым разногласий среди исследователей соответствующих вопросов наук уголовного права и процесса.

Еще одним неизменным спутником работ исследователей, посвященных вопросам административной преюдиции, является аргумент об «отраслевой чистоте», являющий собой, по мнению некоторых авторов, необходимость

исключения рассматриваемой конструкции из норм уголовного закона. Насколько обоснована такая радикальная точка зрения? Полагаем, оснований для столь полярного мнения в настоящее время не имеется.

Несомненно, следует признать аргументы приверженцев концепции «отраслевой чистоты» достаточно обоснованными: наличие в уголовном законе административной преюдиции в определенной степени сближает преступление и административное правонарушение, а также их основополагающие и неотъемлемые качества¹, сближает уголовное и административное право. Однако сближение еще не означает смешение. К тому же, охранительное законодательство, к какой бы отрасли права оно формально ни принадлежало, всегда имеет схожую сущность, аналогичные цели и задачи, методы их реализации. И тут вопрос, на наш взгляд, даже не в том, что превыше – «отраслевая чистота» уголовного права или признание состоятельности и возможности существования российской модели европейской концепции «уголовно-правовой сферы» (то есть уголовного права «в широком смысле»)², а в том, насколько в целом допустимо и полезно для практики правоприменения внедрение в уголовный закон норм с административно-правовыми элементами.

Как мы указывали ранее, в научном сообществе имеется мнение о том, что административное правонарушение не обладает той достаточной степенью общественной опасности, позволяющей при определенных условиях «преобразовать» административное правонарушение в преступление (по принципу «количество не может перерасти в качество»). Мы с этой позицией в корне не согласны по следующим основаниям.

---

¹ Так, Н.Ф. Кузнецова придерживается достаточно радикальной точки зрения о том, что ни одно административное правонарушение не обладает обязательным качеством преступного деяния – общественной опасностью, при этом количество совершенных административных правонарушений не способно перерасти «механически» в новое качество – преступление: см. подробнее: Кузнецова Н.Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского ун-та. Серия 11: Право. 2003. N 1.

² Более подробно об этой дискуссии см. Клепицкий И.А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете Европейской конвенции о правах человека // Государство и право. 2000. N 3. С. 65 – 74. Крылова Н.Е. Существует ли уголовное право "в широком смысле слова"? // Научные основы уголовного права и процессы глобализации. Материалы V Российского конгресса уголовного права. М., 2010. С. 721 – 727. Головки Л.В. Границы уголовного права: от формального к функциональному подходу // Библиотека криминалиста. 2013. N 2. С. 77 - 90.

Во-первых, такое понимание противоречит одному из основных законов диалектики, сформулированных еще Гегелем, а именно, закону перехода количественных отношений в качественные, являющему собой причину развития, движения той или иной сферы окружающей действительности, что в полной мере распространяется на правоотношения, в том числе, в сфере уголовного и административного права.

Во-вторых, соотношение административных правонарушений и преступлений не так однозначно. Относительно недавно Конституционный Суд РФ в своем Постановлении¹, по сути, высказал идею о существовании административного правонарушения и преступления в одной плоскости, признавая и то, и другое проявлениями публично-правовой ответственности. Речь шла о проверке конституционности положений закона, исключивших побои из уголовно наказуемых деяний и одновременно включивших их в перечень административных правонарушений. Указанный вопрос был поставлен, поскольку в правоприменительной практике возникла ситуация, при которой лицо, которое совершило побои до вступления в силу этих законоположений, не могло быть привлечено к уголовной ответственности на основании распространения на него обратной силы уголовного закона (деяние исключено из числа преступлений), но в то же время не могло, по мнению судов, нести и административную ответственность на основании невозможности применения к нему обратной силы Кодекса РФ об административных правонарушениях (ведь на момент совершения деяния оно формально не являлось административным правонарушением). Формулируя вывод из сложившейся ситуации, Конституционный Суд РФ указал, что федеральный законодатель продолжает рассматривать данное деяние как правонарушающее, однако по-иному оценивает

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.06.2018 N 23-П "По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 4 статьи 1 Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" и пункта 4 статьи 1 Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" в связи с жалобами граждан А.И. Заляугдинова, Н.Я. Исмагилова и О.В. Чередняк" // СЗ РФ. 25.06.2018. N 26. Ст. 3932.

характер его общественной опасности. Вышеизложенное означает не исключение, а смягчение публично-правовой ответственности, что не являет собой ухудшение положения совершившего деяние лица и, следовательно, предполагает привлечение лиц, совершивших такие действия, хотя и до указанной даты, к административной ответственности. Более того, был сформулирован значимый вывод о том, что при оценке последствий изменения отраслевой принадлежности норм, устанавливающих наказуемость определенных форм поведения, правоприменителю следует учитывать не только совпадение объема запрещенного деяния, но и одновременность изменения природы его противоправности, поскольку лишь синхронные изменения законодательной оценки тождественных деяний означают преемственность правового регулирования публично-правовой ответственности. Таким образом, правовому регулированию преступлений и административных правонарушений присуща преемственность и существование в одной плоскости публично-правовой ответственности, и лишь различная оценка характера их общественной опасности (которая имеется у обоих) ставит между ними грань. Внедрение в уголовный закон конструкции административной преюдиции вполне вписывается в канву изложенного мнения Конституционного Суда РФ, представляя собой еще одно доказательство наличия такой преемственности.

В-третьих, не только общественная опасность признается основанием криминализации того или иного деяния. Так, А.И. Коробеев выделяет целых три группы факторов, являющихся основаниями установления уголовно-правового запрета: юридико-криминологические, социально-экономические и социально-психологические факторы¹. В первую группу, помимо степени общественной опасности, он включает относительную распространенность деяний и их типичность; динамику деяний с учетом причин и условий, их порождающих; возможность воздействия на них уголовно-правовыми средствами (при отсутствии возможности успешной борьбы менее репрессивными средствами), а

---

¹ Цит. по: Авдалян М.Э. Основание криминализации и криминообразующие признаки нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 26-27.

также возможности системы уголовной юстиции. К социально-экономическим факторам ученый относит отсутствие возможных побочных последствий уголовно-правового запрета; наличие материальных ресурсов для реализации уголовно-правового воздействия, а также причиняемый деяниями материальный и моральный ущерб. И, наконец, третью группу формируют общественное правосознание, психология, а также исторические традиции. Следовательно, степени общественной опасности деяния как критерию его криминализации решающее значение отдавать не следует, поскольку этот критерий представляет собой лишь малую часть тех возможных критериев, на основании которых законодатель формирует представление о преступном поведении. По этой же причине не стоит признавать административную преюдицию в уголовном законе средством борьбы с неэффективностью административных наказаний, так как возможность воздействия на деяния уголовно-правовыми средствами – лишь один из многих других факторов криминализации того или иного поведения.

В-четвертых, следует взглянуть на факт применения административной преюдиции в уголовном законе с обратной стороны: что, если рассмотреть его не как преобразование некоторых административных правонарушений в преступление, а наоборот – как «частичную декриминализацию» некоторых деяний, обладающих достаточной для преступления общественной опасностью, в целях экономии репрессивных механизмов? Хорошим примером в этой связи будет деяние, предусмотренное статьей 264¹ УК РФ. Когда лицо садится за руль в нетрезвом состоянии, такое поведение само по себе обладает достаточной общественной опасностью, так как в результате этого поведения с большой долей вероятности могут возникнуть крайне опасные последствия. Но законодатель намеренно это поведение сразу преступным не признает, тем самым «частично его декриминализуя», переводя криминализацию на более позднюю стадию (на момент, когда такое поведение выявлено у лица, подвергнутого административному наказанию за тождественное деяние) в целях экономии репрессии.

Отсюда полагаем, что мнение о невозможности «перехода количества в качество» применительно к административным правонарушениям и преступлениям ошибочно.

Резюмируя вышеизложенное, мы придерживаемся следующей точки зрения: существование конструкции административной преюдиции в уголовно-правовых нормах в целом несет позитивный эффект, ведь это позволяет делать уголовный закон более гибким по отношению к некоторым составам преступлений, а также экономит репрессивные механизмы. Вместе с этим, следует признать, что практическая реализация рассматриваемого явления не является безупречной: это касается как содержательного круга составов преступлений, где применена конструкция, так и законодательной техники ее выражения в уголовно-правовых нормах.

Достаточно показательным в этой связи является мнение опрошенных диссертантом в рамках анкетирования специалистов: исключительно положительный эффект присутствия конструкции административной преюдиции в уголовно-правовых нормах прослеживают 9% респондентов, «промежуточной» позиции о позитивном эффекте конструкции при одновременно неудачной практической реализации ее внедрения в уголовный закон придерживаются около 64% респондентов; приверженцами концепции «отраслевой чистоты» и сторонниками исключительно негативного эффекта конструкции выступают чуть более 27% респондентов.

В свете недавних событий с учетом непосредственной взаимосвязи вопросов об упомянутой ранее концепции «уголовно-правовой сферы» и о конструкции административной преюдиции в уголовном законе мы в настоящем диссертационном исследовании не могли обойти стороной вопрос о внедрении в УК РФ понятия уголовного проступка. 22 декабря 2018 года Верховным Судом РФ в Государственную Думу РФ был внесен законопроект № 612292-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия

уголовного проступка»¹. В пояснительной записке к указанному законопроекту указывается, что принимаемые государством в последние годы меры, направленные на гуманизацию уголовного законодательства путем декриминализации определенных деяний, введения составов преступлений с административной преюдицией, расширения сферы применения института освобождения от уголовной ответственности, являются недостаточными, в связи с чем Верховный Суд РФ предлагает внедрение в уголовный закон понятия «уголовный проступок», коим предлагается считать преступление небольшой тяжести, за совершение которого уголовный закон не предусматривает наказания в виде лишения свободы. Кроме того, законопроектом предусматриваются соответствующие совершению лицом уголовного проступка уголовно-правовые последствия, в частности, особые основания освобождения от уголовной ответственности, особые сроки для применения условно-досрочного освобождения, особые сроки давности и т.д., а также предлагаются поправки в УПК РФ, касающиеся упрощения ряда процессуальных аспектов при осуществлении производства по делам об уголовных проступках.

Положения упомянутого законопроекта ясно наводят на мысль о стремлении Верховного Суда РФ приблизить российский уголовный закон к тем самым лучшим европейским образцам концепции «уголовно-правовой сферы», в частности, по сути, к трехзвенному делению наказуемых деяний на преступления, проступки, правонарушения (что в его классическом проявлении характерно, например, для Франции).

Поскольку к настоящему моменту указанный законопроект находится на обсуждении, и его текущая редакция, вероятно, далека от окончательной, судить о его оправданности пока достаточно сложно. В свою очередь, в рамках настоящей работы мы полагаем целесообразным поставить следующий вопрос: как будут соотноситься институт уголовного проступка и конструкция административной

---

¹ Законопроект с сопроводительными документами размещен в Системе обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ по адресу: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7> (дата обращения - 05.01.2019).

преюдиции в случае принятия этого законопроекта? Смогут ли эти явления сосуществовать или внедрение одного потребует пересмотра другого?

Ответ на данный вопрос видится нам следующим образом: на практике, конечно, указанные явления сосуществовать смогут, препятствий к этому нет. Однако насколько это целесообразно? Полагаем, грамотная практическая реализация внедрения в УК РФ категории уголовного проступка сможет нивелировать необходимость существования в уголовном законе составов преступлений, в конструировании которых использована конструкция административной преюдиции. Тем самым, сам собой отпадет вопрос о необходимости корректировок в неудачно реализованную в УК РФ с практической точки зрения конструкцию административной преюдиции.

Как это может быть реализовано? Возможно, в понятии уголовного проступка стоит предусмотреть основания, при которых определенные административные правонарушения перейдут в категорию уголовных проступков, и одновременно сформулировать единый подход к наказуемости таких проступков.

Всё изложенное могло бы стать реальностью с одной оговоркой: если российские законодатели и правоприменители признали бы существование уголовного права «в широком смысле», признали бы возможность функционального (отталкивающегося от единства охранительной функции административного и уголовного права) его понимания.

Но в сознании российских юристов давно укоренилось мнение о существовании административного и уголовного права в разных плоскостях, объединение которых доктринально недопустимо (хотя в последнее время в этом аспекте есть и некоторые изменения, как, например, изложенная в ранее упомянутом Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июня 2018 года позиция). Следовательно, думается, внедрение в УК РФ института уголовного проступка не сможет решить проблему существования конструкции административной преюдиции в уголовном законе. Более того, одновременное существование в УК РФ как уголовных проступков, так и составов преступлений, сконструированных через конструкцию административной преюдиции, превратит

российскую модель в некий гибрид европейских образцов и с определенной степенью вероятности внесет дополнительную нежелательную путаницу в сознание правоприменителей.

Ранее мы обращали внимание, что конструкция административной преюдиции в настоящее время применена в четырех статьях уголовного закона. Полагаем, не во всех из них ее наличие оправдано: так, если применительно к статье 264.1 УК РФ применение административной преюдиции несет под собой очевидный превентивный эффект (лицо, подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние, с высокой степенью вероятности лишней раз задумается о том, стоит ли ему снова садиться за руль в состоянии опьянения, ведь потенциальная ответственность за такой шаг может выразиться в довольно ощутимых санкциях, вплоть до лишения свободы), в случае со статьей 116.1 УК РФ, по нашему мнению, конструкция административной преюдиции наводит потенциального нарушителя закона на «неправильные» выводы (в особенности это касается случаев так называемого «домашнего насилия» - такие преступления обладают крайне высокой степенью латентности¹ в связи с тем, что страдающий от домашнего насилия родственник далеко не всегда способен сообщить в компетентные органы о противоправных действиях близкого ему человека, к тому же, сам факт осознания «домашним тираном» того, что первичное нарушение закона (и то в случае, если информация об этом станет известна правоохранительным органам) – всего лишь административное правонарушение (всё равно, что превысить скорость или распивать спиртные напитки в общественных местах), отнюдь не останавливает такого человека), в связи с чем превентивный эффект таких норм сводится на «нет».

Следовательно, подходить к формированию содержательного состава уголовно-правовых норм, где может быть применена конструкция административной преюдиции, следует более осторожно и продуманно, с всесторонним исследованием статистической картины, а также с привлечением к

---

¹ По статистике, предоставляемой Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, за 2017 год было выявлено лишь 296 случаев совершения преступления, предусмотренного статьей 116.1 УК РФ, что вряд ли позволяет говорить об объективности этих данных.

разработке законопроектов не только специалистов в области уголовного права, но и криминологов (справедливости ради следует отметить, что, к сожалению, в настоящее время привлечение ученых на стадии разработки тех или иных законов – явление достаточно редкое).

Рассмотрим вопрос о законодательной технике выражения конструкции административной преюдиции в уголовном законе. В двух из четырех статей (статьи 116.1 УК РФ и 158.1 УК РФ) с административной преюдицией «в чистом виде» преюдициальный элемент выражен через факт совершения деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние. Анализируя ранее конструкции множественного совершения деяний, мы отмечали, что такой подход, думается, является наиболее успешным, поскольку не допускает двоякого толкования, является понятным как законодателю, так и правоприменителю, что позволяет формировать единообразную судебную практику.

Диспозиция статьи 264.1 УК РФ, по сути, сформирована аналогично, однако к преюдициальному элементу здесь добавлена специальная повторность, что, пожалуй, делает эту норму своего рода уникальной среди других уголовно-правовых норм, на что мы уже обращали свое внимание. В то же время отметим, что такое сосуществование нельзя признать неудачным, поскольку оно не влечет возникновения каких-либо коллизий, не делает нормы данной статьи перегруженными либо неоднозначными.

Другая ситуация наблюдается применительно к статье 284.1 УК РФ, где конструкция, как и в некоторых ранее изучавшихся нами нормах, выражена через факт привлечения к административной ответственности, причем дважды в течение одного года. Не будем повторяться в доводах о том, что этот подход представляется спорным, влечет неоднозначность, низкую практическую «жизнеспособность» норм, отсутствие единообразия в судебной практике. Обратим внимание лишь на то, что более удачным в этой связи представляется путь выражения административной преюдиции, как и в статьях 116.1 УК РФ, 158.1 УК РФ, через период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. Так, применительно к статье 284.1 УК РФ нами

предлагается выражение конструкции через совершение аналогичного деяния лицом, подвергнутым административному наказанию и совершившим аналогичные деяния два раза в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Кроме того, обратим внимание, что в статье 158.1 УК РФ прямо названо административное правонарушение, совершение которого во второй раз лицом, подвергнутым административному наказанию, повлечет для него уголовную ответственность, - мелкое хищение, предусмотренное частью 2 статьи 7.27 КоАП РФ. Такая логика построения, вероятно, избрана в связи с тем, что КоАП РФ содержит два вида мелкого хищения в зависимости от суммы ущерба (правонарушения, предусмотренные частями 1 и 2 статьи 7.27 КоАП). Уклон в этом случае в сторону нормы КоАП РФ с более весомой санкцией, в которой предусмотрена ответственность за совершение административного правонарушения, вторичное совершение которого формирует состав преступления, представляется оправданным.

К сожалению, ознакомиться с практическими аспектами применения статьи 284.1 УК РФ возможным не представляется, поскольку ни в 2016, ни в 2017 году фактов осуждения лиц за совершение преступления, предусмотренного указанной статьей, не имелось¹. Вместе с этим, не исключено, что отсутствие такой судебной практики может быть, в том числе, связано с неудачной логикой построения конструкции административной преюдиции, выраженной через факт привлечения к административной ответственности, в указанной статье.

Исходя из полученного анализа конструкции административной преюдиции «в чистом виде», сформулируем основные выводы. Укрепившийся в научном сообществе термин «административная преюдиция» представляется достаточно удачным, а факт его применения наряду с процессуальным пониманием преюдиции нивелируется тем, что два этих института, несмотря на их родственную природу, не пересекаются и существуют параллельно, не создавая

---

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации <<http://www.cdep.ru/index.php?id=79>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.).

разногласий среди исследователей соответствующих вопросов наук уголовного права и процесса. Существование конструкции административной преюдиции в уголовно-правовых нормах в целом несет позитивный эффект, позволяет делать уголовный закон более гибким по отношению к некоторым составам преступлений, а также экономит репрессивные механизмы, однако практическая реализация рассматриваемого явления не является безупречной: это касается как содержательного круга составов преступлений, где применена конструкция (подходить к формированию такого круга необходимо взвешенно, чтобы появление в уголовном законе составов преступлений с административной преюдицией не влекло явного «антипревентивного» эффекта), так и законодательной техники ее выражения в уголовно-правовых нормах (для формирования единой логики построения норм и единообразия судебной практики преюдициальный элемент в нормах с административной преюдицией следует выразить по единому алгоритму – через период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию).

Заключительной конструкцией множественного совершения деяний, которую возможно обнаружить в нормах УК РФ, является систематичность. Данная конструкция находит свое выражение в четырех статьях уголовного закона. Интересно отметить, что систематичность наиболее характерна для преступлений против здоровья населения и общественной нравственности – две из четырех статей (статьи 232 УК РФ, 241 УК РФ) с применением систематичности расположены в соответствующей главе УК РФ.

Отличительной чертой рассматриваемой конструкции является то, что состав преступления, где она применена, конструируется через указание на то, что действия, формирующие деяние, носят систематический характер, то есть совершения одного такого действия для привлечения лица к уголовной ответственности по соответствующей статье будет недостаточно. При этом показательно то обстоятельство, что в отношении статей 232 УК РФ, 241 УК РФ в отличие от статей 117 УК РФ, 151 УК РФ количественный критерий систематичности выражен четко – для признания содеянного преступлением,

предусмотренным соответствующей статьей, необходимо совершение лицом соответствующих тождественных действий более двух раз (примечание к статье 232 УК РФ). В свою очередь, в статье 117 УК РФ речь идет о систематическом нанесении побоев или об иных насильственных действиях, при этом количество таких действий, необходимых для приобретения содеянным признака систематичности, не поясняется. Аналогичным образом в статье 151 УК РФ речь идет о вовлечении несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, однако не поясняется, после скольких фактов такого употребления деяние становится уголовно наказуемым.

Обратимся к судебной практике. Выборочно исследовав ряд судебных актов¹, мы приходим к выводу о том, что квалификация систематичности по статье 117 УК РФ судами проводится по аналогии с такой квалификацией, предусмотренной примечанием к статье 232 УК РФ, а именно, через указание на количественную сторону систематичности, выражающуюся в трех или более соответствующих действиях, формирующих уголовно наказуемое деяние. Аналогичная картина наблюдается и применительно к статье 151 УК РФ².

---

¹ В частности, см. приговор Ленинского районного суда г. Чебоксары от 13 ноября 2017 г. по делу № 1-403/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.), приговор Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 15 сентября 2017 г. по делу № 1-163/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.), постановление Шумерлинского районного суда Чувашской Республики от 24 мая 2017 г. по делу № 10-6/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.), приговор Асбестовского городского суда Свердловской области от 4 мая 2016 г. по делу № 1-57/2016 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.), приговор Каргасокского районного суда Томской области от 3 февраля 2016 г. по делу № 1-1/2016 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.), приговор Георгиевского городского суда Ставропольского края от 30 октября 2015 г. по делу № 1-355/2015 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.), приговор Чебоксарского районного суда Чувашской Республики от 22 июля 2015 г. по делу № 1-87/2015 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.), апелляционное определение Альшеевского районного суда Республики Башкортостан от 5 сентября 2014 г. по делу № 10-34/2014 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.), приговор Мещанского районного суда г. Москвы от 12 апреля 2013 г. по делу № 1-215/2013 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.), постановление Нарьян-Марского городского суда Ненецкого автономного округа от 13 февраля 2013 г. по делу № 1-1/2013 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.), приговор Серовского районного суда Свердловской области от 11 января 2013 г. по делу № 1-17/2013 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.), постановление Калининского районного суда г. Чебоксары от 15 октября 2012 г. по делу № 10-81/2012 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.).

² См., например, приговор Донецкого городского суда Ростовской области от 25 апреля 2017 г. по делу № 1-108/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.), приговор Кезского районного суда Удмуртской Республики от 15 августа 2017 г. по делу № 1-118/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.), приговор Кезского районного суда Удмуртской Республики от 14 апреля 2015 г. по делу № 1-57/2015 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.), приговор Центрального районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области от 29 сентября 2014 г. по делу № 1-613/2014 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.).

Качественный критерий систематичности заключается в том, что все действия, формирующие уголовно наказуемое деяние, объединены единым умыслом виновного (характерно для всех норм с применением систематичности) и выражают линию поведения виновного, направленного на причинение ему физических и психических страданий одному и тому же потерпевшему (характерно для преступления, предусмотренного статьей 117 УК РФ).

Таким образом, систематичность как конструкция множественного совершения деяний отличается от иных конструкций тем, что действия, формирующие соответствующее уголовно наказуемое деяние, носят систематический характер, и выражена в двух аспектах – количественном и качественном.

Отдельно остановимся на понимании систематичности в статье 151 УК РФ. Как отмечает Э.Г. Шкредова, термин «систематическое» в статье 151 УК РФ не следует считать проявлением множественности преступлений, ибо он является конститутивным признаком состава преступления и характеризует деяние, не являющееся само по себе преступным без указания на этот признак¹. В продолжение умозаключения Э.Г. Шкредовой целесообразно заметить, что термин «систематическое» в статье 151 УК РФ не только не является проявлением множественности преступлений, но и неоднозначно проявляется как конструкция множественного совершения деяний, поскольку при буквальном толковании норм статьи 151 УК РФ формируется вывод о том, что систематичность в указанных нормах присуща лишь употреблению (распитию) несовершеннолетним алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, а для бродяжничества и попрошайничества для привлечения к уголовной ответственности достаточно однократного совершения несовершеннолетним указанной деятельности.

---

¹ Шкредова Э.Г. Современное состояние института множественности преступлений // Современное право. 2004. № 10. С. 62-66.

Изложенный довод находит подтверждение в научной литературе¹, однако идет вразрез с имеющейся судебной практикой². Приведенные в качестве примера судебные акты доказывают сформировавшуюся тенденцию судов привлекать лиц к уголовной ответственности только за систематическое вовлечение несовершеннолетнего в занятие попрошайничеством или бродяжничеством, что означает ненаказуемость (отсутствие как уголовной, так и административной ответственности) за вовлечение несовершеннолетнего в занятие попрошайничеством или бродяжничеством, если указанная деятельность была совершена однократно.

Буквальное толкование рассматриваемых уголовно-правовых норм и вывод о возможности привлечения к уголовной ответственности уже за однократное вовлечение несовершеннолетнего в занятие попрошайничеством или бродяжничеством, по нашему мнению, повлечет чрезмерную репрессивность этих норм. В отличие от ответственности за однократное вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ, закрепленной в статье 6.10 КоАП РФ, административная ответственность за однократное вовлечение несовершеннолетнего в занятие попрошайничеством или бродяжничеством не предусмотрена. В то же время привлечение за первый же такой факт сразу к уголовной ответственности кажется несколько нелогичным с точки зрения общих принципов формирования этих норм. И хотя противники таких умозаключений считают, что эта трактовка норм статьи 151 УК РФ приводит к невозможности в полной мере обеспечить реальную защиту прав несовершеннолетних³, полагаем,

---

¹ Сокол Е.В. Понятие систематичности при вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий // Общество и право. 2014. № 4. С. 134-138.

² См., к примеру, приговор Магасского районного суда Республики Ингушетия от 23 мая 2017 г. по делу № 1-136/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.), приговор Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики от 3 февраля 2017 г. по делу № 1-44/2017 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.), приговор Сунженского районного суда Республики Ингушетия от 30 июля 2015 г. по делу № 1-70/2015 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.), приговор Дмитровского городского суда Московской области от 21 апреля 2014 г. по делу № 1-54/2014 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.), приговор Кировского районного суда г. Астрахани от 7 июня 2013 г. по делу № 1-303/2013 <<http://sudact.ru>> (последнее посещение – 24 июня 2018 г.).

³ Сокол Е.В. Указ. соч. С. 134-138.

практика применения норм статьи 151 УК РФ, действительно, доказала состоятельность именно такой позиции, в связи с чем необходимо более четко обозначить ее в диспозиции части 1 статьи 151 УК РФ. Так, в частности, считаем, что диспозицию части 1 статьи 151 УК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «Вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста...». Такая формулировка позволит свести к минимуму разногласия в научном сообществе на этот счет, а также подтвердит правильный курс формирования судебной практики в отношении этого вопроса.

Вторым спорным моментом применительно к систематичности из статьи 151 УК РФ является то, в отношении кого эта систематичность проявляется – в отношении потерпевшего или виновного? Если исходить из буквальной трактовки статьи систематическим является только употребление спиртных напитков (т.е. систематичность у потерпевшего), однако непосредственно «вовлечение» изложено в норме в единственном числе. Можно ли вовлечь несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий однократным поведением? Гипотетически да, но на практике представить это достаточно сложно. В силу пункта 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» вовлечение также выражается не в одном, а в нескольких действиях виновного: «под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать *действия* взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия¹» (курсив мой – Ю.Т.). Исходя из

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 "О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних" // "Российская газета", N 29, 11.02.2011.

изложенного, придерживаемся позиции о наличии в статье 151 УК РФ систематичности как у потерпевшего, так и у виновного.

Напомним, что в главе 1 диссертационного исследования нами сформулирован перечень критериев разграничения единичных сложных преступлений и форм множественности преступлений. Вместе с тем, разграничить некоторые категории единичных сложных преступлений порой не просто и с определенными конструкциями множественного совершения деяний. Яркий тому пример – соотношение продолжаемого преступления и конструкции систематичности. Это связано с тем, что фактически продолжаемое преступление зачастую обладает как количественным, так и качественным признаками конструкции систематичности, пусть даже в диспозиции соответствующей нормы указаний на конструирование состава через систематичность и не содержится.

Рассмотрим продолжаемое хищение. Может ли такое преступление быть образовано тремя или более действиями? Безусловно. Объединены ли такие действия единым умыслом виновного? Несомненно. Тогда почему в этом случае мы не можем говорить о систематичности? Или всё же стоит признать ее наличие и в такой ситуации? И есть ли практическая значимость в разграничении этих явлений?

Для ответа на поставленные вопросы обратимся к истокам. Статья 169 УК РСФСР 1960 года¹, предусматривавшая ответственность за незаконную порубку леса, в качестве квалифицированного состава преступления называла систематическое совершение указанных действий. Означало ли такое нормативное регулирование, что при совершении лицом трех или более действий по вырубке леса исключалась возможность признания в содеянном единичного продолжаемого преступления, и поэтому автоматически должна была наступать повышенная ответственность за систематическую незаконную вырубку?

Полагаем, это далеко не так. На самом деле, наличие в действиях, совершенных лицом, систематического характера не может исключать

---

¹ Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, N 40, ст. 591

возможность признания содеянного единичным продолжаемым преступлением. Исследуя критерии разграничения продолжаемых преступлений и совокупности преступлений, мы отмечали наибольшую значимость единства умысла и объективной связи действий, образующих преступление. Именно в этом аспекте, по нашему мнению, содержится ключ к разрешению вопроса о том, когда лицо подлежало повышенной ответственности в рассматриваемой ситуации, а когда – нет.

Наглядно это возможно представить следующим образом: А) лицо семь раз совершало незаконную вырубку леса, поскольку именно такое количество деревьев, которое оно вырубил за семь «подходов», было необходимо ему для строительства сарая; Б) лицо трижды совершило незаконную вырубку леса по мере возникновения насущных вопросов: затопить печь, выручить деньги на продаже дров, построить гараж и т.п.

Случай А олицетворяет ситуацию, когда, несмотря на систематический характер действий, формирующих преступление, перед нами единичное сложное преступление, не позволяющее признать содеянное квалифицированным составом, требующим повышенной ответственности. Случай Б – явная систематическая незаконная вырубка леса, где лицо, по сути, предполагает заниматься подобной деятельностью, когда возникает такая потребность, и до тех пор, пока на это есть возможность.

Разграничить эти случаи нам позволили именно критерий единства умысла (в случае А – очевидно единства умысла лица, стремящегося построить сарай; в случае Б – умысел по своей сути неопределенный, а, значит, раздробленный – по мере возникновения необходимости решать насущные вопросы за счет незаконной вырубки) и критерий объективной связи действий, образующих преступление (случай А – действия объективно связаны единой целью – строительство сарая; случай Б – такая связь действий отсутствует, поскольку в каждом конкретном случае потребности возникали независимо друг от друга).

Практическая значимость разграничения продолжаемого преступления и систематичности в представленных нами примерах наблюдается постольку,

поскольку во взятой в качестве примера статье 169 УК РСФСР применена не конструкция систематичности, исследованию которой, в том числе, посвящен данный параграф, а систематичность как исторически имевшая место в уголовном законодательстве форма множественности преступлений (ведь в этом случае даже единичная незаконная вырубка леса уже являлась преступлением, однако ключевым признаком конструкций множественного совершения деяний является то, что соответствующая конструкция формирует лишь одно преступление).

С момента исключения из уголовного закона подобных исторических проявлений множественности преступлений и появления им на смену конструкций множественного совершения деяний нивелировалась и практическая значимость разграничения продолжаемых преступлений и систематичности как конструкции множественного совершения деяний. Ведь на квалификацию содеянного такая постановка вопроса влиять уже не будет. В связи с изложенным на основе приведенного выше примера с продолжаемым хищением следует отметить, что сами по себе действия, формирующие состав продолжаемого преступления, могут иметь систематический характер, однако это не означает присутствия в содеянном конструкции систематичности. Таким образом, продолжаемое преступление и конструкцию систематичности отождествлять некорректно.

Резюмируя вышеизложенное, обозначим основные выводы по итогам изучения конструкции систематичности:

- 1) Систематичность как конструкция множественного совершения деяний отличается от иных конструкций тем, что действия, формирующие соответствующее уголовно наказуемое деяние, носят систематический характер, и выражена в двух аспектах – количественном (совершение трех или более соответствующих действий, формирующих деяние) и качественном (действия, формирующие деяние, объединены единым умыслом виновного);
- 2) Неоднозначная формулировка диспозиции части 1 статьи 151 УК РФ в аспекте понимания систематичности для минимизации разногласий в

научном сообществе и подтверждения правильности взятого судебной практикой курса требует корректировок, предлагается изложить ее в следующей редакции: «Вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста...»;

3) Сами по себе действия, формирующие состав продолжаемого преступления, могут иметь систематический характер, однако это не означает присутствия в содеянном конструкции систематичности. Таким образом, продолжаемое преступление и конструкцию систематичности отождествлять некорректно.

Таким образом, по итогам второй главы диссертационного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Форма и вид множественности преступлений не являются тождественными понятиями, вместе с тем, форма и вид множественности преступлений соотносятся как общее и частное (то есть как целое и его часть). На основе такого понимания диссертантом сформирована система форм и видов множественности преступлений, включающая в себя формы множественности преступлений (совокупность преступлений, рецидив преступлений, специальная повторность неосторожных преступлений, совокупность приговоров) и их соответствующие виды. Кроме того, автором выявлена система конструкций множественного совершения деяний в российском уголовном праве, включающая в себя неоднократность; неоднократность, комбинированную с административной преюдицией; административную преюдицию; систематичность.

2. Требуется полное исключение из УК РФ всех составов преступлений, сконструированных через применение сопряженности. Кроме того, необходимо в полном объеме исключить из УК РФ составы преступлений, где использована конструкция «умышленные деяния, повлекшие умышленные последствия» (статьи 205, 206, 281 УК РФ). При совершении лицом преступлений, ранее «встречавшихся» в едином составе, где применялась конструкция сопряженности

или конструкция «умышленное деяние, повлекшее умышленное последствие», будет необходима квалификация деяний по совокупности преступлений.

3. Считаю целесообразным изложить формулировку частей 1, 2 статьи 17 УК РФ в следующей редакции: «1. Совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицу не был провозглашен обвинительный приговор суда. При совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи настоящего Кодекса. 2. Совокупностью преступлений признается и одно действие (бездействие), содержащее признаки составов различных преступлений, предусмотренных двумя или более статьями либо различными частями одной и той же статьи настоящего Кодекса».

4. Для правильной квалификации умышленных преступлений, совершенных в отношении двух или более лиц, составы которых предусматривают это в качестве квалифицирующего признака, необходимо обязательное выяснение направленности умысла виновного в каждом конкретном случае: если умысел един и направлен на совершение преступления сразу в отношении двух или более лиц, следовательно, квалификация по совокупности преступлений не требуется; в противном случае, когда умысел раздроблен, а деяния, как правило, разъединены во времени, требуется квалификация по совокупности преступлений.

5. Специальная повторность неосторожных преступлений – это совершение неосторожного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное тождественное неосторожное преступление.

Специальная повторность неосторожных преступлений является автономной формой множественности преступлений, характерной исключительно для Особенной части уголовного закона и обладающей своими специфическими чертами, в том числе, высокой практической значимостью и достаточной распространенностью.

6. Полагаю необходимым распространение специальной повторности неосторожных преступлений лишь в отношении тех неосторожных преступлений,

последствиями которых являются тяжкий вред здоровью либо смерть, причиненные человеку либо двум или более лицам.

7. Считаю целесообразным включение судимостей за преступления небольшой тяжести в число судимостей, учитываемых при рецидиве преступлений.

8. Одинаковый «набор» преступлений, совершенных лицом, не может быть признан разным видом рецидива преступлений в зависимости от последовательности совершения преступлений в этом «наборе».

8. Предлагаю внести изменения в части 1, 2 статьи 68 УК РФ и изложить их в следующей редакции: «1. При назначении наказания при рецидиве, опасном рецидиве или особо опасном рецидиве преступлений учитываются количество совершенных преступлений, а также характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений в соотношении с характером и степенью общественной опасности вновь совершенных преступлений. 2. Срок наказания при рецидиве преступлений не может быть менее одной трети, при опасном рецидиве преступлений – менее двух третей, при особо опасном рецидиве преступлений – менее трех четвертей максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса».

9. Совокупность приговоров как форма множественности преступлений требует введения в уголовный закон новой статьи 18¹ УК РФ в следующей редакции: «Совокупностью приговоров признается совершение лицом нового преступления во время либо после провозглашения ему обвинительного приговора за ранее совершенное преступление (преступления) до полного отбытия им наказания, назначенного по этому приговору».

10. Конструкция множественного совершения деяний – это уголовно-правовое явление, внешне сходное с элементами института множественности преступлений, обладающее признаком множественного совершения, но при этом за счет определенного приема либо комбинации приемов законодательной техники формирующее состав лишь одного преступления.

11. Неоднократность из Особенной части УК РФ не следует отождествлять с неоднократностью преступлений как формой множественности преступлений, существовавшей ранее в статье 16 УК РФ, это различные по природе уголовно-правовые явления. Высшей судебной инстанции следует разъяснить судам, что наличие вступившего в законную силу постановления о привлечении лица к административной ответственности за предыдущее деяние не является обязательным для квалификации содеянного по статьям 154, 180 УК РФ. Кроме того, необходимо издание более детальных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросу о трактовке неоднократности с точки зрения статьи 180 УК РФ, в частности: а) необходимо обратить внимание судов на то, что использование средств индивидуализации включает в себя как их размещение на товарах, так и введение в оборот (хранение, перевозка, реализация), при этом если лицом выполняются сразу несколько таких действий, по смыслу статьи 180 УК РФ такие деяния в комплексе являются однократным использованием одного и того же средства индивидуализации и неоднократности не образуют; б) целесообразно разъяснить судам, что не образует неоднократности по смыслу статьи 180 УК РФ и незаконное размещение одного и того же чужого товарного знака на нескольких объектах, относящихся к одной единице товара (например, маркировка на нескольких футболках, кружках, ручках и т.п.).

12. Основной практической проблемой конструкции неоднократности, комбинированной с административной преюдицией, следует признать отсутствие единообразия законодательной техники формирования составов преступлений, где применена конструкция. Полагаем, в этой связи обоснованным путем к такому единообразию может стать унификация формулировок, обозначающих преюдициальный элемент в указанных составах преступлений. Наиболее оптимальным в этом отношении является применение подхода, реализованного в отношении статей 151.1 УК РФ, 157 УК РФ, 171.4 УК РФ, 215.4 УК РФ, - выражение преюдициальности через период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

13. Существование конструкции административной преюдиции в уголовно-правовых нормах в целом несет позитивный эффект, позволяет делать уголовный закон более гибким по отношению к некоторым составам преступлений, а также экономит репрессивные механизмы, однако практическая реализация рассматриваемого явления не является безупречной: это касается как содержательного круга составов преступлений, где применена конструкция (подходить к формированию такого круга необходимо взвешенно, чтобы появление в уголовном законе составов преступлений с административной преюдицией не влекло явного «антипревентивного» эффекта), так и законодательной техники ее выражения в уголовно-правовых нормах (для формирования единой логики построения норм и единообразия судебной практики преюдициальный элемент в нормах с административной преюдицией следует выразить по единому алгоритму – через период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию).

14. Систематичность как конструкция множественного совершения деяний отличается тем, что действия, формирующие соответствующее уголовно наказуемое деяние, носят систематический характер, и выражена в двух аспектах – количественном (совершение трех или более соответствующих действий, формирующих деяние) и качественном (действия, формирующие деяние, объединены единым умыслом виновного). Продолжаемое преступление и конструкцию систематичности отождествлять некорректно: сами по себе действия, формирующие состав продолжаемого преступления, могут иметь систематический характер, однако это не означает присутствия в содеянном конструкции систематичности. Неоднозначная формулировка диспозиции части 1 статьи 151 УК РФ требует корректировок, предлагается изложить ее в следующей редакции: «Вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста...».

Заключение

Правильная квалификация содеянного лицами, подвергающимися уголовной ответственности, а также назначение им справедливого наказания являются крайне значимыми направлениями правоприменительной практики. Между тем, решение указанных задач невозможно без усовершенствования уголовно-правовых норм, регулирующих отдельные институты науки уголовного права.

Одним из таких институтов является институт множественности преступлений. Необходимость совершенствования уголовного законодательства в сфере множественности преступлений и ее форм обусловлена противоречивостью ряда правовых норм, регулирующих рассматриваемый институт, которые по некоторым аспектам идут вразрез с имеющейся судебной практикой и актами толкования уголовного закона.

В результате проведенного исследования, посвященного вопросам о формах множественности преступлений в российском уголовном праве, автором сделана попытка комплексного рассмотрения института множественности преступлений и его составляющих, а также проведен системный анализ конструкций, сходных по своей природе с формами множественности преступлений.

На основании настоящей диссертации целесообразно сформулировать следующие научные выводы и предложения, отражающие поставленные в рамках диссертационного исследования цели и задачи:

1. Историко-правовые аспекты развития института множественности преступлений и ее форм в отечественном уголовном законодательстве свидетельствуют о том, что наиболее значимым для института стал дореволюционный период развития, когда все основные понятия множественности были раскрыты в законодательстве, а наряду с законодательством создавались и фундаментальные научные труды в этой сфере, при этом центральным вопросом на протяжении исторического развития института долгое время оставался вопрос о сущности идеальной совокупности преступлений.

2. На основе анализа представлений ученых о сущности множественности преступлений сформулировано авторское понятие рассматриваемой категории: Множественность преступлений – это последовательное (разновременное) либо одним действием (бездействием) совершение лицом нескольких (двух или более) преступлений (*количественная характеристика*), хотя бы по двум из числа которых сохранены юридические последствия и отсутствуют препятствия для привлечения к уголовной ответственности (*качественная характеристика*).

Помимо изложенного, в результате изучения сущности множественности преступлений автором выработан перечень общих и дополнительных критериев разграничения единичных сложных преступлений и множественности преступлений, который должен способствовать минимизации числа квалификационных ошибок в рассматриваемой сфере.

3. Автором выявлен характер соотношения уголовно-правовых категорий «форма множественности преступлений» и «вид множественности преступлений» как общего (целого) и частного (его части), разработана оптимальная система форм и видов множественности преступлений, а также система конструкций множественного совершения деяний в российском уголовном праве, включающие в себя формы множественности преступлений (совокупность преступлений, рецидив преступлений, специальная повторность неосторожных преступлений, совокупность приговоров) и конструкции множественного совершения деяний (неоднократность; неоднократность, комбинированная с административной преюдицией; административная преюдиция; систематичность).

4. На основе комплексного уголовно-правового анализа совокупности преступлений как формы множественности преступлений автором сделан вывод о необходимости полного исключения из УК РФ всех составов преступлений, сконструированных через применение сопряженности, а также всех составов преступлений, где использована конструкция «умышленные деяния, повлекшие умышленные последствия». Кроме того,

работа содержит рекомендательные положения по спорным вопросам квалификации указанных составов, и составов, где в качестве квалифицирующего признака предусмотрено совершение преступления в отношении двух или более лиц, а также предложения по совершенствованию формулировок частей 1 и 2 статьи 17 УК РФ.

5. По результатам проведенного уголовно-правового анализа рецидива преступлений как формы множественности преступлений автором выражена идея о целесообразности учета судимостей за преступления небольшой тяжести. Помимо изложенного автором сделан вывод о том, что вид рецидива преступлений не должен ставиться в зависимость от последовательности совершения лицом преступлений различной тяжести. Кроме того, в работе представлены предложения по изменению формулировок частей 1 и 2 статьи 68 УК РФ.
6. Автором выявлена и проанализирована такая форма множественности преступлений, как специальная повторность неосторожных преступлений, сформулировано ее понятие. Распространение специальной повторности неосторожных преступлений, по мнению автора, необходимо лишь в отношении тех неосторожных преступлений, последствиями которых являются тяжкий вред здоровью либо смерть, причиненные человеку либо двум или более лицам.
7. Автором представлена характеристика сущности совокупности приговоров как формы множественности преступлений, сформулировано понятие указанной категории, ее основные черты, а также предложения по совершенствованию уголовно-правовых норм, касающихся этой категории.
8. Подробное изучение сущности и содержательного состава конструкций множественного совершения деяний, имеющих в Особенной части УК РФ, позволило автору выработать систему указанных конструкций, выявить их основные признаки, а также имеющиеся в правовом регулировании указанных конструкций проблемы, дать правовую оценку природе данных уголовно-правовых явлений. На базе изученного материала в работе

представлены пути разрешения имеющихся в правоприменительной практике проблем квалификации составов преступлений, содержащих указанные конструкции.

Перспективы дальнейшего исследования сходных с тематикой диссертационного исследования вопросов видятся в изучении зарубежных систем форм и видов множественности преступлений и проведении в их отношении сравнительно-правового анализа в соотношении с российскими аналогами, а также в знакомстве с иностранной судебной практикой в рассматриваемой сфере. Перечисленные направления не входят в круг вопросов, очерчивающих объект и предмет настоящего исследования, выходят за рамки поставленных в настоящей работе целей и задач.

Полученные в ходе диссертационного исследования результаты могут стать базовой основой совершенствования законодательства и правоприменительной практики в сфере множественности преступлений. Учет накопленного в работе материала при проведении в свет законопроектной и правоприменительной деятельности в целом будет способствовать развитию и совершенствованию теории и практики уголовного права.

Библиографический список

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

Действующие нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 года № 1-ФЗ // СЗ РФ. 13.01.1997. № 2. Ст. 198.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // СЗ РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
6. Федеральный закон от 30.12.2008 N 321-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму" // "Российская газета", N 267, 31.12.2008.
7. Федеральный закон от 29.03.2010 N 33-ФЗ "О внесении изменений в статьи 73 и 74 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 189 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации" // "Российская газета", N 66, 31.03.2010.

Исторические нормативные правовые акты

8. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. Т. 15. Законы уголовные. СПб., 1842.

9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, СПб., 1845.
10. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1916 года / Россия. Законы и постановления. - Пг., 1916. Т. 15. [Ч]. 1: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов; [Ч]. 2: Уголовное уложение: (статьи, введенные в действие). Издание 1909 года, со включением статей по Продолжениям 1912 и 1913 годов. Петроградъ, 1916.
11. Новое Уголовное уложение высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. // Издание Каменноостровского юридического книжного магазина В.П. Анисимова, СПб., 1903.
12. Постановление Народного Комиссариата юстиции РСФСР от 12.12.1919 «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // СУ РСФСР, 1919, № 66, Ст. 590.
13. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // СУ РСФСР, 1922, N 15, Ст. 153.
14. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик (утв. Постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924) // СЗ СССР, 1924, N 24, Ст. 205.
15. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 "О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года" (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР) // СУ РСФСР, 1926, N 80, Ст. 600.
16. Закон СССР от 25.12.1958 "Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик" // Ведомости ВС СССР, 1958, N 1, Ст. 6.
17. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, N 40, Ст. 591.

Зарубежные нормативные правовые акты

18. Уголовный кодекс Республики Молдова (в ред. с изменениями от 30.03.2017 года) // Официальный сайт Государственный реестра юридических актов Республики Молдова: URL: <http://lex.justice.md/ru/331268/>.
19. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV (ред. от 20.07.2017 г.) // База данных «Законодательство стран СНГ»: URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835.
20. Уголовный кодекс Латвийской Республики. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.
21. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.07.2017 г.) // Информационные системы «Параграф»: URL: https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252#sub_id=120000.
22. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-3 (ред. от 18.07.2017 г.) // База данных «Законодательство стран СНГ»: URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1977.
23. Уголовный кодекс Грузии от 22.07.1999 года (по состоянию на 26.07.2017 г.) // Законодательный вестник Грузии: URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426>.
24. Texas Constitution and Statutes // URL: <http://www.statutes.legis.state.tx.us/?link=PE>.
25. Criminal Code of Latvia (edition dated 12.02.2015) // Официальный сайт Государственного языкового Центра Латвии: URL: <http://vvc.gov.lv/>.
26. Penal Code of Japan (Act No.45 of 1907) with Amendment (Act No. 54 of 2007) // Cabinet Secretariat (Japan) website: URL: <http://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/PC.pdf>.

Судебная практика

Акты Конституционного Суда Российской Федерации

27. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2010 N 8-П "По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудаева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда" // СЗ РФ, 03.05.2010. N 18. Ст. 2276.
28. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 N 2-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина" // "Российская газета", N 41, 28.02.2017.
29. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.06.2018 N 23-П "По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 4 статьи 1 Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" и пункта 4 статьи 1 Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" в связи с жалобами граждан А.И. Заляутдинова, Н.Я. Исмагилова и О.В. Чередняк" // СЗ РФ. 25.06.2018. N 26. Ст. 3932.

Акты судов общей юрисдикции

30. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)" // "Российская газета", N 24, 09.02.1999.
31. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях" // "Российская газета", № 154, 17.07.2013.
32. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 N 6 "О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе" // "Российская газета", N 38, 23.02.2000.
33. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 N 1 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности" // "Российская газета", N 35, 17.02.2012.
34. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. N 58 "О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания" // "Российская газета", N 295, 29.12.2015.
35. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. N 25 "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения" // "Российская газета", N 265, 26.12.2008.
36. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. N 16 "О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности" // "Российская газета", N 284, 12.12.2014.
37. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 N 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» // "Российская газета", N 124, 04.06.2014.
38. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 N 14 "О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских,

- смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака" // "Российская газета", N 95, 05.05.2007.
39. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 "О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних" // "Российская газета", N 29, 11.02.2011.
40. Обзор судебной практики по уголовным делам Верховного Суда РФ, утв. Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 14 мая 1997 г. // Официальный сайт Верховного Суда РФ: URL: <http://www.vsrp.ru/files/11831/>.
41. Приговор Кировского районного суда г. Волгограда по делу № 1-206\2010 от 17 июня 2010 года: URL: <https://rospravosudie.com/>.
42. Приговор Брянского областного суда по делу в отношении Андреева С.Н. от 1 июня 2010 года: URL: <https://rospravosudie.com/>.
43. Приговор Северо-Кавказского окружного военного суда по делу № 1-14/2014 от 27 июня 2014 года: URL: <https://rospravosudie.com/>.
44. Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 9 июля 2012 года по делу № 1-566/2012: URL: <https://rospravosudie.com/>.
45. Приговор Железнодорожного районного суда г. Воронежа от 28 апреля 2011 года по делу № 1-94/2011: URL: <https://rospravosudie.com/>.
46. Приговор Московского областного суда по делу в отношении Щеткина А.Н. от 19 октября 2012 года: URL: <https://rospravosudie.com/>.
47. Приговор Московского областного суда по делу в отношении Толстова И.П. от 22 октября 2012 года: URL: <https://rospravosudie.com/>.
48. Приговор Свердловского районного суда города Костромы по делу в отношении Балахонцева А.И. от 12 марта 2008 года: URL: <http://sudact.ru>.
49. Приговор Кунцевского районного суда города Москвы по делу в отношении Давронова Б.Б. от 21 августа 2012 года: URL: <http://sudact.ru>.
50. Приговор Ивановского районного суда Амурской области от 26 мая 2017 года по делу № 1-80/2017: URL: <http://sudact.ru>.

51. Приговор Курчатовского районного суда города Челябинска от 1 мая 2017 года по делу № 1-207/2017: URL: <http://sudact.ru>.
52. Приговор Судакского городского суда Республики Крым от 20 апреля 2017 года по делу № 1-31/2017: URL: <http://sudact.ru>.
53. Приговор Гурьевского городского суда Кемеровской области от 5 апреля 2017 года по делу № 1-292/2016: URL: <http://sudact.ru>.
54. Приговор Усольского городского суда Иркутской области от 5 апреля 2017 года по делу № 1-20/2017: URL: <http://sudact.ru>.
55. Приговор Октябрьского районного суда города Екатеринбурга от 23 марта 2017 года по делу № 1-95/2017: URL: <http://sudact.ru>.
56. Приговор Первоуральского городского суда Свердловской области от 13 ноября 2015 года по делу № 1-207/2015: URL: <http://sudact.ru>.
57. Приговор Ирбитского районного суда Свердловской области от 3 февраля 2014 года по делу № 1-292/2013 1-8/2014 1-8/2014(1-292/2013) : URL: <http://sudact.ru>.
58. Приговор Московского областного суда от 12 ноября 2013 года по делу № 2-120/2012: URL: <http://sudact.ru>.
59. Приговор Октябрьского районного суда города Уфы от 12 апреля 2016 года по делу № 1-66/2016: URL: <http://sudact.ru>.
60. Приговор Самарского областного суда от 31 мая 2011 года по делу № 02-31/2011: URL: <http://sudact.ru>.
61. Приговор Калужского районного суда Калужской области от 2 июня 2017 года по делу № 1-225/2017: URL: <http://sudact.ru>.
62. Приговор Абинского районного суда Краснодарского края от 25 мая 2017 года по делу № 1-115/2017: URL: <http://sudact.ru>.
63. Приговор Железнодорожного районного суда города Улан-Удэ от 22 мая 2017 года по делу № 1-428/2017: URL: <http://sudact.ru>.
64. Приговор Верх-Исетского районного суда города Екатеринбурга от 25 августа 2017 года по делу № 1-404/2017: URL: <http://sudact.ru>.

65. Приговор Ванинского районного суда Хабаровского края от 25 августа 2017 года по делу № 1-151/2017: URL: <http://sudact.ru>.
66. Приговор Савинского районного суда Ивановской области от 24 августа 2017 года по делу № 1-20/2017: URL: <http://sudact.ru>.
67. Приговор Юрьянского районного суда Кировской области от 24 августа 2017 года по делу № 1-71/2017 в отношении Постанского С.В.: URL: <http://sudact.ru>.
68. Приговор Корочанского районного суда Белгородской области от 23 августа 2017 года по делу № 1-37/2017 в отношении Р.: URL: <http://sudact.ru>.
69. Постановление Московского областного суда от 16 мая 2017 года по делу № 22-3240/2017: URL: <http://sudact.ru>.
70. Постановление Вологодского городского суда от 12 декабря 2016 года по делу № 10-86/2016: URL: <http://sudact.ru>.
71. Определение Верховного Суда Республики Бурятия от 12 марта 2013 года по делу № 22-387: URL: <http://sudact.ru>.
72. Постановление Президиума Верховного Суда Республики Карелия от 20 марта 2013 года по делу № 44у-24/2013: URL: <http://sudact.ru>.
73. Постановление Петровск-Забайкальского городского суда Забайкальского края от 23 августа 2017 года по делу № 10-5/2017: URL: <http://sudact.ru>.
74. Постановление Кондопожского городского суда Республики Карелия от 10 августа 2017 года по делу № 10-21/2017: URL: <http://sudact.ru>.
75. Приговор Замоскворецкого районного суда г. Москвы в отношении Мирзаева Р.Р. от 27 ноября 2012 года: URL: <http://sudact.ru>.
76. Приговор Энгельсского районного суда Саратовской области от 24 мая 2017 г. по делу № 1-220/2017: URL: <http://sudact.ru>.
77. Приговор Левобережного районного суда г. Липецка от 18 мая 2017 г. по делу № 1-108/2017: URL: <http://sudact.ru>.
78. Приговор Барышского городского суда Ульяновской области от 31 октября 2016 г. по делу № 1-104/2016: URL: <http://sudact.ru>.

79. Приговор Советского районного суда г. Красноярска от 2 октября 2017 г. по делу № 1-1174/2016: URL: <http://sudact.ru>.
80. Приговор Советского районного суда г. Новосибирска от 9 ноября 2017 г. по делу № 1-328/2017: URL: <http://sudact.ru>.
81. Приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 19 октября 2017 г. по делу № 1-723/2017: URL: <http://sudact.ru>.
82. Приговор Советского районного суда г. Самары от 3 апреля 2012 г. по делу № 1-140/2012: URL: <http://sudact.ru>.
83. Приговор Смидовичского районного суда Еврейской автономной области от 27 ноября 2017 г. по делу № 1-169/2017: URL: <http://sudact.ru>.
84. Приговор Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 27 ноября 2017 г. по делу № 1-366/2017: URL: <http://sudact.ru>.
85. Приговор Меленковского районного суда Владимирской области от 27 ноября 2017 г. по делу № 1-109/2017: URL: <http://sudact.ru>.
86. Приговор Вологодского городского суда от 24 ноября 2017 г. по делу № 1-585/2017: URL: <http://sudact.ru>.
87. Приговор Каргасокского районного суда Томской области от 24 ноября 2017 г. по делу № 1-87/2017: URL: <http://sudact.ru>.
88. Приговор Пожарского районного суда Приморского края от 24 ноября 2017 г. по делу № 1-215/2017: URL: <http://sudact.ru>.
89. Приговор Сергачского районного суда Нижегородской области от 24 ноября 2017 г. по делу № 1-76/2017: URL: <http://sudact.ru>.
90. Приговор Череповецкого городского суда Вологодской области от 24 ноября 2017 г. по делу № 1-1007/2017: URL: <http://sudact.ru>.
91. Приговор Юргинского городского суда Кемеровской области от 24 ноября 2017 г. по делу № 1-277/2017: URL: <http://sudact.ru>.
92. Приговор Волоколамского городского суда Московской области от 27 ноября 2017 г. по делу № 1-151/2017: URL: <http://sudact.ru>.

93. Кассационное определение Верховного Суда Республики Тыва от 29 августа 2012 г. по делу в отношении Пятибратова В.Е.: URL: <http://sudact.ru>.
94. Приговор Воскресенского районного суда Нижегородской области от 2 ноября 2011 г. по делу № 1-40/2011: URL: <http://sudact.ru>.
95. Приговор Курчатовского городского суда Курской области от 26 мая 2011 г. по делу в отношении Шувырина А.Н. и Кесаева Т.А.: URL: <http://sudact.ru>.
96. Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 25 апреля 2013 г. по делу в отношении Иванова Р.В. и Лыхина Я.И.: URL: <http://sudact.ru>.
97. Приговор Волжского городского суда Волгоградской области от 6 февраля 2013 г. по делу № 1-208/2013: URL: <http://sudact.ru>.
98. Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан от 13 октября 2015 г. по делу № 1-490/2015: URL: <http://sudact.ru>.
99. Апелляционное постановление Московского областного суда от 13 января 2015 г. по делу № 22-8055/2014: URL: <http://sudact.ru>.
100. Приговор Кировского районного суда Приморского края от 1 июня 2016 г. по делу № 1-101/2016: URL: <http://sudact.ru>.
101. Приговор Красногорского районного суда г. Каменск-Уральского Свердловской области от 3 февраля 2016 г. по делу № 1-438/2015: URL: <http://sudact.ru>.
102. Приговор Кораблинского районного суда Рязанской области от 30 ноября 2017 г. по делу № 1-58/2017: URL: <http://sudact.ru>.
103. Постановление Центрального районного суда г. Твери от 2 июля 2015 г. по делу № 10-5/2015: URL: <http://sudact.ru>.
104. Приговор Калининского районного суда г. Челябинска от 15 декабря 2016 г. по делу № 1-695/2016: URL: <http://sudact.ru>.
105. Приговор Калининского районного суда г. Челябинска от 18 апреля 2017 г. по делу № 1-229/2017: URL: <http://sudact.ru>.

106. Апелляционное постановление Ленинского районного суда г. Самары от 2 февраля 2016 г. по делу № 10-1/2016: URL: <http://sudact.ru>.
107. Приговор Белгородского районного суда Белгородской области от 27 июня 2017 г. по делу № 1-49/2017: URL: <http://sudact.ru>.
108. Приговор Кирово-Чепецкого районного суда Кировской области от 10 апреля 2015 г. по делу № 1-73/2015: URL: <http://sudact.ru>.
109. Приговор Октябрьского районного суда г. Кирова от 1 августа 2017 г. по делу № 1-305/2017: URL: <http://sudact.ru>.
110. Приговор Алатырского районного суда Чувашской республики от 19 сентября 2017 г. по делу № 1-79/2017: URL: <http://sudact.ru>.
111. Приговор Бийского городского суда Алтайского края от 16 ноября 2017 г. по делу № 1-235/2017: URL: <http://sudact.ru>.
112. Приговор Вяземского районного суда Смоленской области от 8 ноября 2017 г. по делу № 1-260/2017: URL: <http://sudact.ru>.
113. Приговор Истринского городского суда Московской области от 30 ноября 2017 г. по делу № 1-411/2017: URL: <http://sudact.ru>.
114. Приговор Советского районного суда Курской области от 6 июня 2017 г. по делу № 1-13/2017: URL: <http://sudact.ru>.
115. Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 8 сентября 2017 г. по делу № 1-735/2017: URL: <http://sudact.ru>.
116. Приговор Песчанокского районного суда Ростовской области от 5 сентября 2017 г. по делу № 1-60/2017: URL: <http://sudact.ru>.
117. Приговор Артинского районного суда Свердловской области от 16 мая 2017 г. по делу № 1-46/2017: URL: <http://sudact.ru>.
118. Приговор Кирово-Чепецкого районного суда Кировской области от 3 марта 2017 г. по делу № 1-370/2016: URL: <http://sudact.ru>.
119. Приговор Ленинского районного суда г. Барнаула от 30 августа 2016 г. по делу № 1-312/2016: URL: <http://sudact.ru>.
120. Приговор Бугульминского городского суда Республики Татарстан от 23 мая 2016 г. по делу № 1-146/2016: URL: <http://sudact.ru>.

121. Приговор Челябинского областного суда от 20 мая 2016 г. по делу № 10-2481/2016: URL: <http://sudact.ru>.
122. Приговор Курчатовского городского суда Курской области от 14 ноября 2017 г. по делу № 1-129/2017: URL: <http://sudact.ru>.
123. Приговор Старооскольского городского суда Белгородской области от 13 ноября 2017 г. по делу № 1-365/2017: URL: <http://sudact.ru>.
124. Приговор Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону от 4 сентября 2017 г. по делу № 10-33/2017: URL: <http://sudact.ru>.
125. Приговор Нижнегорского районного суда Республики Крым от 22 июня 2017 г. по делу № 1-107/2017: URL: <http://sudact.ru>.
126. Приговор Усть-Донецкого районного суда Ростовской области от 4 апреля 2017 г. по делу № 1-66/2017: URL: <http://sudact.ru>.
127. Апелляционное постановление Зимовниковского районного суда Ростовской области от 30 марта 2017 г. по делу № 10-3/2017: URL: <http://sudact.ru>.
128. Постановление Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 21 декабря 2016 г. по делу № 10-127/2016: URL: <http://sudact.ru>.
129. Приговор Ленинского районного суда г. Чебоксары от 13 ноября 2017 г. по делу № 1-403/2017: URL: <http://sudact.ru>.
130. Приговор Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 15 сентября 2017 г. по делу № 1-163/2017: URL: <http://sudact.ru>.
131. Постановление Шумерлинского районного суда Чувашской республики от 24 мая 2017 г. по делу № 10-6/2017: URL: <http://sudact.ru>.
132. Приговор Асбестовского городского суда Свердловской области от 4 мая 2016 г. по делу № 1-57/2016: URL: <http://sudact.ru>.
133. Приговор Каргасокского районного суда Томской области от 3 февраля 2016 г. по делу № 1-1/2016: URL: <http://sudact.ru>.
134. Приговор Георгиевского городского суда Ставропольского края от 30 октября 2015 г. по делу № 1-355/2015: URL: <http://sudact.ru>.

135. Приговор Чебоксарского районного суда Чувашской республики от 22 июля 2015 г. по делу № 1-87/2015: URL: <http://sudact.ru>.
136. Апелляционное определение Альшеевского районного суда Республики Башкортостан от 5 сентября 2014 г. по делу № 10-34/2014: URL: <http://sudact.ru>.
137. Приговор Мещанского районного суда г. Москвы от 12 апреля 2013 г. по делу № 1-215/2013: URL: <http://sudact.ru>.
138. Постановление Нарьян-Марского городского суда Ненецкого автономного округа от 13 февраля 2013 г. по делу № 1-1/2013: URL: <http://sudact.ru>.
139. Приговор Серовского районного суда Свердловской области от 11 января 2013 г. по делу № 1-17/2013: URL: <http://sudact.ru>.
140. Постановление Калининского районного суда г. Чебоксары от 15 октября 2012 г. по делу № 10-81/2012: URL: <http://sudact.ru>.
141. Приговор Донецкого городского суда Ростовской области от 25 апреля 2017 г. по делу № 1-108/2017: URL: <http://sudact.ru>.
142. Приговор Кезского районного суда Удмуртской Республики от 15 августа 2017 г. по делу № 1-118/2017: URL: <http://sudact.ru>.
143. Приговор Кезского районного суда Удмуртской Республики от 14 апреля 2015 г. по делу № 1-57/2015: URL: <http://sudact.ru>.
144. Приговор Центрального районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области от 29 сентября 2014 г. по делу № 1-613/2014: URL: <http://sudact.ru>.
145. Приговор Магасского районного суда Республики Ингушетия от 23 мая 2017 г. по делу № 1-136/2017: URL: <http://sudact.ru>.
146. Приговор Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики от 3 февраля 2017 г. по делу № 1-44/2017: URL: <http://sudact.ru>.
147. Приговор Сунженского районного суда Республики Ингушетия от 30 июля 2015 г. по делу № 1-70/2015: URL: <http://sudact.ru>.
148. Приговор Дмитровского городского суда Московской области от 21 апреля 2014 г. по делу № 1-54/2014: URL: <http://sudact.ru>.

149. Приговор Кировского районного суда г. Астрахани от 7 июня 2013 г. по делу № 1-303/2013: URL: <http://sudact.ru>.

Акты арбитражных судов:

150. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 N 11 "О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" // "Вестник ВАС РФ". N 5. 2011.

Монографии, учебники, учебные пособия и комментарии:

151. Агаев И.Б. Рецидив в системе множественности преступлений. – М.: Юристъ, 2002. - 108 с.
152. Агаев И.Б. Совокупность преступлений: понятие, виды, наказуемость. – М.: Проспект, 2003. - 197 с.
153. Беляева И.М., Гарбатович Д.А. и др. Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. – 336 с.
154. Благов Е.В. Применение специальных начал назначения уголовного наказания. М., 2007. – 288 с.
155. Бытко Ю.И. Учение о рецидиве преступлений в российском уголовном праве: История и современность: Монография. - Саратов, 2002. - 220 с.
156. Василёв И.И., Кирпичников Н.В. «Псковская судная грамота (1397—1467). Подлинная и в переводе на современный язык с примечаниями по установлению переводного текста». – Псков: Типография Губернского правления, 1896. – 76 с.
157. Возжанникова И.Г. Рецидив как вид множественности преступлений: Монография. М.: КОНТРАКТ, 2014. – 112 с.
158. Галиакбаров Р.Р., Фролов Е.А. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права. – Свердловск, 1967. – 20 с.

159. Горелик А.С. Назначение наказания совокупности. - Красноярск: Кн. изд-во, 1975. - 272 с.
160. Дагель П.С. Множественность преступлений: (Лекция по курсу советского уголовного права, часть Общая). - Владивосток, 1969. – 26 с.
161. Иванов В.А. Понятие и виды рецидива преступлений: Лекция. Челябинск, 2001. – 29 с.
162. Иванов В.А. Проблемы назначения наказания за рецидив преступлений: Лекция. Челябинск: Изд-во Челяб. юрид. ин-та МВД России, 2001. - 26 с.
163. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. - М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. - 287 с.
164. Кибальник А.Г., Морозов А.Ю., Соломоненко И.Г. Рецидив преступлений в уголовном праве России. – Ставрополь, 2000. – 47 с.
165. Козлов А.П., Севастьянов А.П. Единичные и множественные преступления. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2011. – 915 с.
166. Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие / под ред. А. И. Рарога; МГЮА им. О. Е. Кутафина. - М.: Проспект, 2010. -176 с.
167. Корнеева А.В. Теория квалификации преступлений. Учебное пособие для магистрантов. М., 2019. - 112 с.
168. Коротких Н.Н. Рецидив как вид множественности преступлений в российском уголовном праве. Владивосток, 2006. – 130 с.
169. Красиков Ю.А. Множественность преступлений. Понятие, виды, наказуемость: Учебное пособие. - М.: РИО ВЮЗИ, 1988. – 96 с.
170. Криволапов Г.Г. Множественность преступлений по советскому уголовному праву и установление ее признаков органами внутренних дел. Учебное пособие. - М.: Изд-во МССШМ МВД СССР, 1989. – 48 с.
171. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. – М.: Госюриздат, 1963. – 324 с.

172. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». – М.: Издательский дом «Городец», 2007. – 336 с.
173. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов. Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М.: ИКД "Зерцало-М", 2002. – 624 с.
174. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. М.: Статут, 2017. – 1280 с.
175. Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. - М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1903. – 334 с.
176. Малков В. П. Совокупность преступлений. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1974. – 307 с.
177. Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. - 174 с.
178. Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение / Монография. - Казань: Таглитат, 2006. – 140 с.
179. Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах от 22 января 1669 г. Извлечение из книги Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича (сост. Томсинов В.А.), 2011. СПС «Гарант»: URL: <http://base.garant.ru/55097777/>.
180. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. - М.: Госюриздат, 1961. – 666 с.
181. Попов В.И. Рецидив и организованная преступность: Монография. М.: Московский институт МВД РФ, 1998. – 193 с.
182. Российское законодательство X - XX веков. В 9 томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В. Л. Янин, М., 1984. – 430 с.
183. Российское законодательство X - XX веков. В 9 томах. Том 2, Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства (отв. ред. А.Д. Горский). - М.: Юридическая литература, 1985. – 520 с.

184. Российское законодательство X - XX веков. В 9 томах. Том 4, Законодательство периода становления абсолютизма (отв. ред. А.Г. Маньков). - М.: Юридическая литература, 1986. – 512 с.
185. Судебники XV-XVI вв. Под общей редакцией акад. Б.Д. Грекова, М.-Л.: АН СССР, 1952. - 615 с.
186. Таганцев Н.С. О повторении преступлений. - СПб.: Журн. М-ва юст., 1867. – 296 с.
187. Тихомиров М.Н., Елифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 431 с.
188. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. — М.: Статут, 2012. – 879 с.
189. Уголовное право России. Часть общая: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / Галиакбаров Р. Р. [и др.]; Отв. ред. Л. Л. Кругликов. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Волтерс Клувер, 2005. – 567 с.
190. Уголовное право. Общая часть: Учебник / [Н.И. Ветров, Р.Л. Габдрахманов, В.И. Динека и др.]; Отв. ред. Н.И. Ветров, Ю.И. Ляпунов]. - М.: Новый юрист: ООО "КноРус", 1997. - 583 с.
191. Уголовное право. Общая часть: Учеб. для вузов / [М.И. Ковалев, И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова и др.]; Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова]. М.: ИНФРА-М: Норма, 1997. - 503 с.
192. Уголовное право. Общая часть: Учебник / Герцензон А.А., Исаев М.М., Пионтковский А.А., Утевский Б.С.; Науч. ред.: Меньшагин В.Д.. - 4-е изд., перераб. - М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. - 575 с.
193. Уголовный кодекс Латвийской Республики (науч. ред. Лукашов А. И., Саркисова Э. А.). - СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 313 с.
194. Филиппов П.А. Преступления против порядка управления: закон, теория, практика: Монография. – М.: Зерцало-М, 2017. – 512 с.

195. Фистин А.Н. Уголовно-правовая оценка множественности преступлений. - М.: ВНИИ МВД, 1979. - 58 с.
196. Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву. – Кемерово, Кузбассвузиздат, 2007. – 203 с.
197. Шкредова Э.Г. Множественность преступлений: исторический аспект: монография. - М.: Юрлитинформ, 2011. -184 с.
198. Шнитенков А.В. Множественность преступлений в уголовном праве: учебное пособие / А. В. Шнитенков. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – 49 с.
199. Яковлев А.М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. - М.: Госюриздат, 1960. – 119 с.

Научные статьи и другие публикации:

200. Боровиков В.Б. Оценка применения насилия при захвате заложника // Уголовное право. 2016. N 2. С. 17 - 22.
201. Веселов Е.Г. Спорные вопросы назначения наказания по совокупности преступлений и приговоров // СПС «Консультант Плюс».
202. Вожжов А.В. Основные меры предупреждения рецидива насильственных преступлений // Российский следователь. 2012. № 17. С. 30-33.
203. Волженкин Б.В. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ // Законность. 1998. N 12.
204. Воронин В.Н. Критерии индивидуализации наказания при рецидиве преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8. С. 121-128.
205. Габдрахманов Р.Л. Квалификация террористического акта по УК РФ // Российский следователь. 2015. N 4. С. 16 - 20.
206. Гарбатович Д. Отдельные проблемы квалификации множественности преступлений // Уголовное право. - М.: АНО "Юридические программы", 2009. № 5. С. 26-29.

207. Гарбатович Д.А. Проблемы квалификации множественности преступлений при сбыте наркотических средств // Наркоконтроль. 2009. № 4. С. 37-39.
208. Георгиевский Э.В. Еще раз о некоторых проблемах института множественности преступлений // Сибирский юридический вестник. 2001. № 1.
209. Головизнина И.А. Проблема двусмысленности термина "неоднократность", содержащегося в ст. 180 УК РФ, и пути ее преодоления // Российский следователь. 2006. № 11. С. 15-17.
210. Головкин Л.В. Административная преюдиция в уголовном праве: казус Ильдара Дадина // Закон. N 2. С. 21-29.
211. Головкин Л.В. Границы уголовного права: от формального к функциональному подходу // Библиотека криминалиста. 2013. N 2. С. 77 - 90.
212. Губаева Т., Малков В. Назначение наказания по совокупности преступлений // Рос. юстиция. 1998. № 6.
213. Давыденко В.М. Рецидив преступлений условно осужденных несовершеннолетних: понятие и основные характеристики // Уголовно-исполнительная система. 2010. № 3. С. 10–13.
214. Досаева Г.С. К вопросу о множественности преступлений // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 18-21.
215. Евстигнеев А.М. Повторность и неоднократность: в чем различия? // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1 (76). С. 71-73.
216. Жарких Е.А. Уголовно-правовой и административно-правовой рецидив // Российский следователь. 2016. № 19. С. 23–26.
217. Зателепин О.К. Некоторые вопросы разграничения неоднократности и реальной совокупности преступлений в свете постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое" от 27 декабря 2002 г. № 29 // Военно-уголовное право. 2003. № 5-6.

218. Карабанова Е.Н. Социально-правовая природа многообъектных преступлений // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 130–138.
219. Карасева М.В. Неоднократность преступлений и проблемы правоприменения этого понятия // Современное право. 2001. № 6.
220. Кашепов В.П. Уголовно-правовая квалификация совокупности преступлений // Комментарий судебной практики. Выпуск 12 / Под ред. К.Б. Ярошенко. Юридическая литература, 2006.
221. Кленова Т.В. Основания разграничения уголовно-правового и административно-правового запретов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2016. С. 43-46.
222. Клепицкий И.А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете Европейской конвенции о правах человека // Государство и право. 2000. N 3. С. 65 – 74.
223. Корнеева А.В. О квалификации при идеальной совокупности преступлений на примере ст. 264 УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы XI международной научно-практической конференции, 2014. С. 144-148.
224. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации // Закон. 2015. № 8.
225. Коротких Н.Н. Вид исправительного учреждения и условия отбывания наказания в виде лишения свободы за множественность преступлений // Lex Russica. 2015. № 8. С. 20-31.
226. Коротких Н.Н. Отграничение множественности преступлений от единичных сложных преступлений // "Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики". Актуальные проблемы юридической науки. Материалы XI Международной научно-практической конференции. - Тольятти: Изд-во Волжск. ун-та им. В.Н. Татищева, 2014. Ч. II. С. 123-128.
227. Коротких Н.Н. Совокупность приговоров в системе множественности преступлений // Проблемы права. 2013. № 1 (39). С. 159-161.

228. Краев Д.Ю. Об умысле в убийстве двух или более лиц (п. "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Адвокатская практика. 2016. N 5.
229. Крылова Н.Е. Существует ли уголовное право "в широком смысле слова"? // Научные основы уголовного права и процессы глобализации. Материалы V Российского конгресса уголовного права. М., 2010. С. 721 – 727.
230. Кузнецова Н.Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского ун-та. Серия 11: Право. 2003. N 1.
231. Кукоба Ю.В. Совокупность преступлений: история развития и проблемы соотношения реальной и идеальной совокупности // Материалы VII Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум»: URL: <http://www.scienceforum.ru/2015/1256/15276>.
232. Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Хутов К.М., Долотов Р.О. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть. Проект // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 6. С. 18-59.
233. Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Хутов К.М., Долотов Р.О. Теоретическая модель Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные положения структуры и содержания // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 1. С. 109-118.
234. Малков В. К вопросу о формах и видах множественности преступлений по уголовному праву России // Уголовное право. 2009. N 1. С. 30 - 38.
235. Малков В. П. Неоднократность правонарушения и административная преюдиция как средства криминализации и декриминализации содеянного в российском уголовном праве // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 179-186.
236. Мамхягов З.З. О допустимости использования административной преюдиции в уголовном законодательстве // Административное право и процесс. 2015. N 8. С. 72–74.

237. Молчанов Д.М. Множественность преступлений: актуальные проблемы и теоретический опыт исследований ученых кафедры уголовного права МГЮА // Актуальные проблемы российского права. 2016. N 5. С. 107 - 118.
238. Наумов А.В. Совокупность в составных насильственных преступлениях: когда она есть и когда отсутствует // Уголовное право. 2014. N 5. С. 76-79.
239. Осокин Р.Б., Курсаев А.В. К вопросу об обоснованности выделения преступлений с двумя формами вины в Уголовном кодексе РФ и их соотношении с идеальной совокупностью преступлений // Вестник ТГУ. 2011. Вып. 6 (98). Тамбов. С. 257-260.
240. Пряхина Н. И., Щепельков В. Ф. Об отграничении продолжаемого преступления от совокупности преступлений // КриминалистЪ. 2011. № 1 (8). С. 6-11.
241. Пудовочкин Ю. Актуальные проблемы взаимодействия уголовного и административно-деликтного права: обзор круглого стола // Уголовное право. 2016. № 3. С. 123-125.
242. Рогова Н.Н. Уголовная ответственность за квалифицированные виды убийства // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 7.
243. Селиверстов В.И. О разработке научно-теоретической модели Общей части УИК РФ // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1. С. 90-98.
244. Семенова Д.М. Проблемы дифференциации уголовной ответственности за множественность преступлений // Евразийская адвокатура. 2017. № 2.
245. Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 6.

246. Сокол Е.В. Понятие систематичности при вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий // Общество и право. 2014. N 4. С. 134-138.
247. Сулейманов Б.Б., Камышова Е.Г. Исторические аспекты развития института множественности в уголовном законодательстве дореволюционной России // Российский следователь. 2009. № 5. С. 21-23.
248. Феоктистов М.В. Рецидив в системе множественности преступлений по уголовному законодательству середины XX века (посвящается 170-летию со дня принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.) // Российский судья. 2016. № 3. С. 55-60.
249. Хисматулина Ю.Р. Совокупность преступлений: история развития и проблемы соотношения реальной и идеальной совокупности // Сибирский юридический вестник. 2003. № 2.
250. Хоменко А.Н. Проблемы использования административной преюдиции в уголовном праве // Вестник Омской юридической академии. 2017. Том 14, N 1. С. 37-42.
251. Черепанова Е. В. Правовые проблемы квалификации преступлений коррупционной направленности // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 101–107.
252. Черненко Т. Формы множественности преступлений // Уголовное право. 2008. № 4. С. 54-58.
253. Чернова Т., Малков В. Назначение наказания по совокупности приговоров // Российская юстиция. 1999. № 10. С. 46-48.
254. Чернова Т., Малков В. Назначение наказания по совокупности приговоров // Российская юстиция. 2001. № 8. С. 68-69.
255. Чучаев А.И., Буранов Г.К. Рецидив преступлений и наказание // Журнал российского права. 2000. № 12. С. 32-44.
256. Шемякин Д.В. Проблемные вопросы использования административной преюдиции в уголовном праве // Российский следователь. 2015. № 15. С. 45-47.

257. Шестакова М. Концепция нового Кодекса об административных правонарушениях: что планирует изменить правительство для граждан и компаний // ЭЖ-Юрист. 2019. № 24.
258. Шкредова Э.Г. Влияние института множественности преступлений на освобождение от уголовной ответственности по законодательству стран СНГ // Современное право, 2006. N 2. С. 65-70.
259. Шкредова Э.Г. Институт множественности преступлений по уголовному законодательству России и Украины // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 93-99.
260. Шкредова Э.Г. Множественность преступлений в современной доктрине: понятие и признаки // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 78 – 87.
261. Шкредова Э.Г. Множественность преступлений по уголовному законодательству и доктрине начала XX века // Современное право. 2007. № 2. С. 91-93.
262. Шкредова Э.Г. Современное состояние института множественности преступлений // Современное право. 2004. № 10. С. 62-66.
263. Шкредова Э.Г. Формы множественности преступлений в современной уголовно-правовой доктрине // Журнал российского права. 2012. № 9. С. 50-54.
264. Яни П.С. Неоднократность как признак незаконного использования товарного знака // Уголовное право. 2000. № 1. С. 143.
265. Яни П.С. Новое Постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве // Законность. 2013. N 9. С. 35 - 40; N 10. С. 25 - 30; N 11. С. 21 - 26; N 12. С. 31 - 36.
266. Яни П.С. Размер хищения // Законность. N 11. С. 37-42.
267. Яни П.С. Сопряженность не исключает совокупности // "Законность", N 2, 2005.

268. Авдалян М.Э. Основание криминализации и криминообразующие признаки нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2015. – 199 с.
269. Армашова А.В. Проблемы рецидива преступлений и ответственности за него по уголовному праву России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. – 27 с.
270. Асланян М.М. Рецидив преступлений как легальная форма профессиональной преступности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. – 23 с.
271. Боева О.Ю. Множественность преступлений, совершаемых в сфере экономики (понятие, виды, типичные ситуации, квалификация, ответственность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. – 29 с.
272. Борисенко Е.А. Назначение наказания при множественности преступлений (ст. 68, 69 УК РФ): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. – 27 с.
273. Васильева Е.Г. Формы множественности преступлений по действующему уголовному законодательству: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2005. - 22 с.
274. Возжанникова И. Г. Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. - 29 с.
275. Гончарова М.В. Рецидив корыстных преступлений и его предупреждение: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014. - 56 с.
276. Досаева Г.С. Уголовно-правовой институт множественности преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2017. – 65 с.
277. Дюсенбаева А.К. Множественность преступлений в уголовном законодательстве Республики Казахстан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. - 30 с.

278. Елисеева Н.В. Рецидив среди помилованных и его деятельность органов внутренних дел по его предупреждению: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. – 31 с.
279. Зарва Г.Н. Рецидив преступлений: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. – 22 с.
280. Зозуля В.В. Совокупность преступлений против собственности: вопросы квалификации и назначения наказания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – 24 с.
281. Калинина Т. А. Формы и виды единого преступления и отграничение их от множественности преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 24 с.
282. Козлов А.В. Ответственность за совокупность преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 18 с.
283. Коротких Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о множественности преступлений: уголовно-правовое и уголовно-исполнительное исследование: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 39 с.
284. Краев Д.Ю. Убийство, сопряженное с иными преступлениями (законодательная регламентация и квалификация): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 31 с.
285. Кулагин А.Н. Продолжаемые преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – 30 с.
286. Куличенко Н.Н. Уголовно-правовая характеристика единичного сложного преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2006. – 22 с.
287. Ларина Л.Ю. Совокупность преступлений: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2011. – 24 с.

288. Никитина Н. А. Преступления с двумя формами вины: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2011. – 23 с.
289. Пичугин С.А. Рецидив преступлений среди условно осужденных: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. – 28 с.
290. Рясов А.И. Принцип справедливости в назначении наказания при множественности преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. – 217 с.
291. Салева Н.Н. Убийство, сопряженное с иными преступлениями: проблемы квалификации и уголовной ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2006. – 22 с.
292. Санинский Р.А. Теоретико-законодательные и правоприменительные аспекты множественности преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. - 25 с.
293. Сорокин А.И. Множественность преступлений и ее уголовно-правовая оценка: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. – 29 с.
294. Суменков А.К. Рецидив преступлений и проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. – 23 с.
295. Ткешелиадзе Г. Т. Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Тбилиси, 1961. - 25 с.
296. Тосакова Л.С. Назначение наказания при рецидиве преступлений по действующему уголовному законодательству: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1997. – 17 с.
297. Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву: Дис. ... д-ра юрид. наук. Кемерово, 2001. 367 с.
298. Чогошвили Т.Р. Уголовно-правовой рецидив и его значение для предупреждения новых преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. – 22 с.

299. Юшков Ю.Н. Множественность преступных деяний (Вопросы квалификации преступлений и назначения наказания): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Свердловск, 1974. - 27 с.
300. Яшинова Н.Ф. Вопросы назначения наказания при совокупности преступлений по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Харьков, 1951. – 16 с.

Энциклопедии и словари:

301. Словарь русского языка: 70000 слов / С. И. Ожегов; под ред. [и с предисл.] Н. Ю. Шведовой ; АН СССР, Ин-т рус. яз. - 21-е изд., перераб. и доп. Москва: Рус. яз., 1989. - 921 с.

Интернет-ресурсы:

302. Законопроект № 612292-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7>.
303. Официальный сайт МВД России: URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987>.
304. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

Приложение

Образец анкеты «Уголовно-правовое регулирование форм множественности преступлений в Российской Федерации: пути оптимизации»

Анкета «Уголовно-правовое регулирование форм множественности преступлений в Российской Федерации: пути оптимизации»

Здравствуйте, уважаемые коллеги!

Данное социологическое исследование проводится с целью выявления путей оптимизации уголовного законодательства Российской Федерации в сфере регулирования форм множественности преступлений. Будем крайне признательны за участие в анкетировании и уделенное время.

На каждый из вопросов анкеты необходимо дать один из предложенных ответов (выбранный ответ возможно выделить цветом или поставить рядом любой значок).

1. Каков род Ваших занятий?

- А) Теоретик в области уголовного права (ученый, преподаватель ВУЗа и др.);
- Б) Практик в области уголовного права (судья, следователь, адвокат и др.);
- В) Аспирант, студент юридического ВУЗа/факультета;
- Г) Иное (укажите, пожалуйста, в графе справа): _____ .

2. Приходилось ли Вам сталкиваться с коллизиями в области уголовно-правового регулирования форм множественности преступлений (к примеру, со спорными вопросами квалификации деяний лица по совокупности преступлений, при рецидиве преступлений; со спорными вопросами разграничения единичных сложных преступлений и множественности преступлений; со спорными вопросами применения административной преюдиции и др.)?

- А) Да, приходилось;
- Б) Нет, не приходилось.

3. Необходимо ли, по Вашему мнению, четкое закрепление в УК РФ понятий реальной и идеальной совокупности преступлений?

- А) Да, необходимо;
- Б) Нет, в настоящее время такой необходимости не имеется.

4. Часть 1 статьи 17 УК РФ понимает под совокупностью преступлений совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. **Как Вы считаете, удачно ли данное определение в существующем виде, либо оно требует некоторых корректировок?**

- А) Да, определение оптимально в существующем виде;
- Б) Нет, момент осуждения четко не выражен в законе, следует заменить формулировку «лицо не было осуждено» на формулировку «лицо не был провозглашен обвинительный приговор суда»;
- В) Нет, момент осуждения четко не выражен в законе, следует заменить формулировку «лицо не было осуждено» на формулировку «в отношении лица не вступил в силу обвинительный приговор суда»;
- Г) Нет, момент осуждения четко не выражен в законе, следует заменить формулировку «лицо не было осуждено» на формулировку «лицо не имеет судимости».

5. **На Ваш взгляд, упростит ли каким-либо образом задачу правильной квалификации деяний лиц отказ от использования в некоторых составах преступлений (например, в ч. 2 ст. 105 УК РФ), предусмотренных УК РФ, конструкции сопряженности?**

- А) Да, упростит, поскольку несмотря на наличие в ряде составов конструкции сопряженности, а также на положения ч. 1 ст. 17 УК РФ, суды зачастую продолжают квалифицировать деяния, выраженные в УК РФ через конструкцию сопряженности, по совокупности преступлений в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ по конкретным преступлениям, уследивая в обратном неполноценное отражение в квалификации фактически содеянного лицом;
- Б) Нет, не упростит, необходимо продолжать разъяснительную работу для правоприменителей путем издания Постановлений Пленума Верховного Суда РФ, содержащих иные позиции (соответствующие ч. 1 ст. 17 УК РФ) в целях формирования единообразной судебной практики с учетом существующих положений ч. 1 ст. 17 УК РФ.

6. Как Вы считаете, является ли удачной текущая трактовка идеальной совокупности (ч. 2 ст. 17 УК РФ) в уголовном законе?

А) Да, текущая трактовка удачна и не требует корректировок;

Б) Нет, текущая трактовка через позицию о том, что идеальную совокупность могут образовывать лишь деяния, предусмотренные различными статьями УК РФ, не является приемлемой, так как не предоставляет правоприменителю возможность охватить при квалификации всё содеянное лицом. Необходимо вернуться к иному толкованию идеальной совокупности и указать, что ее могут образовывать и деяния, предусмотренные различными частями одной и той же статьи УК РФ, которые являются самостоятельными составами преступлений.

7. По Вашему мнению, целесообразно ли на сегодняшний день введение учета судимостей за преступления небольшой тяжести для признания в деяниях лица рецидива преступлений в связи с высокими показателями численности преступлений небольшой тяжести и увеличением количества таких преступлений в уголовном законе?

А) Да, растущий уровень преступности в отношении преступлений небольшой тяжести, а также увеличение их количества в УК РФ оправдывает необходимость введения учета судимостей за преступления небольшой тяжести для признания рецидива преступлений;

Б) Нет, совершение преступлений небольшой тяжести, в том числе, неоднократное, не свидетельствует о повышенной общественной опасности лица и не требует усиленной ответственности в виде признания рецидива преступлений в его отношении.

8. Как Вы считаете, оправдано ли дальнейшее расширение института специальной «повторности» в отношении некоторого, ограниченного числа преступлений, совершенных по неосторожности?

А) Да, такое расширение оправдано, поскольку повторное совершение лицом тождественных неосторожных преступлений свидетельствует не о случайности, а о стойкой закономерности. Вместе с тем, такое расширение необходимо распространить лишь на ситуации, при которых последствиями совершаемых лицом неосторожных преступлений являются тяжкий вред здоровью либо смерть, причиненные человеку либо двум или более лицам (подобный подход уже применен законодателем в ст. 264.1 УК РФ, где закреплена

специальная «повторность» по отношению к преступлениям, предусмотренным ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ);

Б) Нет, такое расширение на данный момент не является оправданным.

9. Как Вы оцениваете наличие конструкции административной преюдиции в уголовно-правовых нормах?

А) Существование конструкции административной преюдиции в уголовно-правовых нормах в целом несет позитивный эффект, позволяет делать уголовный закон более гибким по отношению к некоторым составам преступлений, а также экономит репрессивные механизмы;

Б) Существование конструкции административной преюдиции в уголовно-правовых нормах в целом несет позитивный эффект, однако ее практическая реализация не является безупречной: это касается как содержательного круга составов преступлений, где применена конструкция (подходить к формированию такого круга необходимо взвешенно, чтобы появление в уголовном законе составов преступлений с административной преюдицией не влекло явного «антипревентивного» эффекта), так и законодательной техники ее выражения в уголовно-правовых нормах (для формирования единой логики построения норм и единообразия судебной практики преюдициальный элемент в нормах с административной преюдицией следует выразить по единому алгоритму – через период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию);

В) Административная преюдиция в уголовном законе несет негативный эффект, неоправданно сближает уголовно-правовые и административно-правовые нормы, в связи с чем даже корректировки, связанные с практическим выражением конструкции в УК РФ, не позволят придать ей позитивную направленность, конструкция подлежит исключению из норм УК РФ.